

*Посвящается
моей матери
Марии Васильевне
и памяти моего отца
Николая Федотовича*

ОБ АВТОРЕ

БУЛАТОВ Владимир Николаевич родился в 1946 году в г. Крайово (Румыния). Историк, политолог, доктор исторических наук (1991), профессор. Из семьи военнослужащего, в Архангельске с 1949 года. После окончания средней школы № 22 работал крановщиком башенного крана. Служил в Советской Армии. Учился на историческом отделении историко-филологического факультета Архангельского педагогического института им. М. В. Ломоносова. Работал в комсомольских и партийных организациях Архангельской области. С 1981 года — доцент кафедры истории КПСС, проректор по научной работе, с марта 1986 — ректор АГПИ, впоследствии преобразованного в Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Председатель областного отделения Всероссийского фонда культуры. Президент областного правления общества "Россия — Норвегия". Участник двух российско-норвежских экспедиций, в том числе на Землю Франца-Иосифа. Участник международной программы "Баренц-региона". Главный редактор тома "История Архангельского Севера" Поморской энциклопедии. Автор свыше ста шестидесяти печатных работ по истории и культуре Севера.

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

**ВЛАДИМИР
БУЛАТОВ**

**Русский
декер**

КНИГА ПЕРВАЯ

ЗАВОЛОЧЬЕ
(IX—XVI вв.)

АРХАНГЕЛЬСК

Издательство Поморского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

1997

Поморский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова
БИБЛИОТЕКА

ББК 63-3 (2 Р 31)
Б-907

Рецензенты: кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Поморского государственного университета **А. А. Куратов**, доктор философских наук, профессор кафедры отечественной истории Поморского государственного университета **Н. М. Теребихин**

Печатается по решению
редакционно-издательского совета Поморского университета

Булатов В. Н.

Б 907 РУССКИЙ СЕВЕР. Книга первая: **Заволочье** (IX—XVI вв.) — Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1997. — 352 с.

ISBN 5-88086-138-4

Первую из трех книг, объединенных названием "Русский Север" и посвященных истории нашего края, автор — доктор исторических наук, профессор В. Н. Булатов — назвал "Заволочье". Она рассказывает о жизни русского и других народов Севера в IX—XVI веках. "Заволочье", как и последующие книги трилогии, готовящиеся к изданию, представляет интерес не только для специалистов, но и для широкого читателя. Доступная манера изложения обширного исторического материала позволяет рекомендовать книгу как учебное пособие студентам, учителям, старшеклассникам.

ББК 63-3 (2Р31)

ISBN 5-88086-138-4

- © Булатов В. Н., 1997
- © Климов Р. С. Оформление, 1997
- © Издательство Поморского государственного университета, 1997

ОТ АВТОРА

В зрелые годы мы часто обращаемся к своему детству. Мне на всю жизнь врезались в память слова отца: "Мы с тобой, сынок, ваганы. Наша родина — Важская земля". Для меня, уроженца солнечной Румынии, куда после военного лихолетья закинула судьба моих родителей, отца — кадрового военного, мать — фронтовичку, северянку, эти слова о "малой родине" тогда еще не имели особого значения. Осознание своей кровной связи с землей предков, любовь и интерес к ее прошлому пришли постепенно. Многие способствовали этому. И то, что детство мое прошло на старинной улице Поморской, которая начиналась с небольшого "торжища" на берегу Северной Двины, а заканчивалась, упираясь в Обводный канал и болотистый пустырь за ним; бегая по деревянным мостовым купаться на реку, мы обязательно останавливались у небольшого старого дома, возле которого на скамеечке неизменно сидел "сказочный колдун" — Степан Писахов. И то, что моей первой учительницей истории в 22-й архангельской школе стала Э. Н. Григорьева, сумевшая привить своим ученикам интерес к прошлому родного края. И то, что во время учебы в педагогическом институте моими наставниками были профессора Г. Г. Фруменков, Ю. К. Новожилов, А. А. Куратов, которые открыли нам, студентам, удивительный мир отечественной и зарубежной истории, научили работать с источниками в архивах и библиотеках. Еще на студенческой скамье, с первой курсовой работы, началось мое приобщение к богатейшей истории Поморского края.

На протяжении многих лет я по крупицам собирал исторический материал: работал в архивах, просмотрел практически всю историко-краеведческую литературу, сделал выписки, ксерокопии. Год назад я снова сел за письменный стол, чтобы обобщить полученные знания по истории родного края и поделиться ими с читателем.

Об истории Русского Севера написаны сотни книг и статей. Компасом в этом мире публикаций для читателей послужат историографические работы профессоров П. А. Колесникова и А. А. Куратова¹. Но, к сожалению, у нас очень мало издано обобщающих работ профессиональных историков, а также научно-популярных книг по истории Русского Севера. А жаль. Интерес к истории своей "малой родины", своего народа характерен для каждого нормального человека, поэтому спрос на такого рода издания высок.

Именно это побудило меня написать для своих земляков такую книгу, которая в доступной каждому читателю научно-популярной форме рассказывает о богатейшей истории нашего края, о его месте и роли в прошлом, а, значит, и в будущем России. Недаром историк Л. Н. Гумилев любил такой афоризм: "Кто владеет прошлым — тот владеет настоящим, кто владеет настоящим — владеет будущим"². Очень мудрые слова.

Автором задумано выпустить трилогию, объединенную общим названием "Русский Север". Первая книга, которая называется "Заволочье" (IX—XVI вв.), посвящена начальным страницам истории освоения Русского Севера. Ее читатель и держит в руках.

¹ Колесников П. А. История Европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпох в дореволюционной и советской историографии // Вопросы аграрной истории. — Вологда, 1968; Куратов А. А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. — Вологда, 1989; Куратов А. А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера. — Архангельск, 1992.

² Гумилев Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. — М., 1992. — С. 311.

Сейчас идет работа над второй частью трилогии — "Встречь солнцу" (XV—XVII вв.), освещающей историю освоения северянами Сибири и Дальнего Востока. В третьей книге — "Поморье" (XVI—XIX вв.) — основное внимание будет уделено роли Архангельска, первого российского порта, в жизни страны и края, а также героическим страницам освоения Арктики и Северного морского пути.

Меня всегда восхищали наши предки-поморы — мужественные и доброжелательные, пытливые и трудолюбивые. Не случайно здесь, на Севере, родился и вырос великий сын России М. В. Ломоносов. Мудрейший человек академик Д. С. Лихачев имел все основания сказать: "Поморы так же родовиты, как столбовые дворяне"¹. Многие из прочитавших эти книги увидят знакомые имена, фамилии; надеюсь, что их заинтересуют истоки своей родословной. Выдающийся русский историк-краевед Василий Васильевич Крестинин говорил своим архангелогородским друзьям по "Обществу для исторических исследований" (1759 г.), первому в России: "История Отечества — наука, нужная каждому сыну Отечества"². Эти замечательные слова обращены и к нам, его землякам.

Особенностью данного издания является то, что оно адресовано как широкому кругу читателей, так и учителям школ, преподавателям вузов, студентам, школьникам.

Автор далек от мысли, что все аспекты многогранной истории нашего края освещены в полном объеме; некоторые положения, возможно, имеют спорный характер. Буду признателен читателям за все замечания, дополнения и отзывы.

* * *

Вначале, дорогой читатель, уточним наименования, кото-

¹ Салтыков Е. Интервью с А. А. Михайловым. "Поморы так же родовиты, как столбовые дворяне" // Правда Севера. — 1992. — 9 апр.

² Куратов А. А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера... С. 120.

рыми нам придется пользоваться. *Заволочье, Важская земля, Двинская земля, Поморье, Русский Север* — каждое из этих названий закреплялось за определенной территорией в определенную эпоху. *Заволочьем* именовалась новгородская волость, которая находилась "за волоком" в бассейнах рек Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры и на протяжении нескольких веков изменяла свои территориальные размеры. Ядром и сердцем в первые столетия существования *Заволочья* являлась *Важская земля*.

Заволочье, Двинская, Кольская земли и Поморье в совокупности составляли *Русский Север*.

Центральную часть *Русского Севера* наши пращуры заселили примерно 8 тысяч лет назад, сразу же после грандиозного отступления ледника. Торфяные стоянки, открытые археологами на берегах озера Лача, дали убедительный материал для характеристики древнейших обитателей Севера, их хозяйственной деятельности, прикладного искусства и религиозных воззрений. Российские ученые едины сегодня в том, что первыми насельниками Севера стали европеоидные племена, пришедшие из Прибалтики, а не выходцы с Урала, как полагали раньше.

Европейский Север был длительное время контактной зоной прибалтийско-финских, поволжско-финских и пермских племен. Мы располагаем многочисленными памятниками эпохи неолита и бронзового века, оставленными предками финно-угорских народов.

Новый этап в истории нашего края начинается с IX века и связан с проникновением славян из Ладоги и Новгорода, а затем и "низовских" русских земель. Они успешно осваивали богатейшие природные богатства, а местным народам принесли земледельческую и промысловую культуры. На Севере, как показали исследования, не наблюдалось чересполосного расселения славян и финно-угров; различные этнические группы здесь быстро смешивались. Русские люди легко уживались и с "лопью дикой", и с "карельскими детьми", и с "самоядью". Многие элементы культуры местного финно-угорского насе-

ления органично вошли в состав формировавшейся древнерусской культуры Севера¹.

Особенности заселения края обуславливались и сохранявшейся в течение долгого времени внегосударственностью, и отсутствием в ярких формах крепостничества, а позднее — смягченной формой системы, получившей название государственного феодализма.

Специфика жизни человека в условиях Севера формировала и особый тип населения, в том числе группу этноса — *поморов*, заселивших берега Белого и Баренцева морей. Издавна здесь росли люди сильные, твердые духом, предприимчивые и вольнолюбивые.

Русский Север на протяжении всей своей истории играл особую роль в жизни государства, внес крупный вклад в политическое, экономическое и культурное развитие России.

"Вторая столица" Древней Руси — Великий Новгород — оставил в наследство Русскому Северу демократические начала, культуру, грамотность населения. В свою очередь этот "златокипящий" край в течение нескольких веков "кормил" своего господина, давал необходимые товары и прежде всего "мягкую рухлядь" для торговли и процветания Великого Новгорода.

Во время монголо-татарского нашествия Русский Север стал "спасительной гаванью" для многих русских крестьян, ремесленников, бежавших из родных мест и осевших здесь навсегда. "Низовская" колонизация Севера расшатывала безраздельное господство здесь Великого Новгорода. Во второй половине XV века продолжился общий процесс "собирания Руси Москвою". В 1471 году великий князь Московский и государь всея Руси Иван III ликвидировал республику и присоединил Новгород к Москве.

Русский Север внес важный вклад в создание централизованного государства. Этому способствовало два важных

¹ Лихачев Д., Янин В. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. — 1986. — № 1. — С. 116.

обстоятельства: "Поморье не могло пропитаться без привозного московского хлеба, так же как московский район не мог обойтись без привозной поморской соли. Эти экономические нити, связывавшие Москву с Севером, вызывали тяготение новгородского Севера к Москве и направляли политику московских великих князей¹.

С этого времени роль Севера в судьбах Русской земли значительно возросла. Московское государство получало мощную экономическую поддержку. Подчинившись Москве, Русский Север стал главным поставщиком в центр страны традиционных северных товаров: мехов, рыбы, соли, продуктов зверобойного и лесного промыслов, ягод, грибов, ловчих птиц... С конца XV века в жизни Русского Севера и России огромную политическую и экономическую роль стали играть монастыри, ставшие одновременно военными форпостами на северо-западных рубежах государства и культурными центрами всего края. Нередко Москва в трудные для нее времена получала от северных монастырей существенную финансовую помощь².

Закаленные суровой природой, отважные и инициативные северяне издавна освоили *Грумант* (Шпицберген), *Матку* (Новую Землю), острова и побережье Ледовитого океана. В 1494 году русский дипломат Дмитрий Зайцев, возвращаясь на родину из Дании, проложил морской путь вокруг Скандинавии к устью Северной Двины. Морские путешествия на Запад из Поморья совершили русские послы Григорий Истома (1496 г.), Дмитрий Герасимов и Третьяк Долматов (начало XVI в.). Дмитрий Герасимов первым высказал идею о возможности Северного морского пути из Европы в Китай.

С Русского Севера началось великое движение "встречь солнцу" — на восток. Вот что писал об этом историк

¹ Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — М., 1909. — С. 4.

² Кизеветтер А. А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. — Вологда, 1919. — С. 43.

С. В. Бахрушин: "Совершенно несомненно, и это давно указано в литературе, что основным районом выселения был Север, поморские уезды. Это объясняется и давними связями именно Севера с Сибирью, и направлением путей сообщения в Сибирь, и, наконец, характером населения"¹.

Поморы первыми освоили мангазейский "ход" к устью Оби. Громадные пространства Сибири и Дальнего Востока были открыты и освоены в течение века "неутомимыми трудами нашего народа" и произведены "более приватными поисками, нежели государственными силами", а "поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное имеют участие". В 1648 году холмогорец Ф. А. Попов и пинежанин С. И. Дежнев, отправившись морем на восток и обогнув Чукотский полуостров, достигли берегов Камчатки. "Сею поездкой несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий"².

В числе первопроходцев Сибири и Дальнего Востока были двиняне Кондратий Курочкин и Василий Гусельников, устюжане Ерофей Хабаров и Владимир Атласов, мезенец Исай Игнатьев, пинежанин Михаил Стадухин, яренский посадский Степан Глотов и многие другие. Больше того, есть версия о том, что и "донской казак" Ермак — уроженец Русского Севера. Последней публикацией замечательного сибирского ученого, академика А. П. Окладникова стала статья о Ермаке: "Сейчас все больше становится сторонников у самой молодой — северной версии, утверждающей происхождение Ермака с Двины. Ее берега и по сей день хранят память о герое в названиях деревень, проток, холмов, склонов, колодцев, покосов, даже Ермакова лестница есть. Местный "Летописец старых лет" прямо говорит, что "Ермак, атаман родом з Двины, з Борку". Город и волость Борок

¹ Бахрушин С. В. Сибирские слоботчины // Труды государственного колонизационного института. — М., 1926. — Т. II. — С. 48—49.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.-Л., 1934. — Т. 6. — С. 448—449.

на Двине известны давно по историческим документам с конца XV века. Это село под названием Игнатьевское существует и поныне в Красноборском районе Архангельской области¹.

Северяне несли в "новые земли" хлебопашество и ремесла, плотницкое искусство и судостроительство, более совершенные методы охоты и промысла, книжную грамотность. Именно им принадлежит открытие и освоение русской Аляски. Первый ее правитель, каргополец А. А. Баранов, назвал столицу этой земли Ново-Архангельском в честь нашего Архангельска.

Значение Русского Севера значительно возросло в середине XVI века, когда была "прорублена дверь в Европу" и заморские суда стали заходить в устье Северной Двины. В XVI—XVII столетиях в заграничной беломорской торговле через Архангельский порт участвовало свыше 70 русских городов. Только в 1653 году через Архангельск вывезли за границу товаров (без пеньки и шелка) на сумму 1 миллион 151 тысячу рублей. С русских и иностранных товаров взималась пошлина, ставшая важным источником государственного дохода и достигавшая в 1660-х годах суммы в 100 тысяч рублей².

Русский Север издавна был российским и международным центром морского и речного судостроения. Еще задолго до петровских преобразований здесь существовал торгово-промысловый флот. Беломорский Север стал родиной специализированного полярного флота. Именно северянам Россия обязана морскими победами. Вот что пишут академики Д. Лихачев и В. Янин: "Европа удивлялась, каким образом мелкие петровские весельные суда-галеры смогли одолеть первоклассный парусный военный флот Швеции в битве

¹ Окладников А. П. Младший брат Ильи Муромца // Сов. Россия. — 1985. — 11 авг.

² Фруменков Г. Г. Все флаги в гости... // Архангельск: 1584—1984: Фрагменты истории. — Архангельск, 1984. — С. 28—29.

при Гангуте? Как могла осуществиться эта первая беспримерная победа России на Балтийском море? Причин можно назвать немало. Но одна из главных заключалась в том, что на веслах сидели поморы. Впоследствии они же прекрасно справлялись и со сложнейшей парусной системой русских судов на Белом, Азовском, Балтийском и Средиземном морях¹.

История нашего края — настоящее богатство, а мы — его законные наследники.

¹ Лихачев Д., Янин В. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры... — С. 117.

БИАРМИЯ: ЛЕГЕНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Ды начинаем путешествие в младенческие годы нашей "малой родины". До сих пор у историков многих стран нет единого мнения о местонахождении сказочной *Биармии* (Бьярмия, Бьярмия, Бярмия, Бьярмаланд). Некоторые истории считают *Бьярмаланд* скандинавским названием берега Белого моря.

Давайте вместе с ними попробуем разобраться в этой непростой историко-географической гипотезе. Древнегреческий историк и географ Геродот, живший в V веке до нашей эры, описал природу Скифии, ее реки, обычаи

скифов, перечислил племена, проживавшие по соседству со скифами. Большой интерес для нас представляют записки Геродота о северных племенах *йирков* и *тиссагетов*, живущих в стране, покрытой лесами. Вероятно, как считает академик Б. А. Рыбаков, это были предки финно-угорских народов. Этот ученый, большой знаток Древней Руси, тиссагетов отождествляет с предками мордвы и предполагает, что лесные охотники — йирки — жили где-то поблизости от тиссагетов¹.

Исследователь К. С. Королев считает, что это были предки коми народа, и отмечает близость слов, идущих из глубины тысячелетий: "йирки" — северные лесные охотники Геродота и "Йиркап" ("Йирки") — знаменитый охотник из старинного коми предания².

В начале нашей эры римский писатель Квинт Курций Руф упоминает о *бабиях*, живущих в стране, где почти полгода не бывает солнца и длится непрерывная ночь, после которой наступает непрерывный день. В зимнее время, по его словам, жилища бабиев заносит снегом и жители выходят через дымовое отверстие, а также устраивают ходы под снегом из одного жилища в другое³.

• Обратимся к русским летописям. Только в одной из них мы найдем упоминание о легендарной стране Биармии. "Отец русской истории" В. Н. Татищев ссылается на летопись Иоакима, епископа Новгородского, которую иногда называют Иоакимовской. В ней говорится: "Сие есть достопамятное изъяснение, что Бярмия или Корелия тогда об реку Кимень с Финляндией или Варягами

¹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. — М., 1976. — С. 116, 192.

² Королев К. С. Биармия: в поисках истины. // Родники пармы: Научно-популярный сборник. — Сыктывкар, 1990. — С. 4—5.

³ Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. — М., 1976. — С. 68.

границила"¹. Эта запись дала ему основание предположить, что Биармия находилась где-то в районе Карельского перешейка.

Как ни странно, но более подробные сведения по этому вопросу мы можем отыскать в древлехранилищах Дании. Архивы старинных монастырей Исландии сохранили ценнейшие материалы по истории Русского Севера. Это — исландские саги, которые представляют собой эпические произведения с элементами фантастики. "Сага" в переводе с древнеисландского обозначает "сказание". Сагами называют произведения об исландцах, или "родовые саги". Помимо них существовали "саги о конунгах" (вождях), "саги об епископах", "саги о древних временах", а также стоящая несколько особняком "Сага о Стурлунгах"². Исландский автор Снорри Стурлусон свел воедино все королевские саги, используя традиции скальдических стихов и рунических надписей. Его труд и составил "Хеймскринглу" — "Круг Земли", "единственную в своем роде сокровищницу сведений о давнем прошлом Северной Европы, о ее легендарных мифических временах, о бурной эпохе викингов, о богатых событиями первых веках существования скандинавских государств", как пишет в предисловии к русскому переводу этого издания видный скандинавист М. И. Стеблин-Каменский³.

Снорри Стурлусон помещает Биармию примерно в районе Кольского полуострова, ограничивая ее пределы устьем Северной Двины. В Западной Европе о существовании Биармии узнали в начале XVI века из книги Саксона Грамматика, впервые напечатанной в Париже

¹ Татищев В. Н. История Российская. — М., 1994. — Т. I. — Ч. 1. — С. 115.

² Гуревич А. Я. "Эдда" и саги. — М., 1979. — С. 176.

³ Стурлусон С. Круг земной. М. — М., 1980. — С. 2—5.

в 1514 году. Он располагает эту страну то в устье реки Вины (ориентируясь на саги об.Одде-Стреле), то вблизи Ладожского озера (ссылаясь на саги о Хальвдане, сыне Эйстейна)¹. Для европейской картографии Биармию открыл шведский ученый Олаус Магнус, поместивший ее на Кольском полуострове. В своей книге "История северных народов" О. Магнус так описал эту легендарную страну: "Биармия — северная область, zenитом которой служит сам Северный полюс, а ее горизонт составляет равноденный и равнонощный круг (Северный полярный круг — Е. А.), который, разрезая и разделяя Зодиак на две равные части, делает так, что половина года составляет там один день, а другая — ночь"². О. Магнус помещает Биармию за полярным кругом. По его представлению, она простирается до самого Северного полюса, на западе граничит со Скрисфиннией, на юге — с Лапландией. Так же, как и писатель Саксон Грамматик, Олаус Магнус делит Биармию на две части: ближнюю и дальнюю. Первая покрыта высокими горами и вечными снегами. Они не тают даже летом из-за недостатка солнечного тепла. Среди гор расположены леса, кустарники, пастбища для домашних и диких животных. Ближняя Биармия, как сообщает Олаус Магнус, не приспособлена для жизни человека и препятствует проникновению европейцев в дальнюю Биармию, которую населяют удивительные племена, занимающиеся оленеводством, охотой и рыболовством. Обилие природных богатств в обеих Биармиях делает совершенно ненужным

¹ Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В. Русский Север в древнескандинавской письменности: Отечественная историография вопроса о локализации Бьярмии XVIII—XIX вв. // История и культура Архангельского Севера (досоветский период). — Вологда, 1986. — С. 8.

² Савельева Е. А. Олаус Магнус и его "История северных народов". — Л., 1983. — С. 46—47.

земледелие, хотя почва там достаточно плодородна. Население обеих Биармий поклоняется идолам и верит в черную магию¹.

Крупнейшие западноевропейские картографы XVI века Меркатор и Ортемий сохранили название "Биармия" для центральной части Кольского полуострова. В это же время на основе сведений, собранных английскими и голландскими мореплавателями, создаются карты, на которых Кольский полуостров изображается без Биармии и назван "Lacus Albus" ("Белое озеро")².

Самой яркой фигурой в истории изучения Биармии оказался шведский ученый Страленберг, чье отождествление Биармии и Перми было принято многими российскими историками как нечто, не требующее доказательств. Этой точки зрения придерживались и многие зарубежные ученые: датчанин К. Расмуссен, швед А. М. Стринггольм, финны А. Й. Шёгрэн, М. А. Кастрен, Д. П. Европеус, И. Р. Аспелин³.

Специалисты по истории Биармии Т. Н. Джаксон и Г. В. Глазырина специально изучили вопрос о локализации этой загадочной страны. Они считают, что отечественная историография Биармии насчитывает более двух веков. Первое упоминание Биармии в исторической литературе содержится в работе академика Г. Ф. Миллера (1760 г.). В небольшом параграфе, посвященном древнескандинавской топонимике Древней Руси, он написал, что скандинавский Холмград есть имя древнего города Холмогор, столицы Биармии⁴.

¹ Савельева Е. А. Олаус Магнус и его "История северных народов". — Л., 1983. — С. 46—47.

² Вальдман К. Н. Кольский полуостров на картах XVI века // Известия ВГО. — 1962. — Т. 94. — Вып. 2. — С. 139—149.

³ Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В. Русский Север в древнескандинавской письменности... — С. 9.

⁴ Цит. по: Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В. Указ. соч. — С. 8-9.

М. В. Ломоносов в своей "Древней российской истории..." пишет о Биармии, которая "далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудский сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами. В Северную Двину-реку с моря входили морскими судами до некоторого купеческого города, где летом бывало многолюдное и славное торговщице: без сомнения, где стоит город Холмогоры"¹. В то же время он уточняет, что под страной Биармией нужно понимать Пермию, которая, как известно, вела обширную торговлю не только с Древней Русью, но и с Персией, а, возможно, и с Индией. Не случайно М. В. Ломоносов отмечал, что "дорогими собольими мехами торг из России на запад уже за семьсот лет известен из внешних авторов"². Он одним из первых сделал предположение, что народ, населяющий эту страну (Биармию), — чудского происхождения. Со свойственной ему задиристостью и известной долей иронии архангельский помор категорически отверг мнение немецких ученых Г. Э. Байера и Г. Ф. Миллера о происхождении названия своего родного города Холмогоры от скандинавской Голльмгардии. С таким лингвистическим подходом, замечает М. В. Ломоносов, столицу Швеции "неправедно Стокгоlm называют, но должно им звать оную Стиокольной". Действительно, на Русском Севере в прежние времена шведскую столицу называли Стекольной³. Следует заметить, что архангельский самородок был блестящим полиглотом и владел более чем тридцатью языками. Как установил историк культуры и литературы

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 196.

² Там же. — С. 190.

³ Там же. — С. 40—41; Фруменков Г. Г. За честь и славу россиян // Слово о Ломоносове. — Архангельск, 1983. — С. 24—25.

П. П. Пекарский, М. В. Ломоносов, заинтересовавшись сравнительным анализом лексики и грамматики, прочел Библию на ирландском, датском и шведском языках и установил степень их языкового родства. Российский ученый являлся членом Шведской Академии наук¹.

Более категоричным в отношении расположения первой столицы Русского Севера был архангельский летописец, "степенный гражданин" В. В. Крестинин. В обстоятельном научном труде "Начертание истории города Холмогор" он писал: "Исключить из истории города Холмогор все чужестранные торги, присвоенные прежде 16 века, сему месту, которое никогда столицею в Биармии не бывало и которому также чуждо имя города Ункрада"². Для этого утверждения были достаточно серьезные основания. Другой не менее авторитетный писатель, этнограф М. Д. Чулков, ссылаясь на византийские источники, располагает в районе Северной Двины загадочную страну Белую Сармацию со своей столицей городом Ункрадом³. Он высказывает предположение, что эта страна и есть Биармия, которая подчинялась Великому Новгороду, вела обширную торговлю с камскими болгарами, и что "иногда Индийские и Персидские купцы из Каспийского моря реками Волгою, Камою, Печорою и Двиною в Северный Океан, или то тогдашнему названию в Скифское море для торговли со Швецией, Норвегией и прочими государствами при-

¹ Вяткин Л. Сколько языков он знал? // Слово. — 1995. — № 11—12. — С. 11—12.

² Крестинин В. В. Начертание истории Холмогор. — СПб., 1790. — С. 3.

³ Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное Михаилом Чулковым. — СПб., 1781. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 96.

ходили". Больше того, он выдвигает невероятное и почти бездоказательное предположение о заходе в Северную Двину кораблей из "Дакии" (Дании — В. Б.) и из Немецкой земли, груженных британскими и кельтскими (английскими и французскими — В. Б.) товарами¹.

Приведем еще два взаимоисключающих мнения знатоков истории Русского Севера. Авторитетный писатель Козьма Молчанов в своем "Описании Архангельской губернии" делает попытку отыскать древние торговые пути, по которым восточные купцы приходили в Биармию. Ссылаясь на рассказы устьысольских торговцев, он утверждает, что "вблизи Чердыня, где ныне учреждается Екатерининский канал для соединения рек Камы с Двиною, видны и поныне древние следы бывшей старинной большой дороги, колесами выбитой, которая уже заросла большим, в охват, лесом"². По мнению К. Молчанова, это и есть древняя торговая дорога в Биармию.

Историк С. К. Кузнецов в статье "К вопросу о Биармии" категорически утверждает: "Биармия на берегах Северной Двины и в пределах Перми Великой есть мираж, научное заблуждение, с которым пора покончить навсегда"³.

Но вернемся снова к исландским сагам, которые подвергались тщательному изучению специалистами разных стран на протяжении нескольких веков. Среди этих ученых был и русский писатель и историограф Н. М. Карамзин. Николай Михайлович един во мнении со скандинавскими писателями о том, что северный морской путь в устье Двины был открыт в IX веке норвежцами, которые торговали с нашими предками, а

¹ Там же. — С. 103.

² Молчанов К. Описание Архангельской губернии. — СПб., 1813. — С. 152.

³ Кузнецов С. К. К вопросу о Бьярмии // Этнографическое обозрение. — 1905. — № 2—3. — С. 60—61.

нередко и грабили доверчивых обитателей этой земли во время своих походов. Он также считал, что "норвежцы до самого XIII века ходили на кораблях в Биармию. Белое море и часть Ледовитого к берегам Архангельской губернии, долго назывались в России Мурманским, то есть, Норманским или Норвежским морем"¹. Добавим от себя, что и до настоящего времени один из рукавов дельты Северной Двины носит название Мурманского.

В 1906 году филолог К. Ф. Тиандер опубликовал обстоятельное исследование о плаваниях викингов в Белое море и о местонахождении Биармии в районе устья Северной Двины.

Он был убежден, что первым норвежцем, открывшим Северный морской путь в Белое море, был Оттар (Отер, Оттер) из Калогаланта (Халлогаланда — В. Б.), совершивший эту поездку в 70—80 годах IX века². Кто же такой Оттар? Мы располагаем немногочисленными сведениями о нем. В V веке испанский священник Павел Орозий издал свое знаменитое историческое сочинение, в котором содержалось описание мира, каким он представлялся европейцами в то время. В конце IX века английский король Альфред Великий издал перевод "Истории" Павла Орозия. Новое издание было дополнено рассказом норвежца Оттара о его плавании на Север в Биармию. Мы узнаем, что Оттар был хёвдингом (вождем) большой провинции на севере Норвегии, владельцем шестисот оленей, двадцати голов крупного рогатого скота, сорока овец и свиней. Он занимался морским зверобойным промыслом, а также охотой на диких оленей, для чего в его хозяйстве имелись специальные олени-маньчики. Местные саамы платили дань

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1988. — Кн. первая. — Прим. к Т. 2. — Гл. II. — С. 27.

² Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. — СПб., 1906. — С. 53—58.

Оттару ездовыми оленями, шкурами пушного и морского зверя, птичьими перьями и пухом. Норвежские археологи раскопали недалеко от современного города Тромсё деревню IX века, в которой, как они предполагают, находилась резиденция Оттара. Не случайно музеем города Тромсё выпускается научно-популярный исторический журнал "Оттар", один из номеров которого посвящен истории Беломорского Севера (издан на норвежском и русском языках)¹.

Норвежский ученый О. И. Ионсен считает, что Оттар плыл по пути, проложенному ранее его соплеменниками, и не был первооткрывателем Биармии².

Вернемся к рассказу Оттара о его морской "прогулке" в северные широты, в те края, куда "китоловы никогда не ездят". Проплывая мимо полуострова, известного нам под названием Кольского, он изредка встречал рыбаков и охотников, которых называл *терфиннами* и *терскими финнами*, *терскими саамами*. Исследователи значение корня "ter" связывают со скандинавским словом "дерево". Исходя из этой этимологии, *терфинны* — лесные финны, *Терский берег* — *Лесной берег*³.

Шведский историк А. М. Стриннгольм полагает, что это были *терские лопари*, которые позднее населяли *Русскую Лапландию*, называемую в древних источниках страной *Треннес*⁴.

Это название подтверждают и русские исторические

¹ Оттар: Научно-популярный журнал музея г. Тромсё. Норвегия и Россия на Севере. — 1992. — № 192.

² Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России IX — XX вв. — Л., 1970. — С. 45.

³ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море... — С. 54, 56.

⁴ Стриннгольм А. М. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. — М., 1861. — С. 221.

источники. В договорных грамотах Новгорода 1264—1471 гг. в числе новгородских волостей всегда упоминается Тер (Тир, Тре). В новгородской летописи 1216 года упомянут "Терьский даньник", то есть сборщик дани Терской волости Новгорода Великого, которую русские исследователи помещают на картах в районе современного Терского берега Кольского полуострова¹.

Оттар все время плыл вдоль берега сначала на север, затем на юг, пока не достиг устья большой реки (Vinu). Все его морское путешествие на корабле длилось пятнадцать дней (не считая времени для остановок в пути). За это время он мог пройти до тысячи миль и достичь севера европейской части России².

Эта большая река вела в глубь страны, но норвежские мореходы повернули обратно, боясь нападения местных жителей. "Это была первая населенная страна, какую они нашли с тех пор, как оставили свои собственные дома"³.

Наблюдательный Оттар заметил, что терфинны и биармийцы говорят почти на одном и том же языке. Можно предполагать, что норвежские мореплаватели побывали в нижнем течении Северной Двины, как раз там, где расположен мыс Пур-наволок, ставший впоследствии центром города Архангельска.

В подарок королю Оттар преподнес "рыбий зуб" — бивень нарвала (морского единорога) или моржа. Он также поведал ему о "китах", которые в Биармии меньших

¹ Шаскольский И. П. О первоначальном названии Кольского полуострова // Известия Всесоюзного географического общества. — Л., 1985. — Т. 64. — Вып. 2. — С. 201; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.—Л., 1950. — С. 257.

² Королев К. С. Биармия... — С. 5—6.

³ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море... — С. 55.

размеров, чем в Норвегии. Можно утверждать, что речь шла о тюленях, всегда водившихся в изобилии в Белом море. Оттар отмечал, что встречающиеся у берегов его родины киты достигают 48 аршин длины, а беломорские — не длиннее 7 аршин. Он шестью гарпунами убил "60 штук в два дня". Шкура этих животных использовалась для изготовления корабельных канатов¹.

Исландские саги рассказывают о грабительском походе летом 965 года викинга Харальда Серый Плащ в Биармию: "Победил там Харальд и убил много народу, грабил повсюду в стране той и добыл огромное богатство"². Для нас важно упоминание в описании этого похода реки Вины (Северной Двины — В. Б.). Река Западная Двина обозначается в скандинавских письменных источниках, начиная с рунических надписей, как "Дуна"³.

Во многих сагах имеются вполне достоверные сведения о природе Биармии. Так, в "Саге о Боси" говорится о месячном путешествии отряда викингов в глубь Биармии по глухой тайге, которую они называли Двинским лесом. В пути они охотились на зверей и птиц, питались ягодами и соком деревьев, в труднопроходимых чащобах одежда норманнов пришла в негодность. В "Саге о Торире Собаке" упоминается о том, что викинги, идущие по густому лесу, делают затесы на деревьях, чтобы не потерять обратную дорогу к своим кораблям⁴.

В древнескандинавских географических сочинениях можно прочесть и такие слова: "К северу от Норвегии

¹ Стринггольм А. М. Походы викингов... — С. 222.

² Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море... — С. 55.

³ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX — XIV вв. — М., 1978. — С. 62.

⁴ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море... — С. 295.

— Финнмарк. Там земля поворачивает на северо-восток и дальше на восток, пока не доходит до Бьярмаланда, а он платит дань конунгу Гардов". Это чрезвычайно важное и единственное сообщение о даннической зависимости бьярмов от Руси¹.

Как часто совершались плаванья норвежских викингов в Биармию в X—XII столетиях, носили ли эти плаванья эпизодический или регулярный характер, мы, к сожалению, не знаем. Исландские саги рассказывают о том, что конунг (вождь — В. Б.) Эйрик Кровавая Секира ходил войной "на север в Финнмарк и дальше вплоть до Бьярмаланда"; братья Карли и Гуннстейн, отправляясь "на север в Бьярмаланд", повели сначала свой корабль "на север в Халогаланд", а оттуда "на север в Финнмарк" и встретились со своим попутчиком Ториром Собакой у Сандвера (лежащего на острове Рингвассей у побережья Финнмарка); конунг Хакон, воспитанник Торира, "плавал на север в Бьярмаланд, а была у него там битва, и он победил"; Одд Стрела отправился с острова Рамстад "на север в Финнмарк, а оттуда в Бьярмаланд", конунг Хьерлейв из Рогаланда поплыл вдоль побережья Норвегии с остановкой на острове Ньярдей "на север в Бьярмаланд"².

Наш интерес могут вызвать два географических названия, упоминающиеся в исландских сагах: *Финнмарк* и *Гандвик*. Первое из них обозначает северную область (провинцию) современной Норвегии, которая получила название от ее местных жителей финнов (саамов).

В труде историка Снорри Стурлусона есть любопытный географический фрагмент: "Финнмарк — обширная страна. На западе, на севере и всюду на востоке

¹ Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. — М., 1986. — С. 81.

² Джаксон Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. — Л., 1988. — С. 59.

от нее лежит море и от него идут большие фиорды. На юге же находится Норвегия, и Финнмарк тянется с внутренней стороны почти так же далеко на юг, как Халогаланд по берегу... Далеко на север по Финнмарку идут стойбища, одни в горах, другие в долинах, а некоторые у озер. В Финнмарке есть удивительно большие озера, а вокруг них — большие леса, и из конца в конец через всю страну тянется цепь высоких гор. Ее называют Квелир"¹.

Саги знают два Финнмарка. Первый — реальный, населенный финнами (лапландцами), куда норвежцы регулярно совершали свои походы как для торговли, сбора дани, так и для откровенного разбоя среди местного населения. Другой Финнмарк — фантастический, населенный великанами, колдунами, чудовищами, так же, как и Биармия, представляющий собой "царство мертвых". Проведенные в последние годы исследования различных саг, призванные определить степень достоверности содержащихся в них фактов, позволяют сделать вывод о том, что, хотя исторические сведения в них значительно искажены и фантастичны, "все же рациональное зерно можно вычлени́ть в любых, даже в самых на первый взгляд легендарных построениях"².

Скандинавское происхождение топонима "Гандвик" не вызывает сомнения. Вторая часть этого названия — "вик" — производное от норвежского слова "залив". Сложнее со значением первой части топонима. Одни исследователи склонны толковать его как "залив чудовищ", другие — "волчий залив", третьи — "колдовской залив"³. Такое странное название было дано норвежцами

¹ Исландские саги. — М., 1956. — С. 85.

² Мельникова Е. А., Глазырина Г. В. Джаксон Т. Н. Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // Вопросы истории. — 1985. — № 10. — С. 46—50.

³ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море... — С. 76.

Белому морю. Однако оно постепенно вытеснялось русскими по мере того, "как торговля в Белом море ускользала из рук норманнов"¹. К концу XVII века скандинавское название Белого моря навсегда исчезло с морских карт и лоций, оставшись лишь в памяти поморов, их былинах и сказаниях.

Изучение исландских саг помогло установить, когда норвежцы перестали плавать в Биармию. Ценные сведения о последних плаваниях норвежцев содержит важнейший источник по истории Норвегии и Поморья — "Сага о короле Хаконе, сыне Хакона".

Для нас представляют интерес два фрагмента из этой саги. Вот один из них: "Хакон конунг... велел построить церковь на Севере в Трумсе (Тромсё — В. Б.) и окрестил весь тот приход. К нему пришло много биармов, бежавших с востока от нашествия татар, и окрестил он их, и дал им фиорд, называемый Малангр"². Если исходить из того, что кони монголо-татар никогда не доносили своих всадников до берегов Белого моря, то всего вероятнее, что прогнали биармийцев с их земли новгородские ушкуйники или дружинники. Имеется и другое суждение. Нашествие войск Батыя на Русь вызвало перемещение населения на Север. Стремительное продвижение русского населения в Заволочье могло вызвать бегство биармов дальше на Север³.

Второй рассказ посвящен торговой поездке в Биармию на четырех кораблях норвежцев Андреса Свальдарбанда и Ивара Утвика. Из текста саги можно сделать заклю-

¹ Шаскольский И. П. Экономические связи России... — С. 46.

² Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе // Исторические связи Скандинавии и России: IX—XX вв. — Л., 1970. — С. 328.

³ Кучкин В. А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопр. географии. — М., 1970. — Сб. 83. — С. 109—110.

чение, что подобные поездки викингов были обычным явлением. Примечательно, что норвежцы хорошо ориентировались в пути и знали дорогу из Заволочья в центральные русские земли. Один из участников похода, норвежец Оглунд, отправился из Беломорья в Суздальскую землю, а оттуда через Новгород или Киев в Палестину (Иерусалим). Это дает основание утверждать, что "русское население и русская администрация в Поморье знали о приездах норвежцев и об их контактах с местными жителями и сообщали об этом в центр страны".

В этой же саге говорится о том, что плавание викингов, совершенное в 1222 году, было последним: "с тех пор не ездим в Бьярмию". Большой знаток скандинавской истории И. П. Шаскольский сделал, как нам кажется, правильный вывод: "Причиной прекращения плаваний было растущее освоение Поморья русскими. Торговые поездки в Биармию имели смысл, пока норвежцы могли там монопольно и по дешевке скупать местные товары. К XIII веку Поморье осваивается новгородцами, и местным жителям, видимо, стало выгоднее продавать свои товары новгородским торговым людям"².

Многие отечественные и зарубежные исследователи едины во мнении, что биармийцы принадлежали к чудскому племени. Шведский историк А. М. Стриннгольм считал, что Биармия была не только древним государством, но и "средоточием различных чудских племен или, по крайней мере, какого-нибудь из них". Он ссылается на ученого А. S. Arwidsson, который считал, что биармийцы принадлежали к саволацукому чудскому племени³.

Большие разногласия среди ученого мира вызывает

¹ Шаскольский И. П. Экономические связи России... — С. 46.

² Там же. — С. 46.

³ Стриннгольм А. М. Походы викингов... — С. 228.

местонахождение легендарной Биармии. Тщательное исследование карт XVI века, при составлении которых использовались старые источники, показало, что Биармией часто называли Кольский полуостров. На карте Олауса Магнуса северо-восточный берег Кольского полуострова изрезан глубокими заливами и устьями рек, не имеющих названия. На одном из таких заливов расположены друг против друга два замка. Один из них — норвежская крепость Вардегус (Вардё), построенная для закрепления за Норвегией всего Финнмаркена. К юго-востоку от крепости на карте изображена земля, названная Биармией (Бьярмией)¹.

Те же очертания имеет Биармия и на картах Г. Меркатора, который разместил ее к востоку от Финнмаркена и западнее Северной Двины².

Подведем некоторые итоги нашего краткого путешествия в страну Биармию. Большинство историков, как отечественных, так и зарубежных, считают, что Биармию нужно искать в Поморье.

Ученый Б. В. Бубрих название страны (Bjarmaland) и народа (Bjarmar) производит от прибалтийско-финского "регäтаа" — "задняя земля, земля за рубежом", то есть Заволочье. Так карелы и вепсы называли территорию к северу и востоку от своих земель³.

На основании изучения одного и того же источника — известия викинга Оттара — русские исследователи Н. Дергачев (1887 г.) и В. Корт (1893 г.) пришли к разным выводам. Первый ученый разместил Биармию

¹ Савельева Е. А. Олаус Магнус и его "История северных народов"... — С. 45.

² Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 30.

³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. — Петрозаводск, 1974. — С. 30.

на Кольском полуострове¹, второй — по реке Мезени².

Финский ученый Карл Ф. Мейнандер считает, что центральный район страны биармов находился на территории нынешнего Ярославля, откуда они совершали свои далекие путешествия к побережью Ледовитого океана, в северную Скандинавию и Финляндию. В научных работах он приводит два важных факта, подтверждающих эту версию: "На Средней Двине имеется по крайней мере одна значительная находка с "пермскими" предметами — это село Воскресенское. В одном из сообщений о поездке в Биармию в 1222 году явственно назывался Суздаль"³.

Большая группа ученых склонна отождествлять Биармию с *Пермью Великой*. Среди них были М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, М. П. Погодин, Е. Е. Замысловский, писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, занимавшийся археологическими раскопками в Прикамье и собиранием древностей.

Исследователь М. Михайлов считает село Усть-Вымь в Перми центром легендарной Биармии. Он определяет этимологию слов "зыряне" и "Биармия". Первое он производит от мансийского "саран-кум", что в переводе — "человек, почитающий женское божество", второе — от трех зырянских слов: "би" (огонь) — "ур" (белка) — "му" (земля)⁴.

Однако у версии, которой придерживается эта группа

¹ Дергачев Н. Русская Лапландия. — Архангельск, 1887. — С. 54—55.

² Корт В. Библиографические заметки об иностранных путешественниках по России до конца XIII в. // Ученые записки Юрьевского университета. — 1893. — № 2. — С. 53—69.

³ Мейнандер К. Ф. Биармия. Финно-угоры и славяне // Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15—17 ноября 1976. — Л., 1979. — С. 40.

⁴ Савельева Э. А. Пермь вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. — М., 1971. — С. 20.

ученых, немало и противников. К примеру, известный пермский историк А. А. Дмитриев подчеркивал: "Ни в данных раскопок не видим мы никакого указания на древнюю, мнимо великую Биармию. Она упоминается в преданиях, только не местных, а чуждых — скандинавских"¹. В начале XIX века большой любитель старины В. Н. Берх отправился на Каму в поисках исчезнувшей цивилизации. Проведя раскопки чудских городищ, он высказал предположение, что Биармия, если и существовала, то находилась на западном берегу Белого моря².

Многие историки, этнографы и географы размещают Биармию на Кольском полуострове и в Карелии³. Этнолог Т. А. Бернштам считает, что слово "Bepte" (древнегерманское — "береговая полоса"), обозначающее некую прибрежную территорию, хотя и не оставило следов в местной топонимии, предположительно может быть связано с побережьем Кандалакшского залива, а в биармийцах Отгара естественнее всего видеть какие-то группы саамов.

"Карельская гипотеза" отождествляет народ биармов (бьярмов) с карелами.

Исследователь Е. Квалин выдвинул предположение о том, что Биармия тождественна Волжской Булгарии.

В последние годы писатель А. Л. Никитин стал настойчиво пропагандировать версию о расположении

¹ Никитин А. Л. Тайна двух Биармий // Север. — 1984, — № 3. — С. 88—89.

² Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. — СПб., 1821. — С. 24.

³ Кузнецов С. К. К вопросу о Биармии... — С. 91; Крохин В. История Карел // Русская старина. — 1907. — № 8. — С. 350—362; Гаузяцкий. Карелия и карелы в новгородские времена. — Петрозаводск, 1941; Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. — 1945. — № 14. — С. 39; Бернштам Т. А. Поморы. — Л., 1978. — С. 17.

Биармии в районе современной Прибалтики¹. Последние точки зрения не получили научного признания, так как основаны на чисто умозрительных построениях².

Так где же искать Биармию — легендарную и историческую? К сожалению, бассейн реки Северной Двины археологически еще изучен довольно слабо. Только в последние годы появились интересные находки. К примеру, на территории Архангельска найден клад, содержащий около двух тысяч серебряных монет и более десятка ювелирных изделий. В их числе несколько восточных монет-дирхемов X—XI веков. Весь клад датируется XI — началом XII века³. Возможно, мы стоим на пороге открытия исторической Биармии на Русском Севере. Более обстоятельные археологические раскопки и другие научные исследования, вероятно, позволят поставить точку в разрешении этой непростой исторической проблемы.

¹ Никитин А. Л. Биармия и Древняя Русь // Вопросы истории. — 1976. — № 7. — С. 56—59; Никитин А. Л. Тайна двух Биармий // Север. — 1984. — № 3. — С. 83—96; № 4. — С. 92—106.

² Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения... — С. 197.

³ Овсянников О. В. Архангельский клад // Правда Севера. — 1989. — 31 окт.

НОРМАННЫ, ВИКИНГИ, ВАРЯГИ...

VIII—IX веках величайший вклад в открытие островов, стран, континентов, в освоение морей Северной Атлантики и Ледовитого океана внесли *норманны* — "северные люди". Так в эпоху средневековья называли данов (датчан), свеев (шведов) и норвежцев. Позднее историки и писатели объединили их общим именем — скандинавы. Название Скандинавия получил и самый крупный полуостров на северо-западе Европы. Скандинавов знали арабские писатели X и последующих веков. Они упоминают о Варяжском море

как о значительном рукаве северо-западного всемирного моря, который на севере великой земли, за пределами славян и вендов, простирается к северу в области мрака. "На берегах его, — отмечают арабские авторы, — напротив славян живут варенги, высокорослый и сильный народ, говорящий своим языком"¹. Основными занятиями скандинавов были охота, скотоводство и морские промыслы. Суровый северный климат делал земледелие малоэффективным, и оно носило подсобный характер. Даже на юге Скандинавии и в Дании население не обеспечивало себя хлебом, поэтому часто наступал голод. Это послужило одной из причин организации морских путешествий норманнов с целью обмена мехов, рыбы, кожи на сельскохозяйственную продукцию.

Естественная среда, в которой обитали скандинавы, определяла их жизнь и взаимоотношения. Как правило, ближайшие родственники объединялись в одну патриархальную семью и вели единое хозяйство. Суровая природа вынуждала "северных людей" жить вместе, сообща расчищать участки от камней и леса для жилища, пашни и пастбища, оказывать взаимопомощь во время охоты, морских рыбных и зверобойных промыслов. Как принято во всех патриархальных семьях, слово ее главы было решающим. Отец даже регулировал численность своей общины, к чему принуждали его тяготы жизни и бедность скандинавов. Глава семьи решал, оставить в живых ребенка или нет. Языческие верования позволяли детоубийство; младенцев (чаще — детей с физическими недостатками и девочек) уносили в лес, оставляя их на произвол судьбы².

В эпоху разложения родового строя стала выделяться племенная знать, первоначально состоящая в основном

¹ Стрингольм А. М. Походы викингов... — С. 245.

² Гуревич А. Я. Походы викингов. — М., 1966. — С. 14.

из глав семей. Постепенно в Скандинавии начала складываться верхушка из знатных норманнов. После смерти главы семьи имущество по обычаю становилось собственностью старшего сына. Обездоленных младших сыновей семья "посылала по миру", только не с сумой, как в других странах, а с ладьей. Корабль занимал особое место в жизни скандинавов, это было и их жилище, и последнее пристанище. Знатных норманнов хоронили в ладье, при погребении бедных выкладывали ряды камней, имитирующих контур корабля. Норманнская ладья "дракон" имела не только весла, но и руль, мачту с парусом, устойчивость ей придавал киль. Борта корабля были шиты из узких гибких дубовых планок, связанных со шпангоутами, и не боялись ударов морских волн. В то же время эти суда обладали быстроходностью и могли пристать к любому берегу, заходить в устья рек и не зависели от течений и ветров. Норманны были искусными моряками, обладавшими астрономическими и навигационными познаниями. В исландских сагах упоминаются "солнечные камни" и "камни-водители", — возможно, это были примитивные компасы. Во всяком случае, смелые мореплаватели прекрасно ориентировались в бурных водах Северной Атлантики¹.

Сыновья знатных норманнов набирали военные дружины из свободных людей — *бондов*. Руководство этими воинскими формированиями брали на себя вожди — *конунги*, или, как их еще называли, морские короли. Военные дружины садились на норманнские корабли и отправлялись в морские экспедиции искать славу и удачу. Участников этих морских походов стали называть *викингами*. Имеется несколько версий о происхождении этого слова. Некоторые ученые связывают это название с *Виком* — областью Норвегии, прилегающей к Ос-

¹ Там же. — С. 43—44.

ло-фьорду. Другие специалисты склонны возводить его к слову "вик" — бухта, залив; по этой версии викинг — тот, кто прячется (скрывается) в заливе.

Исследователь А. А. Сванидзе объясняет этимологию этого названия более широко: "вик" — поселение, залив, бухта, торговое прибрежное местечко или лагерь¹. В эпоху активных внешних экспансий в ходу было слово "викинг" в значении "военный поход". Встречаются рунические надписи в память о войнах, "погибших в викинге". В настоящее время большинство историков разделяет мнение шведского ученого Ф. Аскеборга, который связывает значение этого слова с глаголом "поворачивать", "отклоняться". Викинг, по его мнению, — человек, который покинул родину, утлая из отчего дома, став морским воином, пиратом, участником морских походов².

Несмотря на большую работу, проделанную многими учеными разных специальностей, вопрос о причинах, вызывавших походы викингов, остается неясным. Некоторые историки полагают, что удовлетворительно объяснить этот взрыв активности и агрессивности вообще невозможно³. Другие всячески преуменьшают значение и масштабы походов викингов и видят в них проявление нормальной активности эпохи раннего средневековья⁴. Во многих работах, посвященных походам викингов, об их причинах говорится вскользь. Авторы ограничиваются общими соображениями о нехватке земли на родине норманнов или "об овладевшей ими жажде приключений

¹ История Европы. Средневековая Европа. — М., 1992. — Т. 2. — С. 171—179.

² Askeborg F. Norden och Kontinent i gammal tid // Studier i forngemansk Kulturhistoria Uppsala. — 1884. — S. 121.

³ Kendrick T. D. A History of the Vikings. — London. — 1930. — P. 22; Shoteling H. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. — Pt. I. — Oslo, 1940. — P. 10.

⁴ Sawier P. H. The Age of the Vikings. — London, 1962. — P. 194.

и добычи"¹. Свою версию развивает российский историк Л. Н. Гумилев, связывая активность викингов с пассионарным толчком в Скандинавии этого времени².

Морские экспедиции и набеги норманны совершали во всех направлениях. Первые их удары были нанесены по Англии. Около 790 года, как упоминает "Англо-саксонская хроника", викинги впервые внезапно появились на британском побережье. В июне 793 года воинственные язычники ограбили и разрушили древний монастырь на острове Линдисфарне у берегов Северной Англии³.

Викинги, обнажив мечи, издавая леденящие душу вопли, носились по часовням и кельям, кладовым и мастерским, убивая и калеча ни в чем не повинных людей и уводя уцелевших в рабство. Затем морские набеги датчан, шведов и норвежцев перекинулись на побережье Ирландии, Уэльса и Европы. Ошеломленные жители Западной Европы, увидев боевые корабли под яркими парусами с головами драконов и диких зверей на гордо вздымающихся форштевнях, приходили в ужас и пытались спастись бегством. Западноевропейские хронисты красочно описывают викингов, вооруженных мечами или боевыми топорами, одетых в кольчуги и шкуры диких животных, не знающих страха, жестоких и алчных, глухих к мольбам погибающих, не ведающих милосердия. О страхе перед норманнами красноречиво свидетельствует молитва жителей западноевропейских государств: "*Libera nos, Domine, a furore Normannorum*" ("И храни нас, Боже, от свирепости норманнов").

¹ Гуревич А. Я. Походы викингов... — С. 136—137.

² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989. — С. 79.

³ Кан А. С. История скандинавских стран. — М., 1980. — С. 14; Викинги: набеги с Севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. — М., 1996. — С. 87.

Среди викингов выделялись необычайной воинственностью и отвагой берсерки, или берсеркеры ("Bersek" — "неистовый") — могучие и свирепые воины, приходившие во время битвы в такой экстаз, что начинали выть как волки, кусать свои щиты, сбрасывать доспехи. Они были абсолютно нечувствительны к боли и ранам, вероятно, находясь под воздействием самогипноза, галлюциногенных грибов и других наркотических веществ. Берсерки считались неуязвимыми воинами, и каждый конунг стремился иметь их в составе своей дружины, потому что это служило признаком его силы и славы¹.

Каковы были последствия завоевательных экспедиций норманнов в Западную Европу? Во-первых, одним из важнейших результатов пиратских набегов викингов стало создание ими государств на территории Англии, Франции и Исландии. Норманны подчинили своей власти аглосаксов и брали с них громадный выкуп, называвшийся "датскими деньгами". Они основали королевства в Дублине и на острове Мэн, укрепились на Оркнейских островах, заселили Шетландские и Фарерские острова, основали "Королевство обеих Сицилий", захватив Сицилию и Южную Италию. Во Франции викинги завоевали низовья Сены, полуостров Котантен, называющийся теперь Нормандией, и расположенные рядом с ним острова Джерси и Гернси, известные сегодня как Нормандские. В 1066 году офранцузенные норманны во главе с Вильгельмом Бастардом ("Незаконнорожденным") в третий раз и теперь уже окончательно завоевали Англию. Династическое правление норманнов было установлено в Нормандии (Франция), Англии, Королевстве обеих Сицилий (Италия). Впоследствии викинги довольно быстро растворились среди

¹ История Норвегии. — М., 1980. — С. 101; Викинги: набег с Севера... — С. 72.

местного населения; их династии также недолго сохраняли чистоту норманнской крови.

Во-вторых, викинги сделали ряд выдающихся географических открытий. Они совершали героические плавания в Северо-Восточную Америку, открыли и колонизировали Гренландию, вторично "открыли" Исландию, а так как на этом острове проживали лишь немногочисленные отшельники-ирландцы, к 930 году приток туда норвежских переселенцев составил около 25 тысяч человек¹.

Саги свидетельствуют о том, что плавания в Америку совершали гренландские потомки норвежцев и исландцев. Вероятно, к берегам Нового Света их привели поиски леса, топлива, мехов, железной руды. Около 986 года исландец Бьярни Херьюльвссон отправился в Гренландию, но его корабль бурей был отнесен на запад. Бьярни увидел какую-то землю, однако к ней не пристал. Через несколько лет отплыл из Гренландии на запад Лейв, сын Эйрика Рыжего, гренландского первопоселенца. Лейв открыл новые земли: Хеллюланд ("Землю плоских камней"), Маркланд ("Лесную землю") и Винланд ("Виноградную страну"). О трех землях повествует "Сага о гренландцах", а в "Саге об Эйрике Рыжем" говорится лишь об открытии Винланда. Более поздние саги объясняют название Винланд тем, что здесь скандинавы нашли дикий виноград. В Винланде норманны зимовали и вступили в контакт с аборигенами — эскимосами и индейцами².

Распространенное в современной литературе мнение о том, что Колумб знал о плаваниях викингов в Новый Свет и стремился отыскать Винланд, несостоятельно.

¹ Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. — М., 1982. — Т. 1. — С. 175.

² История Норвегии... — С. 105—106.

Все четыре экспедиции Колумб предпринял в тропической зоне, а не в высоких широтах¹.

Последние находки норвежских археологов на острове Ньюфаундленд, по-видимому, подтверждают факты, содержащиеся в сагах. В северной части острова обнаружены остатки скандинавских домов эпохи викингов, а также следы кузницы. Норвежский археолог Х. Ингстад полагает, что этот поселок был основан Лейвом Счастливым².

Внешняя экспансия норманнов распространялась и на Север. Они старались подчинить своей власти племена саамов (лопарей), живших на побережье Ледовитого океана. Большая часть саамов оказалась в даннической зависимости от норвежцев. Норманны держали в своих руках необычайно прибыльную морскую торговлю, которую они вели на Севере с населением обширной провинции Финнмарк. Этот путь так и назывался "финским путем", по нему везли товары, выменянные у финнов и саамов, и собранную с них дань: меха, шкуры, птичий пух, деликатесную белую и красную рыбу, которая чрезвычайно ценилась не только в Скандинавии, но и далеко за ее пределами. Эта торговля была неразрывно связана с разбоем, и львиная доля доходов доставалась представителям норвежской знати, контролировавшей "финский путь"³.

Наряду с разбоем викинги занимались торговлей со странами Восточной Европы и Русью. Они успешно пользовались древнерусскими торговыми путями, достигали, плывя по рекам, государств Восточной Европы,

¹ Коган М. А. Открыли ли норманны Америку? // История географических знаний на Севере Европы. — Л., 1973.

² Коган М. А. Винланд найден? Новые данные о норманнах в Америке // Известия Всесоюзного географического общества. — М., 1965. — Т. 92. — С. 472.

³ Гуревич А. Я. Походы викингов... — С. 31.

Черного и Каспийского морей, а по ним проникали в Византию, арабские страны и Среднюю Азию. Таким образом, в начале IX века был проложен великий торговый путь из прикаспийских стран по Волге через Восточную Европу в Балтийское море. Основной поток серебра и изделий ближневосточных художественных ремесел направлялся в Швецию, Норвегию и страны на южном берегу Балтики.

На рубеже IX—X веков установился второй великий торговый путь Восточной Европы, путь "из варяг в греки". Сохранился рассказ Ибн-Хордадбега, относящийся к середине IX века, о торговом пути в страны Византии: "Русы — купцы, один из разделов славян. Они возят меха белок, черно-бурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Черному ("Римскому") морю, и берет с них десятину византийский властелин"¹. Важнейшим торговым пунктом стала шведская Бирка. Город был расположен на острове Бьоркё в тридцати километрах к западу от Стокгольма. Здесь регулярно проводились торговые ярмарки, на которые привозили свои товары жители густонаселенной шведской провинции Упланде. Среди археологических находок, сделанных в Бирке, — арабское и иранское серебро (монеты и украшения), византийская парча, шелк из Китая, монеты из Западной Европы, фризские одежды, стеклянные и керамические изделия из Рейнской Германии, оружие из Франкского государства.

Историк А. М. Стриннгольм особо подчеркивает торговое значение города Бирки (Сигтуны), куда приезжали датчане, норвежцы, славяне и скифские народы. "Такая торговля была прибыточной для Севера, — отмечает шведский исследователь, — количество его то-

¹ Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории // История России. — М., 1995. — Т. 1. — С. 124.

варов, состоявших сначала в мехах, превышало количество ввоза в драгоценных тканях, жемчуге и других предметах восточной роскоши"¹.

Торговля норманнов с разными странами — от Восточной Европы до Азии — началась примерно в 600 или даже в 550 году нашей эры. В эпоху, предшествовавшую викингам, купцы основали несколько центров на основных торговых путях Скандинавии: Бирку в Швеции, Каупанг в Южной Норвегии, на острове Готланд в Балтийском море и, наконец, Хедебю на территории, в то время принадлежавшей Дании. По мнению американского археолога Томаса Макговерна из Нью-йорского Хантер-колледжа, это были большие рынки².

К примеру, крупным торговым центром стал остров Готланд. Из семисот с лишним кладов, найденных на Готланде к 1956 году, большинство было обнаружено близ прежних дворов бондов. О размахе, который приобрела коммерческая деятельность готландцев, наглядно свидетельствуют цифры. Наряду с разнообразными видами украшений (пряжками, гривнами, булавками, браслетами и т. д.) здесь найдено около 90 тысяч целых монет и 16,5 тысяч фрагментов. Особенно много монет немецкого происхождения — 37 тысяч, а также арабских — 26 тысяч, английских — 20 тысяч. Реже встречаются монеты из Скандинавии и Византии³.

Мы располагаем сведениями из арабских источников о появлении викингов и на Крайнем Севере, в Заволочье: "За страной йура (возможно, югра — В. Б.) находятся береговые люди, они плавают без нужды и цели, а лишь для прославления самих себя, что вот, мол, они

¹ Стринггольм А. М. Походы викингов... — С. 235.

² Викинги: набеги с Севера... — С. 27.

³ Гуревич А. Я. Походы викингов... — С. 57.

достигали такого-то и такого-то места... вот едут на кораблях по морю и вот встретились два корабля, привязывают их обоих моряки один к другому, обнажают мечи и сражаются: кто остался победителем, тому и владеть обоими кораблями"¹. Здесь описан характерный для викингов, названных автором "береговыми людьми", прием абордажа.

С X века важным центром торговли со скандинавскими странами стал Новгород. Саги упоминают о торговых поездках викингов в этот город. Возможно, заезжали они и дальше — в глубь русских земель. Однако, по всей видимости, Русь, или, как ее называли, Гардар, Гардарики ("страна городов")², была для скандинавов лишь зоной транзита товаров из Ближнего Востока и Византии.

На Руси викингов называли *варягами*. Русский историк Н. М. Карамзин, ссылаясь на летописца Нестора, рассуждает: "Бальтийское море издревле называлось в России Варяжским: кто же в сие время — то есть в девятом веке — господствовал на водах его? Скандинавы, или же жители трех королевств Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с готами. Они, под общим именем норманнов или северных людей, громили тогда Европу"³.

Другой отечественный историк, В. О. Ключевский, дает им более обстоятельную характеристику: "Варяги являлись к нам с иными целями и с иной физиономией, не с той, какую носили даны на Западе: там дан — пират, береговой разбойник; у нас варяг — преимуще-

¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений в Восточной Европе. — М., 1967. — Т. II. — С. 68.

² Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв... — С. 143—151.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1988. — Кн. первая. — Т. 1. — С. 26.

ственно вооруженный купец, идущий на Русь, чтобы пробраться далее в богатую Византию, там с выгодой послужить императору, с барышом поторговать, а иногда и пограбить богатого грека, если представится к тому случай. На такой характер наших варягов указывают следы в языке и в древнем предании. В областном русском лексиконе *варяг* — разносчик, мелочный торговец, *варяжить* — заниматься мелочным торгом"¹.

Наконец, словарь С. И. Ожегова предлагает современное понимание слова "варяги": "выходцы из Скандинавии, объединившиеся в вооруженные отряды для торговли и разбоя, нередко оседавшие на Руси и служившие в княжеских дружинах"².

Какую роль сыграли варяги в жизни восточных славян? "Повесть временных лет" начинается словами: "Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и со всех кривичей... Изгнали варяг за море и не дали им дани, и начали сами собою владеть"³. Но рассказ о закончившемся победой восстании новгородских славян и их союзников против варягов сменяется повествованием о том, как изгнавшие варягов славяне погрязли в раздорах, а на их земле воцарился беспорядок. И тогда изнуренные войнами славянские племена сошлись на совет "и реша сами в себе: "Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву..." "И избрашася 3 браться с роды своими, пояща по себе всю русь и приидоша; старейший, Рюрик, седе Новгороде, а другой, Синеус, на Бело-озере, а третий Изборске, Трувор"⁴. Так по-

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. — М., 1986. — Т. 1. — С. 147.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1991. — С. 73.

³ Повесть временных лет (в дальнейшем — ПВЛ). — Ч. 1. — М.—Л., 1950. — С. 214.

⁴ ПВЛ. — С. 18.

явилось сказание о призвании варягов на Русь. Современные российские ученые в большинстве своем признают исторический факт призвания варягов и княжения Рюрика в Новгороде.

Утвердившись в Новгороде, варяги (после смерти Рюрика) двинулись вниз по Днепру. В этом походе участвовало и подвластное славянам население. Варяжский князь Олег взял с собой "много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз и взял Любеч, а также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским". Оказалось, что Киев уже захвачен другой дружиной варягов, которой командовали Аскольд и Дир. Победил хитроумный и вероломный Олег. "Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава"¹.

Замечательный русский историк Георгий Владимирович Вернадский вдали от своей Родины, в США, стал "столпом" новейшей российской историографии. В своей фундаментальной работе "Древняя Русь" он писал: "Хорошо известно, например, что скандинавы, ставшие правящим классом Киевского государства в девятом и десятом столетиях, быстро ассимилировались среди местного населения, приняв славянский язык"².

Другой крупный специалист по Древней Руси, академик Б. А. Рыбаков, считает, что сказание о призвании варягов необходимо увязывать с историей Великого Новгорода, который стремился, имея широкие торговые

¹ Там же. — С. 216—217.

² Вернадский Г. В. Древняя Русь. — Тверь—Москва, 1996. — С. 22.

связи со Скандинавией, "обособиться от власти киевских князей", и с использованием новгородскими князьями в борьбе с Киевом наемных варяжских отрядов¹. Не случайно существует предание о том, что перед смертью киевский князь Олег ходил на Север, в Новгород и Ладогу, и что именно здесь, в Ладоге, погибнув от укуса змеи, он и был похоронен. Великий Новгород претендовал на то, чтобы тело вещего преемника Рюрика покоилось здесь, в северной земле. Хотя общеизвестно, что, согласно южному преданию, он похоронен в Киеве, на горе Щековице².

Характерно, что русские легенды о князе Олеге, включая и повествование о его смерти, имеют близкие параллели в скандинавской "Саге об Одде". В саге говорится о том, что Одд умер от укуса змеи в Норвегии, куда он возвратился после своих подвигов на Руси³.

Русский княжеский дом поддерживал тесные политические, торговые и культурные связи с викингами. Больше того, династические связи Руси со Скандинавией до монголо-татарского ига были прочнее, чем с другими странами Западной Европы. Политической подоплекой этого обстоятельства является норманнское происхождение русской княжеской династии. По своему происхождению и поведению Рюрик, Олег, Игорь, Святослав — типичные викинги. И даже ославянившиеся Владимир и Ярослав в трудную минуту вспоминали о своей родине, опираясь на ее помощь. Подтверждением тому могут служить два характерных примера. Когда киевским

¹ Рыбаков Б. А. Начало Русского государства // Вестник МГУ. — 1955. — № 4—5. — С. 74; Его же. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII вв. // Вопросы истории. — 1962. — № 4. — С. 37.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1988. — Кн. 1. — Т. 1—2. — С. 137.

³ Вернадский Г. В. Киевская Русь... — С. 31.

князем стал Ярослав, Владимир, княживший в Новгороде, опасаясь за свою судьбу, "бежал за море". Оттуда он вернулся с варягами, с помощью которых победил и полоцкого князя Рогволода, и самого Ярополка, и захватил Киев"¹. Повествуя о Ярославе, летописец под 1015 годом записал: "Когда Владимир собирался идти против Ярослава, — Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего". Когда возник критический момент в войне с Болеславом польским, Ярослав "хотел бежать за море", к тем же варягам. Киевлянам пришлось порубить лодки, чтобы воспрепятствовать бегству великого князя. К счастью, этот инцидент закончился благополучно: "Привели варягов и вручили им деньги, и собрал Ярослав воинов множество"².

Тесные контакты русских и варягов подтверждают и скандинавские источники. "Сага о Святом Олафе" рассказывает о том, как он долго и усердно служил русскому "конунгу Владимиру" (князю Владимиру — В. Б.). Возвращаясь на кораблях из Новгорода домой после окончания своей службы, Олаф был занесен бурей в Померанию. Здесь располагались владения вдовствующей княгини Гейры Буриславны, и, не желая открывать свое происхождение, он выдал себя за купца Гардского (русского — В. Б.)³.

Доктор исторических наук А. Я. Гуревич на основе нового прочтения "Саги об Олафе Трюгтвасоне" подробно описывает удивительную судьбу молодого норвежского принца Олафа, которого продают в рабство. Его дядя Сигурд приезжает в Эстонию в качестве сборщика податей русского князя и находит на невольничьем рынке ребенка необыкновенной красоты. Узнав, что

¹ ПВЛ. — Ч. 1. — С. 251—252.

² Там же. — С. 288, 296—297.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. — М., 1987. — Т. 1. — С. 147.

это сын его сестры, он выкупает его. Повзрослевший Олаф на рынке в Хольмгарде (Новгороде — В. Б.) встречает прежнего своего хозяина и убивает его. Ему угрожает смерть, но он находит покровительство у княгини Аллогии (Ольги), а в дальнейшем и у князя Владимира.

Благодаря своему происхождению, выдающимся способностям и личным качествам, Олаф возглавляет княжескую дружину и участвует во многих походах. В дальнейшем судьба забрасывает Олафа на Балтику, где он женится на дочери вендского конунга Бурислава. Сага, как приключенческий роман, повествует о встрече Олафа с прорицателем, который предсказывает ему прекрасное будущее. Принц Олаф становится христианином, уезжает в Англию, где выходит победителем на смотре женихов, устроенном дочерью ирландского конунга Гидой, и женится на ней¹. Не будем утомлять читателя пересказом всех приключений Олафа Трюгвасона, а подтвердим только тот главный реальный факт, что он стал королем Норвегии (994—1000 или 999 гг.). Олаф Трюгвасон проводил жесткую политику подавления самостоятельности местных конунгов, подчиняя их королевской власти.

Важнейшим инструментом в этой борьбе являлась христианизация страны. Эту же политику так же последовательно и решительно проводил его преемник король Олаф Харальдссон (1016—1028 гг.). После поражения в войне с Данией Олафу пришлось покинуть Норвегию и бежать в Швецию, а оттуда дальше — на Русь, где он нашел гостеприимное убежище у киевского князя Ярослава. Попытка Олафа Харальдссона вернуть себе престол завершилась его гибелью в битве при Стикластадире (28 июля 1030 г.). Авторитет покойного Олафа был настолько велик, что церковь провозгласила

¹ Гуревич А. Я. История и саги. — М., 1972. — С. 149—165.

его святым, покровителем норвежских королей и даже "вечным королем Норвегии"¹. Идея сакральности королевской власти получила новое обоснование, церковь стала важной опорой правителей Норвегии.

Изучение скандинавских преданий позволило установить характер династических родственных связей между русскими князьями и норвежскими конунгами. По-видимому, четверо из жен князя Владимира I были скандинавского происхождения².

Великий князь Ярослав Мудрый был женат на Ингегерде (Ирине — В. Б.), дочери Олафа Святого, сын которого, Магнус, вырос и был воспитан при русском княжеском дворе³. По другим источникам, Ярослав Мудрый был женат на Ингегерде — дочери шведского короля Олафа Скоткогунга, а его внук, великий киевский князь Владимир Мономах, взял в жены английскую принцессу Гиту, дочь короля Гарольда, погибшего в битве при Гастингсе. Их первенец Мстислав Владимирович впоследствии княжил на Руси, а в жены взял шведскую принцессу Кристину⁴.

Святая Русь прославилась множеством отечественных подвижников. Интересно, что на ниве русского православия подвизались также святые различных национальностей, в том числе из Скандинавии. Среди русских святых мы знаем дочь шведского короля Олафа — благоверную Анну Новгородскую, супругу князя Ярослава Мудрого⁵.

¹ История Норвегии. — М., 1980. — С. 139—140.

² Вернадский Г. В. Киевская Русь... — С. 357.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен... — Кн. 1. — Т. 1, 2. — С. 206.

⁴ Кан А. С. История скандинавских стран... — С. 20; Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории... — Т. 1. — С. 236.

⁵ Архимандрит Макарий (П. Веретенников). Преподобный Серапион-подвижник Кожозерской обители // Слово о людях и земле Поморской. — Архангельск, 1995. — Вып. 2. — С. 13.

После гибели Олафа Святого монархия в Норвегии была восстановлена, его сын Магнус был возвращен из Киева и возведен на престол (в 1034 или 1035 гг.). Однако хёвдинги, которые правили от имени малолетнего короля, сумели отменить часть податей и, соблюдая обычаи страны, сохраняли вольности бондов и знати. Молодой король вошел в историю Норвегии как Магнус Добрый¹. Все эти компромиссы были временными, положение монархии в большой степени зависело по-прежнему от личности короля. Могучий викинг Харальд Сигурдарсон, сводный брат Олафа Святого, возвратившись из заморских походов, в 1046 году разделил власть над Норвегией со своим племянником Магнусом Добрым, а затем стал и полновластным государем. Следует заметить, что жизнь Харальда была тесным образом связана с Русью. Одно время он служил в дружине Ярослава Мудрого. Князь Ярослав был одарен исключительным политическим чутьем. Он восстановил родственные связи с Западом, взяв в жены шведскую принцессу Ингегерд и выдав трех своих прекрасных (и грамотных) дочерей за царствующих особ Европы: Анна стала королевой Франции, Анастасия — королевой Венгрии. Младшая дочь, Елизавета, завоевала сердце молодого Харальда². До нас дошли замечательные песни, сочиненные молодым норвежским конунгом в честь своей возлюбленной. Добиваясь руки Елизаветы, Харальд отправился в дальнейшее путешествие добывать славу и богатство. Он служил византийскому императору, был храбрым воином и талантливым полководцем. В его послужном списке — блистательные победы в Африке и Сицилии над "неверными". Он совершил паломничество в Иерусалим, поклонился святым местам и в зените

¹ Кан А. С. История скандинавских стран... — С. 20.

² Викинги: набеги с Севера... — С. 76.

славы вернулся на Русь¹. В 1015 году Харальд женился на Елизавете, и от этого счастливого брака у них было две дочери: Мария и Ингегерд, видимо, названная в честь своей бабушки.

Будучи королем Норвегии, Харальд заслужил прозвище "Жестокий Правитель". Он огнем и мечом подавлял выступления строптивых бондов, пытавшихся сохранить свою независимость. Харальд безжалостно истреблял тех хёвдингов, которые стояли на его пути к единоличной королевской власти. В 1066 году во время похода на Англию зять Ярослава Мудрого Харальд Суровый погиб². Этим трагическим эпизодом закончилась наиболее яркая "эпоха викингов" — эпоха военных набегов и морских плаваний, грабежей и пиратства, торговли и мирной колонизации стран и народов.

Можно было бы поставить точку и закончить главу о норманнах-варягах. Но нельзя обойти молчанием сказание о призвании варягов на Русь, которое на протяжении нескольких столетий не дает покоя историкам и политикам. В середине XVIII века возник так называемый "норманнский (варяжский) вопрос" и сложились два непримиримых историографических течения: норманнистское и антинорманнистское. Родоначальником первого считают Герарда Фридриха Миллера и Готлиба Зигфрида Байера. Начало антинорманнистскому направлению в русской историографии положил наш земляк М. В. Ломоносов. Сущность проблемы заключалась в том, что происхождение Российской государственности связывалось с решающей ролью норманнов-завоевателей. М. В. Ломоносов отрицал агрессивный характер варяжских вторжений и не признавал в Рюрике норманна. И в том, и в другом случае он был не прав. Заслуга нашего первого отечественного академика в том, что именно

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского... Кн. первая. — Т. 2. — С. 19.

² История Норвегии... — С. 143.

он подошел к сути проблемы — к вопросу об уровне развития восточнославянского общества и о создании Русского государства¹.

В XIX веке начался новый этап обсуждения варяжского вопроса. Усилилась полемика между норманнистами и антинорманнистами. Каждый крупный историк в России старался определить свое отношение к варяжскому вопросу. Норманнисты (Карамзин, Погодин, Соловьев, Кавелин, Чичерин, Милоков) считали Рюрика скандинавом. Антинорманнисты ополчились против мнения о его скандинавском происхождении. Его считали то финном (Болтин), то хазаром (Эверс), то роксоланом (Иловайский), то славянином (Гедеонов), то литвином (Костомаров). По существу, основной спор шел вокруг частного вопроса.

Прислушаемся к мнению известного российского историка М. А. Алпатова, который считал, что "варяжский вопрос родился не в сфере самой науки, а в сфере политики. Став затем научным, он не только не потерял свою прямую связь с политикой, но, напротив, навсегда оказался связанным со жгучими национальными и политическими проблемами современности"².

В конце 30-х годов XX века "норманнская проблема" вновь приобрела особую остроту. С этого времени, как подчеркивают современные исследователи, "воинствующий антинорманизм становится одним из священных знамен советской исторической науки, а его представители занимают почетные места в научной иерархии"³.

¹ Алпатов М. А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. — 1982. — № 5. — С. 31—45.

² Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX вв.). — М., 1985. — С. 23.

³ Думин С. В. Турилов А. К. "Откуда есть пошла Русская земля?" // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX — начала XX вв. — М., 1991. — С. 15.

В 1944 году кульминационным этапом в разрешении варяжского вопроса стало обсуждение этой проблемы на совещании советских историков в ЦК ВКП(б). Накануне этой встречи был подготовлен документ "О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков". В нем давалась оценка "влияния реакционных взглядов немецких историков" на современную русскую историографию: "В трудах советских историков — Панкратовой, Рубинштейна и Яковлева содержатся ошибки антиленинского характера, совершенные под влиянием реакционных идей немецких историков, в свое время подвизавшихся в России или писавших о ней — Байера, Шлецера, Миллера, Гакстгаузена, Клейншмидта, имевших целью подчинить немецкому влиянию широкие слои русской интеллигенции и в конечном счете идеологически подготовить экспансию на Восток немецких захватчиков..."¹. Здесь налицо уже политический, а не исторический характер обсуждения проблемы.

В советской историографии существовало три подхода к летописным свидетельствам о призвании варягов. Одни исследователи считают их в основе своей исторически достоверными. Другие — полностью отрицают возможность видеть в этих известиях отражение реальных фактов, полагая, что летописный рассказ есть легенда, сочиненная много позже описываемых в ней событий в пылу идеологических и политических страстей, волновавших древнерусское общество конца XI — начала XII века. Наконец, третьи обнаруживают в предании о Рюрике отголоски действительных происшествий, но отнюдь не тех, что поведаны летописцем. Кроме того, они говорят и об использовании этого предания в идей-

¹ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Вопросы истории. — 1991. — № 1. — С. 191.

но-политической борьбе на грани XI и XII столетий. Последняя точка зрения представляется более конструктивной, чем остальные¹. Варяжскому вопросу посвятили свои работы наиболее известные историки². Мы не будем вступать в полемику с ними, а адресуем читателя, которого заинтересует данная проблема, к труду норвежского историка Й. П. Нильсена. Его брошюра "Рюрик и его дом: Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии" вышла в издательстве Поморского университета в 1992-м году. В этой работе, получившей широкий отклик в научных кругах, дается аргументированная и взвешенная оценка основных концепций русских дореволюционных и советских историков по данному вопросу.

¹ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. — 1992. — № 4—5. — С. 6.

² Греков Б. Д. Киевская Русь. — М., 1953; Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. — М—Л., 1965; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. — М., 1971; Рыбаков Б. Я. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982; Фруменков Г. Г. За честь и славу россиян... — С. 42 и др.

ЧУДЬ ЗАВОЛОЧСКАЯ И ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ

ДРЕВНИЕ времена территорию, которую сегодня мы называем Русским Севером, населяли многочисленные финно-угорские племена. Что же это за этническая общность? Что нам известно о них? Финно-угорские народы (точнее, народы, говорящие на финно-угорских языках), согласно классификации историка Г. В. Вернадского, могут быть разделены на две главные ветви: угорскую и финно-пермскую. Венгерский, вогульский и остякский языки относятся к угорской ветви. Финно-пермская ветвь вклю-

чает в себя следующие три группы языков: 1) пермскую группу, к которой относятся удмуртский (вотякский) и коми (зырянский и пермский) языки; 2) восточную финскую группу — марийский (черемисский) и мордовский (эрзя и мокша) языки; 3) западную финскую группу, состоящую из карельского, эстонского и суоми (то есть собственно финского) языков¹. Предками этих народов и были племена, жившие в древности на территории нашего края.

В своей известной книге о Германии, написанной в 98 году нашей эры, римский историк Корнелий Тацит упоминает три племени, проживавших на территории "между германцами и сарматами". Это *певкины, венеды и фенны*. Тацитовских венедов многие историки отождествляют со славянами, а феннов — с финнами².

Поскольку финны на Севере Руси были аборигенами, а славяне — пришельцами, то последние подверглись значительному влиянию того народа, в чью страну они пришли. В антропологическом типе северных русских наблюдаются некоторые финские черты, возникшие от смешанных браков.

Вполне естественно, что многие названия местностей, рек и озер на Русском Севере имеют финское происхождение. Исследователь М. Фасмер составил впечатляющий список топонимов западнофинского происхождения на землях, составивших позднее территории Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний³.

Какими русскими письменными источниками мы рас-

¹ Вернадский Г. В. Древняя Русь... — С. 245.

² Тацит Корнелий. Малые произведения. — СПб., 1993. — Т. 2. — История. — С. 355—356.

³ Вернадский Г. В. Древняя Русь... — С. 247; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — В 4-х т. — М., 1987.

полагаем? В "Повести временных лет" при перечислении "всех языдей Иафетовой части" встречается упоминание о дорусском населении Заволочья: "меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра"¹... Следует заметить, что порядок перечисления четырех племен, названных вслед за "заволочьской чюдью", соответствует порядку их расселения с юго-запада на северо-восток, то есть несет и этнографическую информацию. Эта вставка была сделана около 1113 года при составлении первой редакции свода, причем сведения историко-этнографического характера, возможно, восходят к более раннему источнику.

Нас в данном случае интересует только легендарная "чудь заволочская". По своим антропологическим признакам чудь не однородна: наряду с чюдью "белоглазой" фигурируют чудь "черноглазая", "черноволосая", "темнокожая" и "краснокожая"². Что это за народ, откуда пришло это название? Современник Ломоносова русский ученый-филолог и поэт Г. Тредиаковский считал, что "речение Чюдь, по знаменованию своему изрядно про-толковано за сокращенное имя словенского слова Чюждь, знаменующее чужеземца"³.

Исследователь отечественной истории Ф. Н. Глинка считал, что "чудь" по-венгерски означает "чудо". Частица — "акъ" имеет значение множественного числа, поэтому слово "чудак" в переводе с венгерского — "чудеса"⁴.

¹ Список населенных мест Российской империи. — Т. 1. Архангельская губерния. — СПб., 1864. — С. 17.

² Криничная Н. А. Предания Русского Севера. — СПб., 1991. — С. 15.

³ Крестинин В. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. — СПб., 1784. — С. 8.

⁴ Глинка Ф. Н. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о стране, известной издревле под названием Ваги // Северный архив. — Петрозаводск, 1827. — № 9. — С. 5.

В словаре В. Даля зафиксировано функционирование слов "чудь", "чудак" в северорусских говорах как синонимов слов "странный", "чудаковатый", то есть идущий против обычаев русских. Даже в настоящее время в Архангельской области в качестве синонимов употребляются понятия "чудь", "чукча", "чуча", "чухарь". Однако происхождение этнонима "чудь" имеет куда более сложную историю. Слово это общеславянское и в значении "чужой" образовано от уровней основы *tjudъ*, которая, в свою очередь, считается заимствованием из готского языка, где она значила просто "народ".

В этой связи вызывает интерес известие готского историка Иордана (VI в.) о покорении германцами племени в некой местности *Aunxis*, в той же стране, где жили *vas* (весь), *merens* (меря), *mordens* (мордва). В исторической науке выдвинуто предположение, что речь идет о финноязычных племенах, расположенных от Волжско-Окского междуречья до Прибалтики¹. Историк Иордан повествует и о народности *Thiudos* (чудь — В. Б.) Известный этнолог Т. А. Бернштам на основе анализа этнонимических определителей и в сопоставлении с топонимическими данными делает весьма убедительное заключение о том, что чудь Иордана занимала область в южном Приладожье и Прионежье². Исторические судьбы древних жителей Русского Севера непосредственным образом связаны с процессом формирования севернорусского населения. О совместном проживании чуди и первых русских переселенцев свидетельствуют письменные источники, археологические находки, топонимика, фольклорные предания.

¹ Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. — 1969. № 10. — С. 209; Иордан. О происхождении и деяниях гот. — М., 1960. — С. 89, 150.

² Бернштам Т. А. О роли верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV в.) // Фольклор и этнография Русского Севера. — Л., 1973. — С. 9—10.

Прежде всего обратимся к немногочисленным письменным источникам. Как уже отмечалось, "Повесть временных лет" рассказывает о чуди и месте ее обитания. Русь и чудь — непосредственные соседи, но чудь, как "Ляхъве же и Пруси", больше тяготеет к Прибалтике: "Преседять к морю Варяжскому". Чудь прежде других племенных группировок подверглась варяжскому нашествию: "Имаху дань варязи из заморья на Чюди и на Словенах, на Мери и на Весехъ, и на Кривичехъ". Примечательно известие, относящееся к 1030 году, о том, что "иде Ярослав на Чюдь, и победи я, и постави град Юрьев" (то есть Тарту). В конце XII века "избища Пльсковичи Чюдь поморскую... около порога в озеро", — свидетельствует Новгородская первая летопись. Для первых русских летописцев чудь — это прежде всего финноязычное население, жившее между Чудским озером и Варяжским морем. Оно исторически явилось этнической основой эстонского народа. Но в Прибалтике обитали и другие родственные друг другу племена (ижора, водь), тоже, видимо, относимые к числу "чудских".

Что касается термина "чудь", то, вероятно, русские летописцы не слишком вдавались в этнические различия финских племен и называли так довольно широкую и неопределенную их группу, куда входили и предки современных эстонцев, и так называемая "чудь заволочская". Сказания о чуди известны по всему Русскому Северу, о ней говорят русские, коми, карелы, саамы и ненцы.

Чудское население обитало и в новгородских пятинах. Однако, помимо прибалтийской чуди, "Повесть временных лет" называет только "заволочскую чудь", которой в XII—XIII веках управляли "мужи новгородские". О

¹ Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная... — С. 210.

давних и тесных связях говорит и то, что в самом Новгороде были Чудинцова улица и Чудинцовы ворота, часто встречалось имя Чудин¹.

Заволочская чудь занимала обширную территорию. Заволочье лежало к востоку от системы волоков, соединяющих бассейны рек Невы, Волги, Северной Двины и Онеги в районе Белого и Кубенского озер, куда впоследствии отправятся за данью русские князья и дружины. Ряд сопоставлений позволяет сделать вывод о том, что заволочская чудь, обитавшая в бассейне реки Ваги и в среднем течении Северной Двины, представляла собой финноязычное население, родственное белозерской веси и еми (ями), расселившейся к северу от Онежского озера до нижнего течения Северной Двины (в частности, по реке Емце)².

Ученый Л. Н. Гумилев выделяет "чудь белоглазую" в отдельное финское племя, за которым дальше жили зыряне, чудь заволочская и много других народов³.

В документах Господина Великого Новгорода можно прочесть и такие строчки: "тые земли на Пинеже, Кегролу, и Чаколу, и Пермские, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Выпо, и Суру Поганую поимали за себя наши братья ноугородци и вас к целованию привели на новугородское имя"⁴. Здесь речь идет об установлении даннической зависимости, а, возможно, и о крещении чуди в христианскую веру. Финно-угорское происхождение перечисленных названий

¹ Барсов Н. П. География начальной (несторовой) летописи. — Варшава, 1885. — С. 46.

² Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии "Заволочье" // Проблемы истории феодальной России. — Л., 1971. — С. 103—109.

³ Гумилев Л. Н. От Руси к России... — С. 154.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М—Л., 1949. — С. 154.

указывает на то, что первоначально это были чудские поселения. Примечательно, что "Сура Поганая" (то есть языческая), располагающаяся в среднем течении реки Пинеги, дольше других новгородских волостей была заселена "закоренелыми язычниками".

Архангельский историк В. В. Крестинин полагает, что "первое христианскою верою просвещение заволочской чуди произошло в XI веке"¹.

Существует много преданий о том, что чудь, не желая креститься и быть покоренной, шла на групповое самоубийство. Вот один из таких сюжетов: "В качестве последней защиты Чудь выкапывала ямы, укрывалась в них настилками на подпорах, и если, отбиваясь в этих ямах, видели они неминуемость поражения, то разрушали подпорки и гибли"². Версия о том, что "чудь живьем закопалась", представляет особый исторический интерес, и мы еще вернемся к ней.

Легенды о чуди известны и в селениях по реке Мезени. В одной из них рассказывается о том, что в низовья Мезени чудь спускалась с верховий, убегая "от православной веры". В другой легенде объясняется происхождение названия мезенской деревни Чучепалы: "Повыше деревни... по берегу реки Мезени, на высокой горе в лиственничных рощах, стоял некогда город, населенный чудью. Новгородцы, расселяясь по реке, выбрали и соседнее предгорье, как место удобное и картинное. Первые годы соседи жили в миру, да строптива была чудь и не угодила новгородской чести, не поддалась под новгородскую душу... Прямо против городка Чудского на реке Мезени прорубили они (новгородцы — В. Б.) лед поперек всей реки и сделали таким путем

¹ Крестинин В. Исторические начатки о двинском народе... — С. 12.

² Случевский К. К. По Северо-Западу России. — СПб., 1897. — С. 167.

широкую поляну. И погнали они чудь из города в ту сторону, где лежала поляна; провалилась вся чудь от мала до велика, потонула... и прослыла деревушка Новгородская Чудьпалой за тем, что тут последняя чудь пала"¹.

Распространена здесь также легенда о богатствах чуди. Причем в нескольких деревнях указывали одно и то же место, где чудь спрятала свое богатство: на правом берегу Мезени, на высоком бору, примерно в 12 километрах ниже села Чернутьева. Жители мезенских сел указывают на два городища, основанных чудью: у сел Патраково и Чернутьево. Близ села Чернутьева на высоком холме на правом берегу Мезени при пахоте действительно находили остатки глинобитных печей, глиняную посуду, замок в виде конька и другие предметы.

До сих пор в мезенских селах встречаются, по мнению местных жителей, потомки чуди, носящие "чудские" фамилии.

Реальность существования чудского народа не подвергается сомнению. Легенды о чуди в сочетании с археологическими материалами являются важными источниками по этнической истории края².

Профессор Поморского университета Н. М. Теребихин справедливо считает, что "цикл чудских преданий является универсальным этнологическим и историографическим мифом, с помощью которого все странное, чужое и неизвестное (начиная от человеческого характера и кончая археологическими и палеонтологическими древностями) получало свое объяснение и включалось в освоенный человеком пространственно-временной континуум"³.

¹ Максимов С. В. Год на Севере. — Архангельск, 1984. — С. 577.

² Савельева Э. А. Пермь вычегодская... — С. 15—16.

³ Теребихин Н. М. Мифологическая история и социология крестьянского мира на Русском Севере // Семиотика культуры: Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара 18—28 сентября 1989 года. — Архангельск, 1989. — С. 61.

Много ценных сведений о заволочской чуди содержит житийная литература об основателях северных монастырей. Начиная с XIV века, монастыри активно участвуют в освоении Беломорского Севера, особенно заботясь об упрочении христианской веры среди населения края. Во времена миссионера Лазаря Муромского, "живущие тогда именовались около озера Онего Лопляне и Чудь, страшные сыродяды близ места сего живяху", но постепенно "отыдоша от места сего в пределы океана-моря". В "Житии Кирилла Челмогорского", основавшего обитель к западу от города Каргополя, у большого Лекшмозера, сказано, что тут "бяху же еще не крещении живущие в окрестных местах, имяху чюдской язык и веру; еще бо в то время православие начинаше процветати в месте том... Но потом помале — вси чюдяне восприяша святое крещение"¹.

О том, что чудь, сохраняя свою самобытность, долго жила в бассейне средней Ваги, свидетельствует "Житие Варлаама Важского" (умер в 1467 году), составленное в конце XVI века. В беломорских грамотах содержатся данные об особом "чудском постое", который взимался властями с местного населения за проезд из охотничьих угодий чуди в Новые Холмогоры (Архангельск)².

Некоторую информацию о заволочской чуди можно почерпнуть из записок иностранных путешественников. Несколько слов о чуди сказано в рукописи Ричарда Джемса, датируемой 1618—1620 годами: "...чуди — народ около Колмограда издревле так называемый, который говорил на языке, отличном от самоедов и лопарей; они там больше не находятся"³.

¹ Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 гг. — Петрозаводск, 1869. — С. 6.

² Рябинин Е. А. Чудь заволочская // Природа. — 1993. — № 8. — С. 29.

³ Симони П. К. Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах // Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финноугорских народностей. — Л., 1929. — Т. 1. — С. 126.

В XIV—XV веках чудских поселений в Заволочье сохранилось довольно много, располагались они по большей части вблизи глухих озер и мелких речушек, в то время как по важнейшим водным "улицам" Поморья: Северной Двине, Пинеге, Онеге и Варе — широко разливались волны русской крестьянской и монастырской колонизации.

Историк С. Огородников замечает: "Даже при относительной достоверности исторических известий, так называемая "Заволоцкая чудь" положительно не составляла... отдельного самобытного племени и потому естественно, что чисто географическое название не может быть применимо определительно ни к одному из названных племен"¹.

Согласно преданиям, чудь представляла собой племенные объединения во главе с князьями-старейшинами. Она имела свои укрепленные городки и земельные владения, что говорит об оседлом характере жизни народа. Но некоторые источники содержат сведения и о том, что чудь кочевала².

Благодаря архангельским подвижникам-краеоведам сохранилось для истории немало преданий об аборигенах Поморского края. Так, верхнетоемский краевед Александр Александрович Тунгусов опубликовал в периодической печати много местных легенд. В одной из них говорится о том, что "выходцы жившей здесь чуди под влиянием прибывших в край новгородцев согласились на совершенную оседлость. И поныне существует деревня Чудиново на берегу Пинеге... У этой чуди имелись свои правители — князьки, и будто бы на горном холму при деревне Вахтинской находился княжеский дворец, а за рекой Выей — его земельные угодья, в числе коих и существует поле Княжево"³.

¹ Огородников С. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по "Книге Большого Чертежа" // Записки Русского Географического общества по отделению этнографии. — 1877. — Т. 7. — С. 10—11.

² Криничная Н. А. Предания Русского Севера... — С. 15.

³ Тунгусов А. Владения чудского князя на реке Вые // Заря. — 1971. — № 22. — 20 февр.

Вологодский краевед А. А. Угрюмов пишет о своем родном Тарногском районе, который находился в центре территории расселения древней заволочской чуди. В тарногских говорах и кокшеньгской ономастике (совокупности собственных имен) встречается много слов, заимствованных из чудских языков. Местный краевед отметил, что гнездовое расположение населенных пунктов — своеобразное наследие охотничье-рыболовного типа хозяйства чуди, жившей в прежние времена в бассейне реки Кокшеньги. Значительная часть деревень носит чудские названия: Ваймеж, Илеза, Лохта, Мадовицы, Пёлтасы, Поца, Тюресерь, Хавдевицы, Шупова¹. Результаты своих изысканий А. А. Угрюмов опубликовал в журнале "Север"².

Никоновская и Софийская летописи в XV веке еще официально различают "двинян и заволочан", подразумевая под первыми жителей русских двинских погостов, а под вторыми — остальное население Заволочья, в том числе и чудское. В позднем "Двинском летописце" есть запись: "Новопросвещенная же Заволоческая Чудь реки великая Двины, для того преименовавшаяся Двиняне"³.

Старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН Е. А. Рябинин также отмечает появление независимого и самостоятельного населения Заволочья, группы которого в летописях фигурируют как "двиняне", "важане", "пинегжане", "вычегжане" и другие. Это явление Е. А. Рябинин расценивает как результат "низовской" колонизации Подвинья и слияния местных чудских коллективов с неоднородными в эт-

¹ Угрюмов А. А. Финно-угорские заимствования в языке жителей Тарногского района Вологодской области // История и культура Важского края. — Вельск, 1992. — С. 48—51.

² Угрюмов А. А. Кокшеньга — край чуди заволочской // Север. — 1981. — № 4; 1993. — № 8.

³ Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная... — С. 211.

ническом отношении — славяно-финскими — выходцами из поволжских областей¹.

Можно согласиться с мнением известного российского историка М. В. Витова, что ассимиляция значительной части чуди заволочской завершилась к XVI—XVII векам, "хотя отдельные островки этой загадочной этнической группы (которая, скорее всего, не была единой) сохранились до XIX века"².

Как происходило заселение Заволочья и как складывались отношения славян с аборигенами? Выслушаем мнение классиков отечественной истории С. М. Соловьева и О. В. Ключевского. Сергей Михайлович Соловьев считает, что между славянами и чудью не было враждебных столкновений, так как "легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было так много, по которой можно было так просторно расселиться без обиды друг другу... Все это происходило тихо, незаметно для истории, потому что здесь, собственно, было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежавшей³. Василий Осипович Ключевский обращает наше внимание на важную особенность менталитета первых насельников Северного края: "Самый характер финнов содействовал такому мирному сближению обеих сторон. Финны при первом своем появлении в европейской историографии отмечены были одной характерной чертой — миролюбием, даже робостью, забитостью"⁴.

¹ Рябинин Е. А. Чудь заволочская... — С. 29; Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). — Т. 3. — С. 73—74; Т. 4. — С. 49, 51; Т. 5. — С. 216; Т. 6. — С. 199.

² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. — М., 1962. — С. 71—72.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1988. — Кн. 1. — Т. 1. — С. 58.

⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. — М., 1987. — Т. 1. — С. 297.

Новгородские славяне, продвигаясь на север, несли развитую земледельческую культуру, навыки строительства, охоты, рыболовства.

Вологодский историк Ю. С. Васильев, говоря о заволочской чуди, имеет в виду обитателей провинции Ваги. О том, какие племена составляли дорусское население этого края, можно высказываться лишь предположительно, основываясь на данных топонимики. По реке Ледь и, вероятно, к северу до реки Емцы расселялась емь (Вымская гора на реке Ледь. Тут же озеро Емзо). Южнее реки Ледь, возможно, обитала весь. Топонимы этого края: Волотовицы, Волотовицкий ручей, Переверская, Ногавицевская, Долговицкий, Мадовицы (Мадовесь) — так же многозвучны, как и топонимы Белозерья: Череповесь, Луковесь, Весъегонск и другие, бесспорно, указывающие на связь с народом весью¹.

Однако, вопреки мнению С. М. Соловьева, процесс заселения края русскими проходил не столь идиллически. Согласно народным преданиям Шенкурского района, чудь отчаянно защищала свою землю от вторжения новгородцев. На возвышенных местах возводились крепости для отражения натиска ушкуйников. Так, в Заостровском приходе в конце прошлого века место, где чудь, по преданию, защищалась от новгородцев, называлось чудским городком. Он стоял на высоком уторе, под которым с одной стороны текла река Нюма, а с другой — глубокий ручей. Все это место было обнесено земляным валом. Как отмечалось в "Памятной книге Архангельской губернии за 1864 год", такая же крепость была построена и в Топецком приходе, на том самом месте, где стоит церковь. А когда не было сил противостоять отчаянным русским первопроходцам, чудь "за-

¹ Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии "Заволчье"... — С. 108.

капывалась" в землю. В ямах по углам ставились столбики, на крыши накладывали камни, а когда приближались к этим жилищам русские колонизаторы, подставки подрубались и туземцы заживо хоронили себя¹. Легенд такого рода на Севере сохранилось множество. Так, согласно одной из них, "когда чудь по Тарноськой городок подходила, так копали канавы из Тарноги в Кокшеньгу и пускали воду: чудь воды боялась". А в Лимском приходе рассказывали о том, что "чудь нападала на здешние селения, грабила их, перебила много народу"².

В конце XVIII века академик П. Б. Иноходцев записал предание о "русско-чудских" войнах. Первые жители Каргопольского края были "погаными сыроядцами и белоглазой чудью, кои, приходя в пределы белозерские, делали великие опустошения... Жестокое сие иго терпели белозерцы, доколе не избавил их от оногo князь Вячеслав. Собрав войско, обратил он все силы на отражение поганных от пределов своих и, проходя с большим трудом дремучие леса, топи и болота, прогнал чудь до берегов Белого моря"³.

Конечно, нередко случались вооруженные столкновения ушкуйников и чуди, однако они не определяли характер русской колонизации края, осуществлявшейся, в основном, вполне мирно.

Ни о каком поголовном истреблении чуди не может быть и речи. В 1864 году были опубликованы "Списки населенных мест Российской империи". Основываясь на сведениях, собранных Императорской Академией наук через архангельских приходских священников, можно утверждать, что во второй половине XIX века чудь

¹ Ефименко П. С. Заволоцкая чудь. — Архангельск, 1869. — С. 9—10.

² Криничная Н. А. Предания Русского Севера... — С. 67.

³ Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная... — С. 212.

еще существовала. В смешанном составе с русским населением она проживала в Архангельском, Холмогорском и Пинежском уездах. А в деревнях, расположенных вниз по течению реки Бояр-Курой (Анцифиоровской, Вахромеевской, Расходовской, Березинской, Обуховской, Нижнематигорской, Демидовской, Тюмшенской), чудь селилась обособленно¹.

Не только многочисленность славянского населения, пришедшего в Заволочье, но и культурное его превосходство обеспечило быструю победу русской культуры и русского языка и поглощение разрозненных немногочисленных чудских групп и прежде всего заволочской чуди:

Заволочская чудь, конечно, не исчезла бесследно, но была очень рано ассимилирована. Объясняется это тем, что плотность населения Севера до прихода сюда русских была очень низкой.

Чудские "печища" (так на Русском Севере называют исчезнувшие поселения) были распространены по всему Заволочью и Двинской земле. Важно помнить, что уже к XVII веку в некоторых местах чудь исчезла, ассимилировалась, а о том, что прежде она жила здесь, напоминали лишь печища да передаваемые из поколения в поколение предания. Крупный исследователь истории Русского Севера М. М. Богословский в своей фундаментальной работе о земском самоуправлении приводит такую запись из документа 1650 года: "Сыскались... на речке на Анданге, на суземе, на черном лесу чудские печища, и лесом, государь, те чудские печища поросли большим, обойми дерево, по полутора, и по два и больше"².

¹ Списки населенных мест Российской империи — Т. 1. — Архангельская губерния. — СПб., 1864. — С. 17.

² Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — М., 1909. — Т. 1. — С. 1.

Какие именно финские племена новгородцы называли заволочской чудью? На этот вопрос даются самые разные ответы. Финские языковеды и этнографы А. Й. Шёгрэн и М. А. Кастрен отождествляют заволочскую чудь с народностью *емь*. Финский археолог Э. А. Европеус и российский этнограф П. С. Ефименко — с *югрой*, филолог К. Ф. Тиандер — с *карелами*. По мнению Д. В. Бубриха, восточная группа племен *веси* — чудь заволочская — может быть отождествлена с легендарными биармийцами. "Заволоцкая чудь — нечто, созерцаемое со стороны западного и юго-западного входов в Заволочье, а Vjatmaland, Veognas — то же самое, созерцаемое со стороны Белого моря", — пишет ученый. Он считал, что заволочская чудь исчезла очень рано, растворившись в массе русских переселенцев¹.

Свыше 170 лет тому назад знаменитый русский лингвист А. Х. Востоков поставил перед учеными задачу, над которой трудились исследователи ряда поколений и которая не решена до сих пор. В своей небольшой заметке "Задача любителям этимологии" он предложил тщательно изучить названия местностей, чтобы узнать, "какие племена в России первобытно жительствова^{ли}"². Поэтому не случайно, что первыми исследователями топонимики Русского Севера были замечательные ученые-финноугроведы XIX века А. Й. Шёгрэн и М. А. Кастрен. Академик А. Й. Шёгрэн сделал вывод о том, что на Севере до прихода русских жили различные финские племена: саамы, карелы, пермь³. Так появилась

¹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа... — С. 28.

² Востоков А. Х. Задача любителям этимологии // Санктпетербургский вестник. — 1812. — № 2. — С. 204—215.

³ Матвеев А. К. Из истории изучения субстрактной топонимики Русского Севера // Ученые записки Уральского госуниверситета. — 1971. — Вып. 18. — № 114. — С. 7—10.

"финская гипотеза" о происхождении дорусских географических названий Севера. Финский ученый Д. П. Европеус высказал противоположное мнение о том, что "народ, вытесненный русскими из средней и северной России, были не финны, а угры, происходившие из одной с ними семьи, но значительно разнившиеся от них по языку и по ряду антропологических признаков"¹.

В 1930-е годы дискуссия ученых о дорусском населении Севера приобрела острую политическую окраску. Анализ этой дискуссии посвящена работа Н. И. Ульянова, который позднее стал крупным историком зарубежья². В 30-е годы Николай Иванович Ульянов работал преподавателем в Архангельском педагогическом институте³.

Профессор В. В. Пименов считает, что начальное проникновение веси в некоторые районы Заволочья произошло не позднее VIII—IX веков. В средневековую эпоху чужд "не представляла собой единого этнического массива, а жила небольшими гнездами, тяготевшими к водным путям сообщения"⁴. Он полагает, что до появления славян территория была пустынной и на ней могли проживать лишь редкие группы кочующих саамов.

Оригинальную этнолингвистическую концепцию развития и смены языковых общностей на основе изучения топонимики предложил крупнейший специалист в этой сфере А. К. Матвеев. Им выделен мощный пласт гидронимов с окончанием на "-ньга", "-еньга". В основном

¹ Европеус Д. П. К вопросу о народах, обитавших в северной и средней России до славян // Журнал Министерства народного просвещения. — 1868. — 3. — С. 57.

² Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми. — М—Л., 1932. — С. 3—42.

³ Юшкин Ю. Н. И. Ульянов // Образ: журнал писателей Православной России. — 1996. — № 2(6). — С. 45—46.

⁴ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. — М—Л., 1965. — С. 164.

эти названия концентрируются в треугольнике, образуемом Вагой, Северной Двиной и Сухоней, — там, где проживала чужь заволочская. Ее язык, отнесенный А. К. Матвеевым к особой севернофинской группе языков древних племен, значительно отличался от остальных прибалтийско-финских языков, занимая "как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками"¹.

По наблюдению того же автора, этнолингвистическая картина осложнена наличием в некоторых районах Заволочья еще одного топонимического пласта, перекрывающего севернофинский и предшествующего распространению здесь русских названий. Об этом свидетельствуют материалы микротопонимики (названия населенных пунктов и урочищ), образующие локальные, но плотные ареалы топонимов прибалтийско-финского происхождения. Их появление связывается с последующим проникновением в Заволочье карело-финских групп, среди которых, возможно, были и "племена, говорившие на языках, промежуточных между карельским и вепсским, или вообще на неизвестных ныне прибалтийско-финских языках"². Предполагается, что расселение разных этнических групп прибалтийских финнов в восточном направлении происходило незадолго до русской колонизации, хотя новопоселенцы и успели создать на Севере свою специфическую топонимию. Очевидно, эти группы осваивали относительно небольшие участки территории, оседая отдельными гнездами.

Несмотря на значительные различия в оценке языковой и этнической принадлежности дорусского населения

¹ Матвеев А. К. К проблеме происхождения севернорусской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. — М—Л., 1964. — С. 191.

² Матвеев А. К. Субстрактная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. — 1964. — № 2. — С. 83.

Заволочья, основной вывод о его родстве или, по крайней мере, близости к прибалтийским финнам разделяют почти все современные исследователи. Ученые не исключают присутствия в этом регионе иных этнических групп: саамов, волжских финнов и древних пермян¹.

Для нас очень важными являются археологические данные о чуди заволочской. Первые находки средневековых древностей в западной части Подвинья были сделаны еще в конце прошлого столетия, но они, по существу, не были учтены историками. Не привлекли должного внимания и материалы чудских могильников, раскопки которых были произведены в двадцатые годы Н. А. Черницыным².

Только в последние десятилетия начались серьезные археологические исследования. Ленинградский археолог Е. А. Рябинин посвятил находкам в бассейне реки Кокшеньги обстоятельную статью, в которой отмечает, что "средневековые древности Кокшеньги принадлежат одному из мелких подразделений летописной чуди заволочской, археологически крайне слабо изученной"³.

На средней Ваге были исследованы захоронения в небольших бревенчатых срубах, помещенных в ямы на глубину около метра. Такие срубы, своеобразные "домики мертвых", очевидно, и обусловили возникновение преданий о вымершем чудском народе, некогда жившем в землянках ("чудь в землю ушла"; "чудь под землю пропала"; "чудь живьем закопалась" и т. д.)⁴.

¹ Рябинин Е. А. Чудь заволочская... — С. 23.

² Там же. — С. 25.

³ Рябинин Е. А. О средневековых древностях Заволочья // Советская археология. — 1981. — № 3. — С. 70.

⁴ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуди заволочской // Советская археология. — 1984. — № 4. — С. 197—216; Голубева Л. А. Чудь заволочская: Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. — М., 1987. — С. 64—66.

Связи Заволочья с Русью археологически засвидетельствованы уже материалами наиболее ранних чудских памятников XI — начала XII веков. На первом этапе они выражались в проникновении в Подвинье славяно-русских изделий: украшений, орудий труда, бытового инвентаря, использовавшихся в качестве эквивалента в пушной торговле. Примерно с конца XII — начала XIII веков наблюдаются явления, уже не сводимые только к сбору дани и дальней торговле. Именно к этому времени относится появление в чудских погребениях древнерусской гончарной керамики, бытующей наряду с местными сосудами ручной лепки¹.

Тем не менее, сегодня можно констатировать, что археологические материалы, документирующие начальный процесс древнерусского освоения края, этнокультуру заволочской чуди, незначительны. Только всесторонние исследования по археологии, этнографии, фольклору, лингвистике и антропологии могут дать исчерпывающие ответы на вопрос о том, что же представляла собой чужь заволочская и чужь белоглазая.

¹ Рябинин Е. А. Чужь заволочская... — С. 28.

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

ОЧТИ девять веков назад мудрый летописец Нестор размышлял над тем, "откуда есть пошла Русская земля". Что касается земли архангельской, поморской, то мы можем утверждать, что она "пошла" от стен северной столицы Руси — Великого Новгорода.

История не сохранила дату рождения Новгорода. Единственное, чем мы располагаем, — это древнейшее упоминание в летописи под 859 годом об уже существующем городе. В то же время мы не можем полностью

доверять этой дате, так как первые летописи на Руси появились лишь в XI веке, то есть летописец рассказывает о событиях, отдаленных от него дистанцией в 150 лет. Загадка содержится и в самом названии города. Новгород значит "новый город". Новый по отношению к какому? Какое поселение было историческим предшественником столицы Северо-Восточной Руси?

Средневековый город представлял собою укрепленное поселение, окруженное деревянными стенами. Известные историки-археологи В. Л. Янин и М. Х. Алешковский выдвинули гипотезу о существовании на месте будущего Новгорода трех поселков, каждый из которых был окружен стеной. Затем они объединились, жители построили общую крепость, которая и получила, в отличие от старых поселений, название Новгорода.

Археолог Е. Н. Носов предлагает другую версию. Он считает, что предшественником Новгорода было Городище — поселение на холме неподалеку от истока реки Волхова. Летописи XII—XV веков не раз упоминали о Городище как о резиденции новгородских князей и их наместников¹.

Вопрос о происхождении Новгорода может быть окончательно прояснен лишь после завершения комплексных археологических раскопок города.

В летописи под 882 годом говорится о походе князя Олега из Новгорода в Киев, результатом чего стало объединение ильменских славян и полян. С этого похода началась история Древнерусского государства со столицей Киевом.

Киевский князь-воин Святослав большую часть своей жизни проводил в походах. Его сыновья княжили в крупных городах. Младший сын Владимир был князем

¹ Андреев В. Ф. Северный страж Руси. — Л., 1989. — С. 21—22.

в Новгороде, а после смерти своего отца стал великим киевским князем.

В начале X века арабский писатель-географ Ибн-Рустах сделал одно из первых описаний юного Новгорода: "Русы же живут на острове посреди озера. Остров можно объехать за три дня; и покрыт он лесами и густой порослью. Климат здесь вреден для здоровья, а места столь болотистые, что почва колеблется под ногами идущего". О местных жителях он писал: "Они бьются со славянами и для нападений используют корабли. У них нет ни деревень, ни хозяйств, ни полей. При рождении сына отец подходит к новорожденному с мечом в руке; опуская меч, он произносит: "Я не оставляю тебе ничего; все, что тебе нужно, ты завоеуешь мечом!" Единственное их занятие — торговля соболями, белкой и другой пушниной, которую они продают любому, кто согласится ее купить".¹ Возможно, это описание варягов, проживавших в Новгороде.

В 989 году вслед за Киевом произошло крещение Новгорода. Христианство в его византийском варианте стало государственной религией страны. Крещение Руси, способствовавшее ее сплочению, а также энергичное осуществление совокупности реформ, начатых Владимиром и продолженных его сыном Ярославом, приводят к стремительному возвышению Киевской Руси. Растут города, развиваются ремесла и торговля. Русь начинает играть значительную роль в международных отношениях². Она ни в чем не уступает передовым странам своего времени — ни в экономике, ни в культуре, ни в степени развития общественно-экономической формации.

¹ Викинги: набеги с Севера... — С. 64.

² Костомаров Н. И. История Новгорода, Пскова и Вятки во время удельно-вечевого уклада (севернорусские народоправства). — СПб., 1868. — Т. 2. — С. 261—266.

В Новгороде в эти годы управляли посадники (от слова "посадить" в значении "определить на место", "назначить"), присылаемые великим князем из Киева. Многие для развития Новгорода сделал Ярослав Мудрый. Он дал Новгороду особые грамоты, закреплявшие устоявшийся здесь государственно-правовой порядок, основал в этом городе в 1030 году первую на Руси школу.

Летопись под 1030 годом сообщает, что князь Ярослав Мудрый, придя в Новгород, собрал "от старост и поповых детей 300 учить книгам"¹. Представление об уровне знаний новгородцев могут дать своеобразные энциклопедии XI века — "Изборники" 1073 и 1076 годов, где помещены статьи по грамматике, философии и другим наукам. Русские люди того времени хорошо сознавали, что "книги суть реки, наполняющие вселенную мудростью". Иногда мудрые книги называли "глубинными книгами".

Особый интерес представляют знаменитые берестяные грамоты — письма простых граждан, написанные по самым различным поводам. То это короткая просьба дать взаймы гривну, то приглашение на похороны, то записка жене с просьбой прислать чистое белье, то долговые расписки, челобитные, завещания, любовные стихи и письма... Ни один из средневековых городов Европы не может похвастаться таким разнообразным берестяным эпистолярным наследием².

До нас дошло 14 новгородских берестяных грамот XI века, а также бронзовое писало ("ручка" для письма на бересте), датированное серединой X века.

Находки берестяных грамот, присланных с посыльными из других городов, свидетельствуют о том, что

¹ Юдин А. А. Русская традиционная народная духовность. — М., 1994. — С. 121.

² Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории... — С. 318, 350.

грамотность новгородцев была скорее правилом, чем исключением. Известна грамота на карельском языке (русскими буквами) и даже на латыни...¹

В распространении образования на Руси велика роль церкви, которая наряду с князьями и государством финансировала работу школ. Церковь первой взяла на себя задачу написать историю нации. Инициатива увековечивания исторических событий принадлежала монашеству. Первая русская летопись, по-видимому, была написана в Новгороде в начале одиннадцатого века, а первая общая история Руси появилась в Киеве столетием позже. Она называлась "Повесть временных лет"².

В 1050 году артелью, присланной Ярославом Мудрым, был построен грандиозный Софийский собор, ставший не только главным храмом Новгородской земли, но и политическим символом будущей Новгородской республики.

Огромная территория Новгородской земли делилась на пять частей, именовавшихся пятнами. Пятинное деление Новгорода оформилось, по мнению большинства исследователей, лишь в XV веке, то есть незадолго до падения новгородской независимости. Ранее эти территории именовались просто "землями". На север и северо-восток от Новгорода между Волховом и Лугой лежали земли Водской пятинны, включавшие в себя и часть современной Карелии. Деревская пятина располагалась между реками Ловатью и Мстой. По правому берегу Волхова, далеко на север и северо-восток, к Белому морю, вокруг озера Онего простиралась Обо-нежская пятина, к юго-западу и западу от Новгорода по реке Шелонь между Лугой и Ловатью располагалась

¹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... — М., 1975. — С. 45.

² Вернадский Г. В. Киевская Русь... — С. 306.

Шелонская пятина. Вежецкая пятина начиналась не у стен города, а к востоку от Новгорода. Пятины, в свою очередь, делились на половины и двенадцать уездов ("присуд")¹.

Основная территория Новгородской земли делилась на податные округа с центрами в крупных поселениях и управлялась должностными лицами, присылаемыми из Новгорода. Примерно в таком же положении находилось и Заволочье, а впоследствии Двинская земля, лежавшая по берегам Северной Двины, в стороне от пятин.

В зависимости от Новгорода находились и такие территории, не входившие в состав основных владений, как Печора и Югра, население которых платило новгородцам дань. Поступавшие в Новгород государственные налоги и дань являлись одним из главных источников его богатства. Академик С. Ф. Платонов проводит аналогию между Древним Римом, где государственной землей была Италия, а земли вне ее — особыми "провинциями", и Новгородом Великим, государственною землею которого были "пятинны", а "земли" вне их играли роль зависимых провинций, бывший предметом новгородской эксплуатации².

Понятие "Великий Новгород" связано прежде всего со своеобразной формой правления, которая отличала это государство от других русских земель, — с феодальной республикой. В настоящее время историки единодушны во мнении, что образование Новгородской республики следует связывать с новгородским восстанием 1136 года, после которого князь Всеволод Мстиславович был изгнан из города. В результате этого переворота утвердились

¹ Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке // Исторические записки. — М., 1938. — С. 133.

² Платонов С. Ф. Учебник русской истории. — М., 1992. — С. 63.

республиканские порядки.¹ Вече стало верховным государственным органом, появились выборные посадники, а лишенный государственной власти князь приглашался на роль наемного военачальника. Республиканский строй в Новгороде просуществовал практически в неизменном виде почти три с половиной столетия.

Несколько лет назад академик В. Л. Янин, известный историк-археолог, изучив новгородские печати XI—начала XII веков, пришел к выводу о том, что выборное посадничество возникло раньше — в конце XI века². В то же время он не отрицает, что именно восстание 1136 года было тем рубежом, после которого окончательно восторжествовал принцип "вольности в князьях". С XII века происходил процесс постепенного ограничения княжеской власти. В XIII веке Новгород начинает заключать с приглашенными князьями особые договоры, по которым князья "целуют крест по всей воле новгородской", то есть клянутся выполнять условия, записанные в договорах.

В отдельные периоды княжеская власть усиливалась. Чаще всего это происходило во времена военной опасности. Так было, например, в середине XIII века, когда с запада Новгороду угрожали немецкие рыцари-крестоносцы и шведы, а с юга — татары. Когда впоследствии Александр Невский покинул Новгород и занял великокняжеский престол, новгородцы признали его власть, как в добрые времена Киевской Руси.

Сельские поселения объединялись в территориально-административные единицы, именовавшиеся погостами и являвшиеся одновременно церковными приходами. Подавляющее большинство населения занималось сельским хозяйством, развитие которого шло неравномерно. Нов-

¹ Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории... — С. 263.

² Андреев В. Ф. Северный страж Руси... — С. 37—38.

городская земля была "неродима". Хлеба не хватало. Два неурожайных года, выпадавшие подряд, приводили к катастрофе, как, например, голод 1228—1231 годов, в результате которого новгородская земля практически обезлюдела.

Если поначалу в земледелии господствовал лесной перелог, когда после истощения освоенных участков они забрасывались, вырубался лес и распахивались новые поля, то с XIII века начала вводиться более прогрессивная трехпольная система. Вся пахотная земля делилась на три части: поля яровое, озимое и поле под пар. Новгородцы распространили пашенное земледелие далеко на север: в Обонежье, на Северную Двину, до побережья Белого моря. Животноводство давало мясо и молочные продукты, шерсть, кожу. Нередко в грамотах упоминались "пожни" — сенокосы: Распространено было и огородничество; основные культуры — капуста, лук, чеснок, репа. Существенным подспорьем в хозяйстве были охота и рыболовство. Леса Новгородской земли, особенно на севере, изобиловали медведями, лосями, кабанами, пернатой дичью. Особое значение имела охота на пушного зверя. Новгород был крупнейшим в Европе экспортером белки, куницы, соболя, горностая и других мехов.

На далекой Северной Двине денежные расчеты производились белками. Меха составляли часть доходов феодалов, ими нередко собиралась дань.

В реках и озерах Новгородской земли в изобилии водилась рыба, делившаяся на черную (не имевшие большой рыночной стоимости щука, лещ, окунь, налим, карась, ерш и т. д.), красную (лососевые, семга) и белую (осетр, стерлядь, сиг, омуль, пелядь).

Существенное значение имело бортничество — промысел меда из "бортей" (дуплистых деревьев, пней,

долбленных колод), служивших жилищем для роев диких пчел. Сахара в Древней Руси не знали, поэтому мед был ценнейшим продуктом питания и в натуральном виде, и в переработанном. Не случайно гордостью русской национальной кухни до сих пор остаются медовуха и сбитень — напитки из меда. Мед и воск занимали важное место как во внутренней, так и во внешней торговле Новгорода, да и всей Руси.

Важным промыслом было солеварение, которым занимались крестьяне Деревской и Шелонской пятин, а также Поморья.

На Новгородчине существовал и столь экзотичный для Руси промысел, как жемчужный. В конце XVI века русский посол рассказывал персидскому шаху, что жемчуг "ведется у государя нашего на земле на Двине на Холмогорах и в Великом Новгороде в реках". В 1488 году Иван III послал в подарок венгерскому королю "соболь черный, ноготки у него окованы с жемчугом, 20 жемчужин новгородских на всех ногтях, а жемчуга не малы и хороши и чисты"¹.

Сам древний Новгород был центром различных ремесел. Уровень развития железоделательного производства, различных видов кожевенного, деревянного, текстильного, сапожного, ювелирного дела был не ниже, чем в Западной Европе.

Добывавшаяся на болотах руда перерабатывалась в примитивных домницах (металлургических печах, углубленных в землю) в кричное железо.

Б. А. Колчин выделил следующие специальности новгородских ремесленников, занимавшихся обработкой железа: кузнецы-универсалы, оружейники, щитники, шлемники, бронники, стрельники, замочники, гвоздочники, секирники-топорники, подковщики, серповники-

¹ Андреев В. Ф. Северный страж Руси... — С. 47.

косники, булавочники, уздники, кузнецы, изготавливавшие весы. В настоящее время раскопками выявлено уже 152 вида изделий из железа и стали, производившихся в Великом Новгороде¹.

Еще более разнообразным (до 205 видов) был ассортимент деревообделочников. Бытовые вещи: чаши, ложки, гребенки, прялки — под рукой резчика превращались в высокохудожественные произведения. Особенно красивы были резные прялки и наличники домов, детские игрушки, шахматы. Искусные мастера создавали музыкальные инструменты: щипковые — гусли, духовые — сопели (типа флейты), всевозможные свистки и рожки².

Распространена была в Новгороде и керамика, без которой нельзя обойтись в быту. Гончарные мастера изготавливали горшки, кувшины, блюда, чаши и украшали их орнаментом. Гончаров было так много, что один из районов Новгорода назывался Гончарным (Людиным) концом. Второе название — Людин — отражает, видимо, сословную принадлежность горожан, заселявших этот район: "людьми" или "людиками", в отличие от бояр и княжеской дружины, называли ремесленное население города³.

Ткачи в XI—XII веках работали на вертикальных ткацких станках, а с XIII века стали внедряться более производительные горизонтальные станки.

Широко распространена была в Новгороде кожаная обувь. Сапожники изготавливали поршни, туфли, сапоги. Новгородские щеголи красовались в сапожках на высоких каблуках, напоминающих современную модельную обувь.

¹ Колчин Б. А., Хорошеев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. — М., 1981. — С. 56.

² Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. — Харьков, 1957. — С. 136—137.

³ Костомаров Н. И. История Новгорода, Пскова и Вятки... — Т. 2. — С. 5.

Новгородские мастера владели сложнейшими приемами ювелирного дела. Для украшения своих изделий они использовали гравировку, эмаль, чернь, золочение.

Порой имена ремесленников попадали в летопись, а некоторые увековечены на дошедших до нас изделиях. Так, известны два великолепных серебряных сосуда, изготовленных, возможно, для посадников; на них есть надписи: "Братило делал", "Коста делал". Немецкий знаток ремесел Теофил из Падерборна (XI век), перечисляя в своей записке о различных искусствах страны, прославившиеся тем или иным художественным ремеслом, назвал на почетном месте Русь, мастера которой были известны за ее рубежами изделиями "из золота с эмалью и из серебра с чернью"¹.

Начало торговых связей Новгорода с западноевропейскими странами относится к X—XI векам. Ганза — торговый союз северогерманских городов — по существу монополизировала новгородский рынок. Велась торговля со скандинавскими странами: Данией, Швецией, Норвегией. В XII веке оживились торговые отношения Новгорода с островом Готландом, являвшимся центром балтийской торговли. На Готланде была построена русская церковь, а в Новгороде — "варяжская". Готландцы имели в северной русской столице свою факторию, называвшуюся "готским двором"².

Многие западноевропейские монархи и знатные особы носили шубы и шапки из ценных мехов: горностая, соболя, куницы. Но самым ходовым товаром были беличьи шкурки. Если ценные меха считались поштучно, иногда "сороками" (40 штук), то белки исчислялись сотнями, тысячами, бочками (в бочку входило до 12 тысяч шкурок). Известно, что один только немецкий

¹ Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории... — С. 319, 373.

² Костомаров Н. И. История Новгорода, Пскова и Вятки... — Т. 2. — С. 181.

купец Виттенбург продал в середине XIV века за три года 65 тысяч шкур (в основном беличьих), приобретенных в Новгороде. По подсчетам исследовательницы древней новгородской торговли А. Л. Хорошкевич, в XIV—XV веках из Новгорода на Запад ежегодно вывозилось более полумиллиона шкур.¹

С Запада в Новгород ввозили цветные металлы (медь, свинец, олово), различные дорогие ткани, особенно сукно, а также хлеб, соль, сельдь, вина, пряности.

Историки XIX—начала XX веков считали, что именно торговля была основой экономики Новгорода. Современные историки, не отрицая важности торговли, пришли к убеждению, что основной частью хозяйства было сельскохозяйственное производство наряду с развитым ремеслом.

В древнем Новгороде привилегированным социальным слоем было боярство — высший слой новгородских феодалов, не пополнявшийся выходцами из других социальных групп аристократической касты.

В русских письменных источниках XI—XIII веков словом "хрестьяне" или "крестьяне" называли людей, исповедовавших христианскую веру, в противоположность иноверцам. Берестяные грамоты и акты показывают, что в конце XIV—начале XV веков появляется второе значение слова: "сельское население", "землевладельцы". Это наименование быстро вытесняет другие ("селяне", "сироты" и т. д.) и становится, наряду со словом "люди", главным для обозначения лично свободных землевладельцев, живущих на земле феодалов. XIV столетие — решающий этап феодализации, характеризующийся бурным развитием земельных владений.

Писцовые книги свидетельствуют, что почти вся территория новгородских пятин была освоена феодалами.

¹ Андреев В. Ф. Северный страж Руси... — С. 62.

Они стали монополистами земельной собственности. Основными путями роста земельных владений были государственное пожалование и покупка земли у крестьян.

В конце XIV века, как сказано в одной из духовных грамот, Новгород пожаловал боярину Остафию Опаповичу и его отцу земли "на Вогжане". Эти земли находились на Севере, на реке Ваге, — притоке Северной Двины. Их стоимость выражалась огромной по тем временам суммой — примерно 500 рублей.

Второй путь также описан в источниках. В первой половине XIV века один из представителей семьи Мишиничей, боярин Лука Варфоломеевич, купил Тайбольскую землю у старосты Родиона и у всей братии. Примерно в то же время другой боярин, Василий Матвеевич, согласно сохранившейся рядной, купил у старосты Азики и "его братии" земли целого Шенкурского погоста на Ваге¹.

Помимо двух главных способов приобретения земли был и еще один — насильственный захват. В упоминавшейся выше рядной Василия Матвеевича есть сведения о том, что поначалу земли были им захвачены, и только угроза старосты Азики обратиться к княжескому суду заставила боярина заключить с крестьянами договор и купить у них земли².

Вопрос о происхождении новгородского боярства в настоящее время не вполне прояснен. Одни исследователи высказывали предположение, что боярами стали воины княжеской дружины, осевшие в Новгороде и влившиеся в местное общество. Другие полагают, что боярство образовалось из представителей местной родоплеменной знати.

¹ Андреев В. Ф. Северный страж Руси... — С. 83.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М—Л., 1949. — С. 279—280.

Поскольку новгородские крестьяне были лично свободными, они пользовались правом перехода из одной феодальной вотчины в другую. Имели они также возможность и осваивать новые территории.

Кроме бояр, к новгородским феодалам относились так называемые "житьи люди". Некоторые житьи владели не меньшим количеством земли, чем боярские семьи, участвовали в вече, входили в состав новгородских посольств. Но даже самый богатый из них не мог стать боярином, а значит быть избранным на высшие государственные должности.

Отдельную социальную группу составляло купечество. В договорах Новгорода с князьями купцы постоянно упоминаются наряду со смердами. Богатых купцов называли "гостями", они вели торговлю с другими городами и странами. Класс купечества в Новгороде пользовался значительным престижем и оказывал влияние на формирование правительственной политики. Новгородские купцы объединялись в сотни. "Богатые купцы, участвующие во внешней торговле, создавали свое собственное общество под названием "Иваново сто". Вступительный взнос в него доходил до пятидесяти гривен серебром плюс неопределенное количество полотна"¹. Верхний слой купечества имел тенденцию смешиваться с новгородскими боярами.²

Свободные ремесленники, владевшие собственными мастерскими, а также рыбаки именовались "молодчими" или "черными" людьми.

В Новгороде имелись также жители несвободного состояния — холопы или рабы. Холопы служили главным образом в городских усадьбах феодалов; были также

¹ Вернадский Г. В. Киевская Русь. — Тверь—Москва, 1996. — С. 133.

² Вернадский Г. В. Россия в средние века. — Тверь—Москва, 1997. — С. 14.

владычные, монастырские, житейские ("житъеи"), купеческие холопы. В Древней Руси мужчину-раба называли холопом, а женщину — рабою. Холоп сам на себя давал "одерноватую грамоту" или мог быть продан прежним господином. Число таких одерноватых людей увеличивалось тогда, когда Великий Новгород постигало народное бедствие: пожар или голод. Бедняки из-за куска хлеба отдавали себя в рабство или продавали своих детей¹. Следует заметить, что рабство в Новгороде, как и в целом по Руси, не получило большого развития.

Высшим органом власти в республике являлось вече. Среди историков распространены две основные точки зрения на структуру этого органа. Согласно первой из них в вече участвовали все свободные мужчины. Ученые, придерживающиеся второй точки зрения, считают, что новгородское вече — это собрание владельцев городских усадеб, которых, по мнению историков, было около пятисот.

На вече решались самые существенные вопросы внешней и внутренней политики республики. Вече занималось республиканским законодательством — на нем утверждалась новгородская Судная грамота.

Вечевые собрания были одновременно и высшей судебной инстанцией Новгорода: изменников и лиц, совершивших другие государственные преступления, судили и казнили на вече. Наконец, на этих собраниях происходили выборы республиканских должностных лиц: архиепископов, посадников, тысяцких. Вече принимало решения, основываясь на мнении подавляющего большинства присутствующих.

Новгород был федерацией пяти самоуправляющихся городских районов (концов): Славенского, Неревского,

¹ Костомаров Н. И. История Новгорода, Пскова и Вятки... — Т. 2. — С. 33.

Людина, Плотницкого и Загородского. Каждый из них имел свое собственное вече, своих старост, политическую организацию, церкви, монастыри, казну.

Новгородские концы состояли из улиц. Жители улиц, а, точнее, владельцы усадеб выбирали из своей среды двух старост, ведавших уличанскими делами¹.

Вот что говорится в жалованной грамоте новгородского веча Соловецкому монастырю, написанной в 1468 году. Соловецкие монахи "били челом" "господину преосвященному архиепископу Великому Новгороду и Пскова владыке Ионы, господину посаднику Великому Новгороду степенному Ивану Лукиничу и старым посадникам, господину тысяцкому Великому Новгороду степенному Труфиму Юрьевичу и старым тысяцким и боярам, и житым людям, и купцам, и черным людям, и всему Государю Великому Новгороду, всем пяти концем на вече на Ярославле дворе"².

Во главе концов стояли боярские группировки, традиционно выполнявшие функции политического руководства населением.

Бояре соперничали за обладание должностью посадника — главы новгородского правительства. Посадники постепенно сосредоточили в своих руках основные рычаги государственного управления.

Посадник (позднее — степенный посадник) председательствовал на вече, возглавлял, наряду с князем, новгородское войско. Степенный посадник — это действующий посадник, находящийся "на степени", то есть на службе, в отличие от "старых" посадников, сведенных со степени. Термин "посадник" более широкий, объединяющий обе группы посадников. С 1416 года количество посадников было увеличено втрое, а степенные посадники

¹ Костомаров Н. И. История Новгорода, Пскова и Вятки... — С. 5—11.

² Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. — М., 1991. — С. 252—253.

стали избираться на полгода. Данной проблеме посвятил свое специальное исследование академик В. Л. Янин¹.

Второй по значению после посадника была должность избирающегося на вече тысяцкого. Она возникла в связи с объединением жителей Новгорода и его земель в сотни. Пришлое население, не входившее в кончанские организации, образовывало сотни. Князь назначал для управления сотнями тысяцкого. В документах XII—XIII веков новгородский тысяцкий фигурирует в качестве представителя "черных" людей, то есть населения сотен, низшего слоя жителей Новгорода. Функции новгородского "сената" выполнял совет господ, который собирался на Владычном дворе под председательством архиепископа. Входили в него посадники (действующие и старые), тысяцкие, кончанские старосты.

Во главе новгородской церкви стоял архиепископ (до 1165 года — епископ). Другие русские епархии управлялись епископами. Владыка не только возглавлял церковь, но являлся и полуофициальным главой новгородского государства.² Новгород отличался от всех других епархий русской православной церкви, куда архиереи назначались митрополитами. Новгородский владыка избирался на вече и лишь утверждался в Киеве (позднее — во Владимире и Москве).

Авторитет епископов среди новгородцев был чрезвычайно высок. Имя владыки помещалось в грамотах первым, раньше имен посадника и тысяцкого. В XIV—XV веках архиерейская кафедра была крупнейшим землевладельцем Новгородской земли. Ей принадлежали 106 владений во всех новгородских пятинах.

Владычные наместники в разное время управляли Двинской землей. В XII—XIII вв. в Новгороде и его окрестностях было основано 17 мужских и женских монастырей.

¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. — М., 1962.

² Платонов С. Ф. Учебник русской истории... — С. 67—68.

Богатейшая казна новгородских владык, именовавшаяся Софийской (она хранилась на хорах Софийского собора), не раз использовалась для общегосударственных нужд.

Земельные богатства новгородских монастырей увеличивались за счет вкладов "дарения" и "по душе". (За крупный вклад можно было удостоиться ежедневного поминания, за меньший — только по праздникам). Вклад "для пострижения" представлял собой плату за содержание новгородца в монастыре, он мог быть земельным и денежным.

По свидетельству иностранцев, первое место между городами Московского государства после столицы в XVI веке принадлежало Великому Новгороду. Вот как описывает его француз Ланнуа: "Город необыкновенно обширен, расположен на прекрасной равнине, окруженной лесами; но огорожен он плохими стенами, состоящими из плетней и земли, хотя башни на них каменные; на берегу протекающей среди города реки расположена крепость, в которой находится главная в городе церковь св. Софии; здесь живет епископ города". Немец Одерборн говорит о прошлом величии северной столицы, когда "одно имя этого города приводило в страх соседей", и отмечает, что новгородская поговорка "кто против Бога и Великого Новгорода" очень часто повторялась саксонцами¹. Итальянец А. Кампанезе назвал Новгород "знаменитейшим и богатейшим из всех северных городов, даже более обширным, чем Рим"². Английский посол Д. Флетчер сравнивал два крупнейших российских города с Лондоном: "...теперь Москва немного более Лондона, ближайший к ней город по величине и почти столько же обширный есть Новгород"³.

¹ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1991. — С. 182.

² Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994. — С. 28.

³ Флетчер Д. О государстве Русском. — СПб., 1906. — С. 22—23.

Тесную связь богатейших новгородских монастырей с правящей верхушкой республики хорошо понимал великий князь Иван III. После присоединения Новгорода к Москве он не только конфисковал земли ненавистных ему бояр, но и потребовал, чтобы ему передали половину монастырских владений, а также ряд волостей, принадлежавших архиепископу¹.

Захватнические устремления шведских феодалов не ограничивались покорением Финляндии и Карелии. Воспользовавшись тяжелым положением, в которой находилась Русь в результате татаро-монгольского нашествия, шведы попытались овладеть жизненно важной для торговли Новгорода территорией — устьем реки Невы. 15 июня 1240 года князь Александр Ярославович одержал победу в Невской битве и вошел в историю под именем Александра Невского².

5 апреля 1242 года на льду Чудского озера состоялось сражение с войсками Ливонского ордена. В ожесточенной битве было нанесено сокрушительное поражение крестоносцам, а Ледовое побоище принесло славу Александру Невскому и русскому оружию.

Слово "ушкуйник" в новгородских источниках почти не встречается. Так жители Поволжья называли новгородцев, отправляющихся за добычей на легких гребных судах-ушкунях. В Новгороде всегда довольно было "охочих" людей, которые не прочь были попытать счастья и разбогатеть за счет лихих набегов.

Для московских летописцев слова "ушкуйник" и "разбойник" были равнозначными. Основным занятием ушкуйников был грабеж купеческих караванов и прибрежных городов.

¹ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода... — С. 30.

² Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XIII вв. — Л., 1978. — С. 245.

Объединительная политика московских князей была выражением прогрессивной исторической тенденции к образованию единого Русского государства. Только сильное единое государство могло сбросить татаро-монгольское иго. В битве на поле Куликовом Москва завоевала высокий авторитет.

В XIV веке Москва становится центром русского православия, здесь располагалась резиденция митрополита всея Руси.

Соперницей Москвы в объединении русских земель была Литва. Воспользовавшись тяжелыми последствиями татаро-монгольского нашествия, раздробленностью феодальной Руси, литовские князья Гедимин, Ольгерд и Витовт включили в состав своих владений многие западные и южные русские княжества: Киевское, Волынское, Витебское, Полоцкое, Минское, Смоленское и другие. Русское население в этом государстве было преобладающим, поэтому следует его называть Литовско-Русским княжеством. Большинство государственных документов до конца XVI века составлялись там на русском (или, точнее, старославянском) языке.

В 1385 году было положено начало государственному объединению Литвы и соседней Польши. Великий литовский князь Ягайло стал одновременно и польским королем. Через два года литовское население официально приняло католичество.

И Москва, и Литва старались подчинить себе Новгород, который оказался между двух огней.

На рубеже XIV и XV столетий Новгород конфликтовал с Москвой из-за одной из самых богатых новгородских волостей, Двинской земли. В 1397 году жители Двинской земли подняли восстание против Новгорода, дав присягу на верность московскому князю Василию Дмитриевичу. Новгородцы в ответ на это собрали большое ополчение и поклялись: "Лучше, братие,

нам озомрети за святую Софию, нежели в обиде быти от своего князя великого!". Поход 1398 года был стремительным и успешным. Сначала новгородцы поплы на Устюг, чтобы лишить мятежных двинян помощи с юга. Затем осадили главный укрепленный пункт Двинской земли — городок Орлец (неподалеку от Холмогор). Около месяца продолжалась осада, и Орлец пал. После этого новгородцы сурово покарали сторонников Москвы. Руководители восстания были приведены в Новгород и там казнены¹.

В 1401 и 1417 годах произошли новые столкновения, однако новгородцам удалось сохранить свои северные владения. Но борьба Новгорода с Москвой за Двину на этом не закончилась.

Когда в 1462 году на московский великокняжеский престол вступил сын Василия Васильевича Темного Иван III, Новгород уже не обладал столь грозной военной силой, как прежде. Вместо веры в доблесть и силу новгородского войска появилась вера во всемогущество новгородского серебра. С помощью денег новгородцы откупались от вторжений неприятеля.

На политической сцене появилась литовская партия во главе с Марфой Борецкой, или Марфой Посадницей. На памятнике Тысячелетию России в Новгороде скульптор изобразил Марфу, оплакивающую разбитый вечевой колокол. Такая трактовка вызывает сомнение. Борецкая управляла Новгородом руками своих сыновей в период упадка вечевого строя, когда совет господ уже руководил республикой самовластно, почти не прибегая к созыву вечевых собраний. Боязнь потерять политическую власть и богатство привела к прямому предательству общерусских интересов, к соглашению с Литвой и даже к попытке союза с заклятым врагом Руси — Ливонским орденом.

¹ Андреев В. Ф. Северный страж Руси... — С. 149.

Марфа Борецкая — одна из очень немногих женщин средневековой Руси, о которой подробно рассказывают летописи. Она сумела стать видной политической деятельницей Новгородской республики, где на протяжении всей истории государственные дела были привилегией мужчин. Прозвище Посадница означает лишь то, что она была вдовой новгородского посадника. Происходила она, по некоторым данным, из новгородских бояр семьи Лошинских. Родилась Марфа, скорее всего, в первой четверти XV века, поскольку в 1478 году у нее уже был взрослый внук. Мужем Марфы был Исаак Андреевич Борецкий, новгородский степенный посадник 1430—1450 годов. У Борецкой было два сына: старший — Дмитрий и младший — Федор¹. Двор Борецких стоял на левом берегу Волхова, в Неревском конце города, неподалеку от детинца. Сюда стекались громадные доходы с многочисленных вотчин боярской семьи, расположенных в различных районах Новгородской земли, вплоть до побережья Белого моря. Тысячи сел, соляные варницы, другие промысловые угодья имелись в составе владений Борецких, которые являлись одной из богатейших (если не самой богатой) семей новгородской аристократии. Огромные богатства Борецких были основой их политического могущества. В 1460-х годах, после смерти Исаака Андреевича, посадником становится его сын Дмитрий Исакович. Марфа, оставшись вдовой, имела немалую власть над детьми. Дом Марфы Борецкой стал главным штабом, а его хозяйка — душой литовской партии: Марфа принимала гостей, настраивала их соответствующим образом, давала пиры для участников своей группировки. На одном из таких пиров побывал основатель Соловецкого монастыря Зосима. Подробности его пре-

¹ Заринский М. Борецкие // Архангельские губернские ведомости. — 1884. — № 27. — 4 апр.

бывания в Новгороде мы узнаем из его жития. Одной из причин поездки будущего святого в столицу были притеснения, чинимые монастырю слугами Борецких, владения которых находились в непосредственной близости от монастыря. Однако высокомерная Марфа отказалась разговаривать с Зосимой, приказав холопам гнать его со двора. Позднее, узнав об иноческих подвигах Зосимы, она одумалась и пригласила его на пир. Согласно житийной легенде, преподобный просидел весь пир молча, отказался от еды и даже заплакал, ибо привиделось ему ужасное: некоторые из сидевших за столом бояр были... без голов. Это оказались те, кого позднее казнил Иван III.

Великий князь Иван III, получив известие о договоре Новгорода с Казимиром IV, понял, что настал удобный момент для решительных действий.

В июле 1471 года был предпринят поход в Новгород. Главная битва произошла на Шелони 14 июля. Победа Москвы была полной. Сын Марфы Борецкой посадник Дмитрий был захвачен в плен и казнен. Летопись сообщает: "Посадников приводили к великому князю, он же разъярявая за их измену и повеле казнити их: кнутьем бити и главы отсеци".

По обычаю, существовавшему в средневековой Руси, Марфа вместе с младшим сыном Федором составила так называемую "данную" грамоту. По ней Борецкие передали Соловецкому монастырю два участка земли на побережье Белого моря; в ответ монахи должны были молиться за упокой души Дмитрия Исаковича.² Речь идет о двух грамотах. Одной подлинной (1471—1475 гг.), на участок земли на реке Суме, и одной

¹ Там же. — 1884. — № 35. — 2 мая.

² Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв... — С. 257—259, 357—358.

фальсифицированной, сфабрикованной, видимо, в Соловецком монастыре уже после присоединения Новгорода к Москве и сохранившейся в списке XVII века¹.

Согласно договору с Москвой, основные права и вольности Новгорода остались без изменений. Новгород обязался выплатить великому князю самую значительную за всю историю контрибуцию — 16 тысяч рублей.

Летом 1471 года новгородцы были разбиты не только на Шелони, но и на далекой Двине. В результате они вынуждены были уступить Ивану III ряд территорий, располагавшихся по правому притоку Северной Двины, реке Пинеге и по реке Мезени.

В период недолгой четырехлетней автономии Новгорода под властью Ивана III литовская партия продолжила свои закулисные антимосковские политические интриги, что вызвало новый карательный поход московских войск на Новгород.

В 1475 году Иван III снова прибыл в Новгород и начал творить "суд и расправу" над своими политическими противниками. По приказу Ивана III четверо из обвиняемых бояр были арестованы и в кандалах отправлены в Москву. Среди осужденных оказался и сын Марфы Борецкой Федор Исакович. В 1477 году Иван III предпринял новый военный поход. Новгород был осажден, и великий князь выдвинул требования: "...вечю колоколу в отчизне нашей в Новгороде не бити, посаднику не быти, а государство нам свое держати". Царь потребовал вернуть ему Ярославов двор, где долгое время собиралось вече. 15 января 1478 года московский боярин Патрикеев въехал в Новгород и привел к присяге царю его жителей. Вече в городе больше не созывалось. Наиболее важные документы из архива Новгорода, а также вечевой колокол были увезены в Москву, выборные

¹ Там же. — С. 257—258, 357—358.

должности, вечевые порядки, древний суд упразднены. Новгородская республика пала¹. И хотя в 1478 году, уже после присяги Ивану III, была принята грамота новгородского веча "великих князей московских не слушати и под суд к ним и к их боярам не ездити, а судить себя самим", вернуть себе свободу новгородцам не удалось.

Существует предание о том, что известный литейный мастер Моторин перелил из новгородского вечевого колокола новый большой колокол, одна из надписей на котором гласит: "лета 7189 года марта в 1 день по имянному Великого Государя и Великого Князя Федора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца указу, дан сей колокол к морю (Белому — В. Б.) в Николаевский Корельский монастырь за Государских родителей в вечное поминование не отъемлемо, при игумене Арсении".² Что ж, если эта легенда правдива, то малая толика новгородских республиканских порядков, хотя бы на уровне символики, была унаследована Двинской землей.

Царь Иван III вскоре потребовал восстановления в Новгороде княжеских земельных владений. Новгородские посадники, давно помышлявшие об отчуждении церковных сел, тотчас предложили ему произвести раздел земельных владений духовенства. Поначалу монарх потребовал себе половину всех церковных земель в Новгороде, но, когда новгородские бояре принесли ему списки подлежащих отчуждению волостей, государь смиростивился: "у владыки половину волостей не взял, а взял десять волостей". Крупнейшие новгородские монастыри лишились половины своих сел.

¹ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода... — С. 15.

² Заринский М. Борецкие // Архангельские губернские ведомости. — 1884. — № 35. — 2 мая.

В 1480 году архиепископ Феофил был под стражей увезен в Москву. Расправа с владыкой ускорила разрушение традиционных порядков в Новгороде.¹

Дошла очередь и до новгородских землевладельцев.

В 1484 году были конфискованы земли крупнейших новгородских бояр, а их самих переселили из Новгорода в Подмосковьё и поволжские города. В 1487—1489 годах из Новгорода выселили более семи тысяч других феодалов и богатых купцов. Так царь Иван III расправился с верхушкой новгородской знати. Многие бояре исчезли из Новгорода, или, по московскому выражению, "извелися".²

¹ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода... — С. 30.

² Костомаров Н. И. История Новгорода, Пскова и Вятки... — Т. 2. — С. 181.

ЗАВОЛОЧЬЕ

ПРОЦЕССЕ освоения русскими Заволочья особая и самостоятельная роль принадлежит Ладоге.¹ Доктор исторических наук Р. Г. Скрынников считает, что "Киев был намного моложе таких городов, как Ладога в Северной Руси, которая существовала уже в VIII веке".² В 1020 году

¹ Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. — М., 1951. — С. 69, 70, 79, 80, 93, 113, 115.

² Скрынников Р. Г. История Российская IX—XVII вв. — М., 1997. — С. 34.

условием брака между киевским князем Ярославом и Ингегерд был договор, по которому Ярослав отдавал в управление двоюродному брату жены ярлу (наместнику конунга) Рогнвальду Ладогу и "то ярлство, которое к нему принадлежит", то есть те земли, которые традиционно управлялись из Ладоги.¹ С этого времени Ладога официально становится "северными воротами", через которые на Русь и из Руси, с обязательной остановкой здесь, проезжали "высокие гости" — послы, купцы, наемные дружины.²

Историк А. Н. Насонов убедительно доказал, что приведенные в "Повести временных лет" под 1114 годом рассказы старых ладожан об их дальних походах на северо-восток относятся на самом деле к XI веку, ко временам княжения Ярослава Мудрого.³ Т. А. Бернштам дополняет его доказательство еще одним соображением: "Летопись рассказывает о походе новгородца Гюряты Роговича в 1096 году "в Печору" и "в Югру" (то есть в таежную зону); старые ладожане говорят о походах "за Югру" и "за Самоядь" (рассказ о белках и оленях), то есть к морскому побережью, которое только и могло находиться за таежной Югрой с белками и тундровой Самоядью с оленями. Глядя на этнокарту того времени, естественнее всего полагать, что их путь в конце пролегал по Мезени к горлу Белого моря (или рядом)".⁴ А вот что пишет крупнейший специалист по истории Древней Руси академик Б. А. Рыбаков: "Если мы взглянем на карту побережья Ледовитого океана, то без труда определим места, о которых летописец беседовал с Гюрятой — высокие горы подступают к "луке моря" только в

¹ Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. — 1945. — Вып. XI. — С. 58—63.

² Бернштам Т. А. Поморы... — С. 22.

³ Насонов А. Н. "Русская земля"... — С. 80.

⁴ Бернштам Т. А. Поморы... — С. 24.

одном месте, у пролива Югорский Шар, и поблизости — у мыса Русский Заворот, где отрог Урала — хребет Пай-Хой подходит к берегу залива. Земля, расположенная прямо на "полунощи" от этого русско-югорского комплекса географических названий, — это Новая Земля. Так благодаря древним новгородцам мы узнали о том, что далеко за полярным кругом, на Новой Земле, в конце XI века еще сохранялся неолитический облик хозяйства и именно новгородцы познакомили эти далекие племена с новой культурой."¹

В IX—XI веках начинается великое движение новгородских ушкуйников на Север. Их путь по рекам Волхову и Свири лежал к Онежскому озеру. Далее на север и восток вело несколько путей. Первый и, по-видимому, основной до середины XVI века проходил рекою Водлою, которая впадает в Кенозеро, и далее рекою Кеной на Онегу.

Второй путь на Онегу шел по реке Вытегре, впадающей в Онежское озеро, затем ушкуйники шли волоком на озеро Лаче и оттуда к Каргополю и на Онегу.² Кроме этих главных дорог позднее были освоены пути, ведущие прямо к Белому морю. Один из них — по берегам Онежского озера, дальше волоком к Маткозеру и через Выгозеро. Другой путь шел через Корелу по берегу Ладожского озера, затем по земле "дикой лопи" к западному берегу Белого моря.³

Исследователь Л. А. Плечко уточняет названные маршруты, а также приводит и другие пути новгородцев к Белому и Печорскому (Карскому) морям. Он считает,

¹ Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории... — С. 314—315.

² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. — М., 1962. — С. 44.

³ Платонов С. Ф. Новгородская колонизация Севера: Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. — Пг., 1922. — С. 27.

что первопроходцы попадали по реке Шексне в Белое озеро, затем по реке Ухтомке в озеро Волоцкое, далее — волоком к озеру Долгому, из него по реке Модлоне в озеро Польшемское, затем через реку Ухтомку, озеро Воже, реку Свирь, озеро Лаче они достигали реки Онеги и по ней — Белого моря.

Другие отряды ушкуйников шли из Белого озера по реке Ковже, затем волоком до реки Вытегры, далее через озеро Онежское, реки Водлу и Череву и волок — до озера Волоцкого, по рекам Волошеву и Поче попадали в Кенозеро, далее по реке Кене — в Онегу и Белое море.

Третий путь русских промышленников пролегал по рекам Волге, Шексне, Славянке, Никольскому озеру, волоком в озеро Благовещенское, далее по реке Порозовице, озеру Кубенскому, реке Сухоне в Северную Двину и Белое море.¹ Ученые придерживаются различных мнений о путях миграции древних ладожан и новгородцев на Север, но бесспорно одно: каждый из путей был привязан к воде: рекам, озерам, ручьям. Часто русским первопроходцам приходилось перетаскивать, волочить свои суда через водоразделы (волоки), пробираться лесными дебрями и болотами.

Очевидно и другое: система водных путей нарушила вековую замкнутость Севера, прочно связала его с Новгородом, а затем и с другими центрами Русского государства. Реки также служили главными торговыми путями. В течение многих столетий водные дороги и волоки использовали охотники-промысловики и крестьяне-земледельцы, купцы и бояре.

С какого времени началось освоение северных территорий? Николай Михайлович Карамзин считает, что

¹ Плечко Л. А. Старинные водные пути // Физкультура и спорт. — 1985. — С. 6.

"...в княжение Владимира или Ярослава сия земля от Белоозера до реки Печоры была названа Заволочьем и мало по малу населена выходцами новгородскими, которые принесли туда и веру христианскую".¹

Новгородцы обычно во вновь осваиваемом районе ставили крест, и это было первым шагом к закреплению территории и началу ее освоения. Второй шаг — "бережение" креста как памятного места — мог сопровождаться построением закрытого деревянного здания с оградой и беседкой (по определению Ю. Критского, "здание часовенного типа"); затем с началом богослужения (кроме литургии) возникает часовня.²

Профессор Поморского университета Н. М. Теребихин отмечает языческий аспект культа часовен на Русском Севере, который прослеживается и в мотивации их возведения. Составители сборника Холмогорской и Устюжской епархий на основе анализа переписных книг пришли к выводу, что "больше всего было выстроено часовен во имя Николая Чудотворца, великомучеников Георгия, Флора и Лавра, Власия и Ильи Пророка". При этом число "никольских" часовен в 2 — 3 раза превышает количество "флоровских", "георгиевских", "ильинских" и "власьевских". В то же время среди часовенных праздников особо выделяются Ильин день и Егорьев день. В целом же священный имяслов часовен почти полностью соответствует пантеону народных святых Северной Руси.³

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского... Кн. первая: — Т. 2. — С. 24.

² Критский Ю. М. Значение часовен в освоении Соловецких островов. XV—XX вв. // Культура и политика в современном мире: Тезисы докладов II Соловецкого общественно-политического форума. 9—13 сентября 1990 г. — Архангельск — Соловки, 1990. — С. 102.

³ Теребихин Н. М. Семиотика пространства культуры народов Европейского Севера: Диссертация в виде науч. докл. на соиск. уч. степ. доктора философ. наук. — СПб., 1995. — С. 21.

Потомки новгородцев и ладожан с большой любовью относились к этим сооружениям, ласково называя их "часовенки", "часовнушки". В их строительство вкладывались не только мастерство, но и душа северян, о чем наглядно свидетельствуют часовни, представленные в музее деревянного зодчества в Малых Карелах под Архангельском.

Обратимся к названию *Заволочье*, которое нам придется часто упоминать. Этимология слова не вызывает сомнений: *Заволочье* — это земли, расположенные "за волоком". По мнению Н. П. Барсова, "волоком обозначался преимущественно лесистый водораздел между северными притоками Волги... с одной стороны и Озерной областью... и Беломорским бассейном с другой".¹ Теперь попробуем обозначить территориальные границы легендарного *Заволочья*. Профессор истории Н. П. Барсов считал, что "бассейны Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры еще в XI веке носили название *Заволочье*".²

Историк В. О. Ключевский в территорию *Заволочья* включал только бассейны рек Онеги и Северной Двины.³ Известные специалисты по истории Русского Севера М. М. Богословский и А. Н. Насонов стали считать *Заволочьем* только земли, расположенные в бассейне Северной Двины и ее притоков.⁴

Историк П. Н. Милюков в своей фундаментальной работе "Очерки по истории русской культуры" пишет о том, что "само понятие "*Заволочье*"... постепенно

¹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. — Варшава, 1885. — С. 17.

² Там же. — С. 219—220.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории... — Т. 2. — С. 57.

⁴ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.: — Т. 1. — С. 4—5; Насонов А. Н. "Русская земля"... — С. 101.

отодвигалось вслед за походами новгородских "ватаг". Сперва, к середине XI века, так называлась страна за ближайшим "волоком" озерного бассейна; потом — с половины XII века, когда новгородцы стали твердой ногой на правом берегу Северной Двины, — это было "Задвинье". Наконец, к середине XIII века название перешло к Печорскому краю, где упрочилась власть новгородцев над местными инородцами".¹

Свое мнение по данной проблеме высказал известный исследователь истории Севера С. Огородников: "Как простой географический термин, само название Заволочья имеет в разные периоды различное по пространству географическое значение; может быть, не ошибочно будет думать и так, что понятие новгородцев о протяжении Заволочья изменялось и расширялось по мере того, как они с разных сторон проникали в эту страну".² В то же время многие российские историки игнорировали тот факт, что Заволочье — не просто какая-то северная земля, а территориально-административная единица Великого Новгорода. Не будем утомлять читателя разбором мнений историков и краеведов относительно размеров и границ Заволочья. Подведем итог, ссылаясь на авторитетное мнение историка Ю. С. Васильева, который провел специальное исследование на эту тему. В XI—XIII веках термин "Заволочье" обозначал Новгородскую волость по реке Ваге. В этот период племена *весь* и *емь*, жившие в Заволочье, новгородцы называли заволочской чюдью, в отличие от *веси*, жившей в Озерной области.

В XIII—XIV веках название "Заволочье" распространяется и на Нижнее Подвинье, именуемое зачастую Двиной или Двинской землей. В XIV—XV веках

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. — М., 1993. — Т. 1. — С. 447.

² Огородников С. Прибрежье Ледовитого и Белого морей... — Т. 7. — С. 57—58.

термины "Заволочье" и "Двина" нередко заменяют друг друга, обозначая Двинскую и Важскую земли вместе.

С присоединением Великого Новгорода и его владений к Москве понятие "Заволочье" становится еще более широким, обозначая Поонежье, Двину с Вагой и земли к востоку от Двины до Печоры.

Название "Заволочье" бытует до XVI века, уступая постепенно более широкому понятию "Поморье", а наименования "Двина" и "Вага" в XVI веке преобразуются в названия уездов.¹

Что же влекло русских на Север? Прежде всего "мягкая рухлядь" — драгоценная пушнина, на которую был большой спрос как среди феодальной знати, так и среди заморских купцов. Меха соболей, песцов, бобров, куниц, белок шли нарасхват. Особым спросом пользовались и "рыбий зуб" (моржовые клыки), сало морских зверей, ценные породы рыб.

Ученые единодушны во мнении, что главная роль в освоении Заволочья принадлежит новгородцам. Это традиционная точка зрения, нашедшая отражение в работах первых отечественных историков и получившая развитие в дальнейшем. Стало уже хрестоматийным выделение трех этапов колонизации² Севера: княжеской (боярской), народной (крестьянской) и монастырской, которым предшествовали набеги ушкуйников. В XX веке специалисты, занимающиеся историей Русского Севера, внесли суще-

¹ Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии "Заволочье" // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. — Л., 1971. — С. 103 — 105.

² Термин "колонизация" в документах и исторической литературе употребляется в значении "заселение", "освоение". Этим термином определяют разные явления: расширение этнической территории, иногда — распространение государственной власти на вновь захваченные земли, наконец, заселение пустующих, никем не занятых земель.

ственные коррективы в эти сложившиеся представления. Историк А. П. Щапов считал, что в процессе движения славян на Русский Север преобладала народная колонизация.¹ Специалист по истории монастырей А. А. Савич также полагал, что значение крестьянского колонизационного потока было все-таки приоритетным по сравнению с монастырским.²

Не оспаривая выдающейся роли, которую сыграл Великий Новгород в освоении Севера, в процессе складывания севернорусского населения и его культуры, доктор исторических наук Т. А. Бернштам справедливо настаивает на рассмотрении двух факторов, важных для уточнения представлений о процессе заселения Русского Севера. Первый фактор — особая роль Ладоги и примыкающей к ней области в освоении отдельных северных районов, в том числе побережья Белого моря. Второй — значительная роль русского и иноязычного населения верхневолжских земель в колонизации бассейна Северной Двины (а, возможно, и других районов) в период с XII до середины XIV веков.³

Продвижение на Север переселенцев из верхневолжских княжеств (Ростово-Суздальского, а позднее — Владимиро-Суздальского) получило в исторической науке название "низовской колонизации". Профессор С. А. Токарев признает равную роль новгородской и "низовской" колонизаций в освоении Русского Севера с XII века.⁴ Эту точку зрения разделяют и другие

¹ Щапов А. П. Неизданные сочинения // Известия общества археологии и этнографии при Казанском университете. — Казань, 1926. — Т. 33. — Вып. 2. — С. 12.

² Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв.: Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на Крайнем Русском Севере и Древней Руси. — Пермь, 1927. — С. 29.

³ Бернштам Т. А. Поморы... — С. 24, 26—31.

⁴ Токарев С. А. Этнография народов СССР. — М., 1952. — С. 31.

ученые. Языковед Б. А. Серебренников пишет: "Основной путь проникновения на Север шел из Средней Руси. Южнорусские степи всегда служили ареной передвижения значительных масс населения, которые время от времени теснили население средней части России, заставляя его частично или полностью продвигаться к Северу. Так называемое "давление степи" было всегда постоянно действующим фактором".¹ Можно поспорить насчет "основного пути проникновения на Север", но умалять значение Ростово-Суздальского княжества в формировании русского населения на обширной территории Севера не следует. С середины XII века в летописях появляются первые сведения о действиях ростово-суздальских князей в Заволочье. Эти действия напрямую связаны с экспансией новгородцев в северном крае. В 1149 году суздальцы хотели перехватить новгородских данников и бились с ними.² Хождение в 1166 году "за Волок" князя Мстислава, сына Андрея Боголюбского, вызвало отказ двинян платить Новгороду дань. Реакция была мгновенной: на Двину из Новгорода был послан Даньслав Лазутинич с дружиной, суздальская рать пытается преградить ему дорогу, но в конце концов новгородцы попадают в Заволочье и берут дань с суздальских смердов, после чего князь Андрей посылает войско на Новгород и осаждает его. Эти события убедительно доказывают, что как новгородцев, так и суздальцев в равной мере волновали дела в Заволочье.³

¹ Серебренников Б. А. Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев северорусской гидронимии? // Вопросы языкознания. — 1970. — № 1. — С. 45.

² ПСРЛ. — Т. 1. — С. 151.

³ Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. — Л., 1973. — С. 13—14; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М—Л., 1959. — С. 231—232.

Несомненно, новый этап в дальнейшем продвижении на Север, в Заволочье, князей Волго-Окского междуречья начался с возникновением и укреплением на Двине Великого Устюга (XIII в.). Летопись Великоустюжская начинается такими словами: "В древние времена град Устюг Великий, по достоверному историческому летописцев повествованию, имел свое основание и местоположение на горе, которая и до ныне нарицается Гледен... А граждане нарицались устюжане для того, что они жительство свое имели при устье реки Юга."¹ С самого момента возникновения Великий Устюг теснейшим образом был связан с Ростовом, даже после разделения епархии в 1216 году на Ростовскую и Владимиро-Суздальскую Устюг остается в составе Ростовской епархии.²

В то же время Устюг был довольно независимым центром, опиравшимся, по-видимому, на сочувствие и поддержку каких-то групп северного населения, явно враждебных Новгороду. В 1322 году "устюжане заратились с новгородцами и избили новгородцев, ходивших на Югру". Этот факт говорит о том, что Великий Устюг имел свои интересы в Заволочье и противился даннической политике новгородцев.³

Особенно активизировалась "низовская" колонизация Заволочья в XIII веке, в связи с нашествием на Русь полчищ Батыя. Точное наблюдение сделал историк М. К. Любавский: "Вероятно, уже после первого погрома часть населения, попрятавшаяся в лесах, не пожелала вернуться на старые пепелища и предпочла уйти от татар — на запад и север, в более лесистые и пустынные

¹ Титов А. А. Летопись Великоустюжская. — М., 1888. — С. 1.

² ПСРЛ. — Т. 1. — С. 185; Т. 7. — С. 119.

³ Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера... — С. 14—15.

области".¹ В это же время усиливается влияние в Заволочье ростовских князей. К началу XV века многие из них оказались владельцами большого количества земель на реке Ваге и ее притоках, на реках Северной Двине, Емце, Мехренге. Так на дальнем Севере создавались "Ростовщина", "Ростовские межи", которые в дальнейшем способствовали усилению московского влияния и власти.²

Подробное сравнительное изучение топонимии Русского Севера помогает разобраться в этническом составе населения, со временем ставшего северорусским. Очень любопытные данные получены при сравнении письменных источников с результатами исследований, проведенных на Русском Севере антропологами и лингвистами. Так, исследователь М. В. Витов на базе собранного им огромного антропологического материала выделил на территории Русского Севера три главных антропологических типа: ильменско-беломорский, верхововолжский и онежский.³

Два из них связаны с различными потоками русской колонизации XII—XVII веков, а один восходит к до-русскому населению Севера.⁴

Подтверждают характер населения Русского Севера и данные диалектологии. Архангельские специалисты В. Я. Дерягин и Л. П. Комягина в обстоятельной

¹ Любавский М. К. Возвышение Москвы. — СПб., 1869. — Ч. 1. — С. 69.

² Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. — Пг., 1923. — С. 26—27.

³ Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. — 1964. — № 6. — С. 96—97.

⁴ Витов М. В. Русские Севера в этническом отношении // Тезисы докладов и сообщений к научной конференции в г. Архангельске "Памятники культуры Русского Севера". — М., 1966. — С. 59.

статье отмечают, что "границы распространения ильменско-беломорского антропологического типа в основном совпадают с границами распространения "онежских" слов. Верхневолжский антропологический тип заходит в пределы территории Архангельской области с юга по Двине и Ваге до Емецка и Пинеги, и это соответствует нашим "двинско-важским" изоглоссам. Распространение былинной традиции в западной и восточной частях территории современной Архангельской области и отсутствие каких-либо ощутимых следов ее еще в XIX веке на Ваге и Двине также может служить доказательством исконной неоднородности русского населения области".¹

Интересные результаты дают наблюдения над географией отдельных слов. В Заволочье широко известен термин "шелоник" — так называют юго-западный ветер. Крестьяне и рыбаки, живущие на берегах Белого моря или на Мезени, давно забыли происхождение этого диалектного слова. Исторически этот термин легко объясним: он мог возникнуть только в Новгороде, река Шелонь впадает в Ильмень как раз с юго-западной стороны. На этот чрезвычайно важный для изучения истории колонизации распознавательный признак впервые обратил внимание известный русский этнограф Д. К. Зеленин.²

Новгородцы очень дорожили своей вотчиной — Заволочьем. В договоре 1264 года с великим князем Ярославом Ярославичем они твердо заявили: "А се волости новгородьские: ...Вологда, Заволочье, Колопечерь, Тре, Перечь, Югра, Печера". Великий князь обязался не собирать дани с Заволочья, не посылать

¹ Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории диалектных границ в Северной России // Вопросы языкознания. — 1968. — № 6. — С. 111.

² Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера... — С. 97.

туда своих людей, не владеть здесь какими-либо землями.¹

Великий Новгород не разрешал князьям владеть землями в Заволочье и с 1130 года платил им особую дань, известную как "Печорская дань".

Заволочье вошло в состав Новгородской республики не добровольно, а скорее как завоеванная страна, поэтому его население не упускало удобного случая, чтобы попытаться избежать зависимости от метрополии. На это имелось немало причин. Во-первых, Великий Новгород был посредником в торговле между Европой и Русью. Главными товарами, приносящими новгородцам основные доходы, были меха, рыба ценных пород, сало и шкуры морских зверей, "рыбий зуб", то есть продукты промыслов Заволочья. Что же касается дележа выручки, полученной от продажи товаров, то метрополия, мягко говоря, не всегда учитывала интересы своих подданных, а, точнее, попросту грабила их. В то же время, когда Великому Новгороду необходимо было платить за какие-либо свои действия, то он не спешил широко открывать кошелек, а всегда пытался свалить основные расходы на свою "златокипящую" вотчину. Вот несколько примеров, подтверждающих это.

В 1342 году Лука, сын посадника Варфоломея, совершил поход с дружиной в Двинскую землю. Вначале дела у Луки шли неплохо: он основал небольшой городок Орлец, куда с помощью своих союзников емчан свозил большую добычу с захваченных им погостов. Но воинское счастье изменило ему. Отправив один отряд со своим сыном Онцифором в Важскую землю, он с двумястами своими дружинниками выступил в новый поход и был убит заволочанами. Это событие вызвало большой резонанс в Великом Новгороде, где начались народные

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М—Л., 1949. — С. 9—10.

восстания. Активный участник этих событий Онцифор Лукинич впоследствии прославился как талантливый военачальник в битвах со шведами, а в 1351 году он был избран новгородским посадником.¹

А вот другой наглядный пример. В 1386 году князь Дмитрий Донской, негодуя на новгородцев за уклонение их от уплаты "черного бора" (дани) татарскому хану Тохтамышу и воспользовавшись нерасположением городов приволжского края к Новгороду за разбойные действия ушкуйников на Волге, решил "повоевать" северную столицу. Как всегда, новгородцы, взвесив свои силы, решили пойти на мировую. Сделка состоялась, Новгородская София выделила 3000 рублей, а 5000 рублей решили собрать с Заволочья. Разумеется, такая "сверхплановая" дань пришлась не по душе жителям северной колонии Новгорода.

Когда начала всходить звезда Москвы, Господин Великий Новгород ревниво отнесся к походам промысловиков, не признавал право московских князей пользоваться водным путем по Северной Двине на Мезень, Печору и Терский берег, где москвиты добывали "потки" (соколов и кречетов). В то же время Заволочье по ряду причин больше тяготело к Москве. Первая из этих причин имела политический характер. Коренные жители Заволочья вели постоянную борьбу за обладание Кольским полуостровом со своими соседями "мурманскими немцами" (норвежцами), часто нападавшими с северо-запада, а также с угро-финскими племенами (которые в русских летописях обобщенно названы "югрой"), угрожавшими с востока. Встречая в этой борьбе мало поддержки со стороны новгородской метрополии, заво-

¹ Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера: Люди, события, даты. — Архангельск, 1992. — С. 31—32.

лочане рассчитывали на более энергичную помощь Москвы. Вторая и наиболее важная причина этого тяготения — в экономических отношениях, связавших Заволочье с Москвой, с которой было установлено удобное сообщение по Двине и Сухоне и куда выгодно сбывались продукты промыслов. Кроме того, каждый из двух регионов мог обеспечить потребность другого в жизненно важных продуктах. Заволочье не могло прокормиться без привозного московского хлеба, а жители московских земель не могли обойтись без привозной поморской соли. Эти экономические нити, связавшие Москву с Севером, направляли политику московских великих князей, которые могли рассчитывать на сочувствие население Заволочья.¹

В 1397 году в Заволочье созрел заговор, целью которого было избавление от власти Новгорода и переход под управление Москвы. Великий князь Василий Дмитриевич направил на Двину боярина Андрея Альбертовича для согласования совместных действий, пообещав заволоччанам право беспошлинно торговать во всех подвластных ему землях. Московский князь, взяв на вооружение татарскую тактику подрыва верности власти с помощью подкупа, поручил своему доверенному лицу пообещать двинским воеводам Ивану и Канону, а также другим новгородским боярам в случае успеха дела раздать им имения по Двине и Ваге. Новгородцы, узнав о готовящемся заговоре, предприняли решительные действия. Новгородский владыка стал посредником в мирном урегулировании инцидента, но не добился успеха. Тогда новгородцы решили вернуть свои северные волости силой оружия. В 1398 году началась настоящая война в Заволочье. Новгородцы выставили войско в три тысячи

¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в... — Т. 1. — С. 4.

человек, а новгородский митрополит благословил ратных людей: "Подите поищите пригородов и волостей святой Софии, своей отчизны и дединыя!" Возглавили ополчение посадник Тимофей Юрьевич, воеводы Юрий Дмитриевич и Василий Синец.

Двинской летописец так рассказывает об этом событии: "Новгородцы же взяли Орлец городок, скопаша и разгребоша, а на двинянах взяша окуп 2000 рублей да 3000 коней, да у князя наместника Васильева у князя Федора Ростовского взяша присуд и пошлыны, а самого пустиша в Русь; а у гостей (купцов — В. Б.) низовских взяша окуп 300 рублей, а воеводу двинского Ивана Никитина, преведше в Новгород, скинуша с моста в Волхов реку, а брат его Анфал убежал на пути в Устюг, а Герасима и Родиона постригоша в чернцы; а на Орлец основание каменного городка и до ныне знать".¹

В 1417 году Заволочье снова восстало, но вновь не добилось успеха. Устюжане и вятчане, не разобравшись, что заволочане идут против Новгорода за московского князя, совершили нападение и сожгли Борок, Емцу и Холмогоры. Заволочане в отместку сожгли и разграбили Великий Устюг. Восстание в Заволочье утихло само собой, без вмешательства Новгорода.²

На протяжении последующих пятидесяти лет особых инцидентов не возникало, Великий Новгород, занятый проблемами улаживания отношений с Москвой, предоставил Заволочью максимум самостоятельности, приведшей, в сущности, к самоуправлению.

В 1419 году заволочанам без помощи новгородцев пришлось отражать внешнюю агрессию: "Пришедше мурманы войною 500 человек с моря в бусах и в шняках,

¹ Титов А. А. Летопись двинская. — М., 1889. — С. 5.

² Там же. — С. 6—7.

и повоевала в Варзуге погост Корельский святого Николы, и взяли Заволоческой погост в Неноксе, и Корельской монастырь святого Николы, и Онежской погост, Яковлю Курью, Андреановский берег, Кег остров, Княж остров, Архистратига Михаила Монастырь, Цыгломино, Хечемино, три церкви сожгли, а христиан и чернцев всех посекали. И заволочане две шняки мурман избиша, а инии убогоша на море", — так лаконично описал "Двинской летописец" кровавые события на Севере.¹

В 1471 году государь всея Руси Иван III, узнав о замыслах новгородцев примкнуть к Литве, решил окончательно подчинить Москве древний вольный Новгород. Огромное царское войско выступило в поход. Эти события не замедлили отозваться в Заволочье. 15 марта 1471 года туда отправляется двенадцатитысячный отряд новгородцев под командованием князя Василия Шуйского.

27 июня на Двине состоялась решающая битва между новгородцами и москвичами. Бились не на жизнь, а на смерть. В первые часы боя погиб знаменщик двинского войска, знамя подхватил второй, убили и этого, подошедший третий также вскоре был убит. Знамя перешло в руки неприятеля. Князь Шуйский в первых шеренгах ринулся на врага, личной отвагой хотел поднять дух своего войска, но вскоре был смертельно ранен. Исход битвы был предрешен.

В это же время вологодские войска в союзе с московскими разгромили новгородские поселения по Кокшеньге. Крупное поражение потерпели новгородцы и на реке Шелони.

Контрибуция в размере 15500 рублей, передача Москве части Заволочья, включая Холмогоры, Неноксу,

3 Там же. — С. 7.

Уну, а также территории по Пинеге и Мезени — таков был исход военного противостояния Центра и Севера. А от новгородского веча были посланы грамоты к старостам "на Пинегу, и на Кегролу, и на Чаколу, и на Пермьские, и на Мезень, и на Пильи Горы, и Немьюгу, и на Пинешку, и на Выю, и Суру Поганую" о том, что крестное целование Великому Новгороду "с вас долой", то есть что все земли передаются в собственность великого московского князя.¹

В 1478 году царь Иван III поставил последнюю точку в борьбе против вековой самостоятельности Великого Новгорода. 13 января руководители Новгородской республики "целовали крест" на верность великому князю. Иван III, произнося "надгробную" речь по новгородской вольнице, утвердил свою власть такими словами: "Жалую нашу отчизну, Великий Новгород", а в заключение сказал: "А на Двине и на Заволочье, что ни есть пригородов, так все Двиняне и Заволочане сложат Новгородское целование и будут целовать крест на имя великих князей".²

Так был положен конец колебаниям Заволочья между Новгородской республикой и Московским княжеством, центр тяготения переносится с берегов Волхова в Москву.

В заключение рассмотрим вопрос о том, почему новгородцы, а затем и Москва так дорожили Заволочьем. Ответ прост. "Златокипящая" северная провинция способствовала процветанию и благополучию как древней, так и молодой столиц Руси. И дело не только в пушнине, которая приносила казне наибольшие доходы. Были и другие промыслы, о которых мы расскажем подробнее.

¹ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. — СПб., 1878. — Т. 1. — С. 201; Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 154.

² Андреев В. Ф. Северный страж Руси... — С. 38.

Северные земли были в числе тех немногих районов Руси, где добывалась соль. Дошедшие до нас письменные источники свидетельствуют о том, что солеварение в Заволочье было поставлено хорошо. Сошлемся еще раз на уставную грамоту Святослава Ольговича (1137 г.), которая узаконивает полученные доходы с соляных варниц на море "от черна и от салги по пузу".¹ *Салгой* назывался большой металлический котел для вываривания соли из морской воды. *Чрен* — использовавшаяся для этих же целей большая железная сковорода. "Речение "пуз", — пишет первый северный историк В. В. Крестинин, — переменялось со временем в наименование четверик, принимаемый за осьмую часть хлебной меры, собственно называемый четверть".² *Пуз* — старинная мера объема, мешок в два четверика.³ Соль, которую вываривали из морской воды, называли "морянкой". Но больше всего ценилась соль, которую добывали из соляных источников. Такая соль называлась "колодезной" или "ключевой". Поиски соляных месторождений, или, как их тогда называли, "рассольных мест и ключей", велись по всему Заволочью. Основными районами солеварения были беломорское побережье, Тотьма — Леденск, Серегово — Сольвычегодск. С XIV века солеварни Неноксы стали широко известны по всему северному краю. Здесь крепость соляных растворов была значительно выше, чем в других местах. В Неноксе вываривалось до 50 процентов всей беломорской соли. Мастера солеварения имели высокую квалификацию и различные специализации: "повара", "подварки", "цыренщики", "варничные

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского... — Т. 2. — Гл. IX. — Прим. 267. — С. 112.

² Крестинин В. В. Начертание истории города Холмогор... — С. 13—14.

³ Куратов А. А. Метрология России и Русского Севера. — Архангельск, 1991. — С. 15.

ярыжки". Особенно славились "трубочные мастера", которые вели буровые работы. Из поколения в поколение накапливались и передавались знания о почве, строении земной коры, опыт в области горной техники. Бурить скважины приходилось на глубину от 20 до 400 метров. До нас дошла рукопись XVI века под названием "Роспись, как зачать делать новая труба на новом месте". В ней больше 120 специальных технических терминов, которые и в наши дни используются специалистами по бурению различных скважин. Мастеров солеварения можно по праву назвать первыми древнерусскими инженерами.¹ На соляных промыслах было занято много северян. Так, Соловецкий монастырь имел около 50 варниц, на которых работало до 800 постоянных и около 300 временных наемных работников.² Солевары Двинской земли и Вологодского края давали до 800—1000 пудов соли в год и более двухсот лет снабжали этим продуктом многие районы Московского государства.³

Одним из самых старинных промыслов Русского Севера было смолокурение. Уже во второй половине XIV века смолу гнали на продажу в поместьях новгородских бояр на Ваге. Важская смола становится предметом заморской торговли сначала новгородцев, а потом и Московской Руси. Смола употреблялась для смазки обуви, лыж, колес, в судостроении, канатном производстве, кожевенном деле. К ее качеству предъявлялись

¹ Прозоровский Д. Старинное описание солеваренного снаряда // Известия Археологического общества. — СПб., 1868. — Т. 6, столб. 233—253; Морозов А. А. Юность Ломоносова. — Архангельск, 1958. — С. 87—95; Колесников П. А. Вклад народных масс Русского Севера в материальную и духовную культуру России // Культура Русского Севера. — Л., 1988. — С. 7—8.

² Розен Б. Северная соль. — Архангельск, 1957. — С. 36.

³ Трофимов П. М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. — М., 1961. — С. 32—33.

высокие требования. Сохранилась "Торговая книга" XVI века, служившая своеобразным справочником о ценах, сортах и качестве различных товаров. В ней можно прочесть: "А смола добра знати, чтоб черна добре была и не густа, и худая смола бура да густа, в той воде есть и песок, а бура будет и жидка, ино вода в ней есть коренная. В черной смоле вар варити добрый". Цены "Колмогорских мест", где шла оптовая торговля с заморскими купцами, составляли в то время в среднем за бочку смолы четыре ефимка (около 3 рублей 60 копеек), а бочка вара "в семь пуд" шла уже за "полполтредья рубля" (2 рубля 25 копеек). С 1647 года смола была объявлена казенным товаром. У смолокуров ее скупали головы и целовальники, а затем уже от имени казны северная смола отпускалась "за море".¹ Со временем сложились центры смолокурения (Вага, Вельск, Холмогоры, Пинега, отчасти Вычегда), основным из которых являлась Вага, где росли большие сосновые деревья — важнейшее сырье для получения смолы. В начале XVI века в смолокурении произошел переход от древнейшего горничного способа смолодобычи к ямному — более совершенному и производительному.²

Немаловажную роль в экономике Заволочья играл промысел слюды, который особенно интенсивно развивался в XV веке. Слюда использовалась для окон и фонарей. В связи с ростом числа церквей и монастырей возросла потребность в выносных фонарях, использующихся во время крестного хода. Слюда также шла на оформление карет царей и богатых вельмож. Русская слюда считалась лучшей в мире и была известна в Западной Европе и Азии под названием "муковита". Она стоила очень дорого: цена ее колебалась от 15 до 150 рублей за пуд.

¹ Морозов А. А. Юность Ломоносова... — С. 78—79.

² Трофимов П. М. Очерки экономического развития... — С. 20—21.

"Слюда, — сообщает в 1674 году в своем сочинении о русской торговле Кильбургер, — добывается между Архангельском и морским берегом у Вайгача на морском выступе и открывается в утесистых высоких горах. Все, что бывает длиною и шириною более одного аршина, принадлежит царской монополии и не может быть открыто продаваемо никаким частным лицом".¹

Большие разработки слюды велись около Керети и на Пинеге, а мелкие слюдяные промыслы были разбросаны по всему беломорскому побережью. Велась добыча слюды и Соловецким монастырем. "В этом Соловецком монастыре, — писал Павел Алепский, — есть рудник удивительного хрустального камня. Его выкалывают в горе в виде досок. Он походит на стопу бумажных листов, лежащих один на другом; его снимают поодиночке, причем он не ломается... Из него делают в этой стране все им потребное, например, оконницы разного вида и размера. Персидские купцы вывозят их во множестве, равно купцы франковские и греческие и всякий, кто приезжает сюда, потому что этот камень имеется только здесь".²

Широкий размах приобрел на Севере и такой необычный промысел, как ловля жемчуга. Жемчужные раковины добывали в устьях небольших речек: Солзе и Сюзьме на Летнем берегу, Варзуге и Поное на Терском берегу, а также в районе Колеч.³ Из добытого жемчуга

¹ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 104.

² Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алепским. — М., 1898. — Вып. 3. — С. 126—127.

³ О северном жемчуге см.: Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году. — СПб., 1805. — Ч. 4. — С. 304—305, 344—347; Хребтов А. К. Положение жемчужной промышленности в России. — СПб., 1897; Попов А. Н. Терский берег // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1914. — № 1 и др.

местные судные целовальники отбирали десятое, самое лучшее, зерно "на великого государя". Этот "государев" жемчуг отсылали в Колу, а оттуда в Москву.¹ А из Варзуги жемчуг шел в патриаршую казну.²

В Заволочье возникла, а отсюда распространилась и по всей Руси, во всех слоях общества необычная любовь к жемчугу. Им густо осыпали платья и кафтаны, головные уборы и обувь. Много жемчуга шло на царские одежды и церковные облачения. Шитье жемчугом в монастырях и в домашнем быту достигало большого совершенства.³

О существовании в России жемчуга были осведомлены многие иностранные путешественники. Сигизмунд Герберштейн, бывший в России в 1517 и 1526 годах, описал жемчуг, который привозится в Москву "с берегов Океана, соседних с устьем Двины".⁴ В 1594 году персидский шах Аббас интересовался у русского посла князя Андрея Звенигородского: "Жемчуг у государя вашего дешевле и отколь ко государю идет?" На что посол обстоятельно отвечал: "Государь, ведется у государя нашего в земле на Двине на Колмогорах и в Великом Новгороде в реках".⁵

Заволочье является родиной горного дела в России. В сочинении Марко Поло, где описывается Древняя Русь и ее жители, можно прочесть: "Страна эта не торговая, но много у них дорогих мехов... Много у них серебряных руд, добывают они много серебра".⁶ Господин

¹ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. — Пермь, 1927. — С. 206.

² Морозов А. А. Юность Ломоносова... — С. 245—251.

³ Янинова Л. И. Русское шитье жемчугом. — М., 1955.

⁴ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 163.

⁵ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. — СПб., 1890. — Т. 1. — С. 268.

⁶ Книга Марко Поло. — М., 1955. — С. 227.

Великий Новгород получал дань с Заволочья мехами и серебром. Существует мнение, что это было только закамское серебро из загадочной Югры и Великой Пермии. В то же время мы располагаем сведениями о том, что в XII веке на Руси велись поиски серебра и меди, добывалось железо, обрабатывался точильный камень. Добытчики руд, "копачи", устраивали домницы, кузницы, делали металлические орудия и инструменты: топоры, ножи, якоря.¹

В тяжелые времена татаро-монгольского ига русские князья платили дань Золотой Орде серебряными слитками. На этот счет имеется документальное свидетельство ученого араба Ибн Батута, посетившего столицу ордынского хана Узбека в период правления на Руси Ивана Калиты. "У них, — говорит он, — серебряные рудники, и из страны их привозятся саумы, то есть серебряные слитки, на которые продается и покупается товар в этом крае. Вес такой саумы пять унций"² (около 155 граммов). Где находились эти сказочные серебряные рудники на Руси, ученый муж не уточняет. Может быть, разгадку появления русского серебра следует искать в более ранних временах.

Надо полагать, что чудские племена на территории Заволочья владели навыками производства металла, подтверждением чему служат "чудские копи" — примитивные плавильные печи. В качестве гипотезы можно высказать предположение о том, что эти народы познакомили первых русских насельников с рудным делом или, по крайней мере, вызвали к нему интерес. До настоящего времени на Севере бытуют легенды о губе Серебрянке

¹ Трофимов П. М. Очерки экономического развития... — С. 22.

² Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде. — СПб., 1884. — Т. 1. — С. 303.

на Новой Земле, откуда лодьи древнего Новгорода вывозили много серебра. Имеются сведения о том, что на Новую Землю рудознатцев посылал царь Иван Грозный. Архангельский историк В. В. Крестинин в своей работе "Географическое известие о Новой Земле полунощного края" пишет: "Есть старинное письменное дело Губернского архива об отправлении повелением Государя Царя Ивана Васильевича рудокопов искать на Новой Земле серебряную руду по примеру новгородцев".¹ К сожалению, письменного свидетельства об этом событии нам уже никогда не прочесть, так как Архангельский губернский архив сгорел в 1779 году.

В то же время мы располагаем сведениями и о том, что в 1651 году на Новую Землю была снаряжена государственная экспедиция во главе с бывшим пусто-зерским воеводою Романом Неплюевым и Фомой Кыркаловым. Экспедиции надлежало искать "серебряные и медные руды и узорочного камня и жемчугу", а также "всяких угожих мест".²

Экспедиция снаряжалась на Мезени и Кулое. О том, как протекал этот арктический поход, мы не имеем документальных свидетельств, но можем предположить, что закончился он благополучно. В 1652 году "к великому государю в Москву приехал Роман Неплюев и взято у него в государеву казну в Новгородскую четь денег 132 рубль".

Роман Неплюев развил бурную деятельность по организации второй государственной экспедиции на Новую Землю. Подготовка ее осуществлялась в Поморье. Новый

¹ Крестинин В. В. Географическое известие о Новой Земле полунощного края // Новые ежемесячные сочинения. — 1788. — Январь. — Ч. 19. — С. 44.

² Зворыкин А. А. Пионеры изучения Арктики // Природа. — 1946. — № 12. — С. 80.

арктический поход закончился неудачей: большинство участников и сам инициатор экспедиции погибли.¹

Спустя несколько лет пустозерский воевода Иван Неелов получил из Москвы указ о снаряжении очередной геологической экспедиции на остров Вайгач. Из документов, связанных с ней, мы узнаем и некоторые обстоятельства предыдущего похода на Новую Землю. Крестьяне Пустозерского острога в своей челобитной отмечают, что "Роман Неплюев и Фома Кыркалов и Василий Шпилкин ходили для отыскной руды и всяких сыскных узорочей на Новую Землю и в Югорский Шар, на Микулкин и на иные острова".² В другом документе говорится о Фомке Кыркалове с Мезени и плавильщике Гаврилке Иконнике, которые имели "всякие снасти же и котлы медные, которые остались как он Фомка послан на Новую Землю".³ Из этих сообщений можно сделать три вывода. Во-первых, настойчивые попытки отыскать серебряную руду на Новой Земле и в ее окрестностях, несомненно, говорят о том, что Москва располагала сведениями о наличии руды в этих местах. Подтверждением этого предположения служит кусок серебряной руды "из Новой Земли", хранившийся в казне патриарха Никона.⁴

Во-вторых, мы узнаем о том, что уже в эти годы на Севере имелись опытные специалисты горного дела: "копачи" и "рудознатцы", "плавильщики" со своим оборудованием, "снастями" для выплавки металлов. Впос-

¹ Там же. — С. 82—83.

² Дополнения к актам историческим (далее: ДАИ). — СПб., 1853. — Т. 5. — С. 172.

³ Там же. — С. 173.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров (далее: СГГД). — М., 1828. — Ч. 4. — № 19. — С. 72—73.

ледствии Поморье снабжало опытными мастерами за-
рождавшуюся металлургическую промышленность Урала
и Сибири.

В-третьих, можно утверждать, что в Заволочье не
только была найдена серебряная руда, но и начато ее
освоение.

В 1963 году во время раскопок в Новгороде была
обнаружена берестяная грамота начала XIV века, со-
держащая следующий текст: "Приехав и(з) Заволоцея,
носили серебро Климецъ с племенъм на завете по
Петрове дни. Носиле Федорку Слепетнову с з братею.
А серебром хо(ди)л Григорей Фларев, Давыд Попов,
Матвей Кенище, Лука Онишков, Софрон М(а)шкин".¹
Речь здесь идет о том, что из Заволочья пришли с
серебром Климец и его родственники на другой день
после Петрова дня, то есть 30 июня. Это серебро они
передали какому-то Федорку Слепеткову. И тут же
перечислено все "племя" Климеца, ходившее за Волок.
Другие документы рассказывают, что в 1666 году из
Москвы на Кевроль (район Пинеги) и на Мезень были
отправлены рудознаты князь Богдан, да князь Степан
Милорадовы, да сотник Клим Некрасов, а также два
стрельца на поиски серебряной и всяких иных руд.² В
1673 году стряпчий Афанасий Зиновьев и с ним се-
ребряный мастер Еремка Денисов были посланы из
Москвы в Умбскую волость на Медвежий остров и в
некоторые другие места "для сыску" и "досмотру" се-
ребряных криц. Им было наказано взять серебряной и
золотой руды по пяти и по десяти пудов и привезти
все это в Москву. Соловецкий монастырь должен был
дать для этой разведки работных людей и подводы как

¹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... — С. 186.

² СГГД. — Ч. 4. — № 50: — С. 180; Морозов А. А.
Юность Ломоносова... — С. 71—78.

в Умбе, так и в других волостях.¹ Позднее на острове Медвежьем начались работы по добыче серебряной руды. А небольшой завод по производству меди, серебра и золота был построен в урочище Валдушки, недалеко от Архангельска.² Имеются данные о том, что еще в 1492 году по приказу Ивана III на реку Цильму был послан грек Мануил "с мастера с фрязы серебра далати и меди".³ Уже в 1492 году здесь начал действовать казенный завод по производству меди и серебра, для работы на котором было направлено шестьдесят устюжан, сто двинян и восемьдесят пинежан.⁴ Отметим также, что "земляная кровь" — первая ухтинская нефть — доставлялась бочками в Москву для освещения улиц столицы еще во времена царя Ивана Грозного. А одна из первых серебряных монет России чеканилась на Севере, в Архангельске.⁵

С середины XVI века в Заволочье большое развитие получили добыча и выплавка железа. На "железных полях" добывали луговые, озерные и болотные руды, а "копачами" были важане, двиняне, пинежане и мезенцы. Яков Строганов открыл на реке Судроме (притоке Ваги) железную руду и в 1577 году написал прошение царю Ивану Грозному: "На Ваге и в Судромской волости есть болоти пустые... а в них железная руда". Строганов просил позволить ему "на тех болотах установить железное дутье", на что последовало разрешение

¹ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв... — С. 206.

² Архангельские губернские ведомости. — 1845. — № 39. — 26 сент. — С. 274—276; 1847. — № 1. — С. 7; 1858. — № 3, 4, 5.

³ Ефименко П. С. Заволоцкая чужь... — С. 140.

⁴ Латкин В. Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. — СПб., 1853. — Ч. 1. — С. 85; ПСРЛ. — Т. 33. — С. 128.

⁵ Известия ЦИК и ВЦИК. — 1928. — 23 марта.

"в тех болотах дуть железо и домницы делать и лес сечи".¹

Одним из первых железоделательных заводов в России стало предприятие, основанное в 1648 году на Ваге близ Шенкурска иностранцами Марселиусом и Акемой.²

Железоделательное производство было также налажено в Онеге, Холмогорах, Каргополе, Пинеге, Мезени. Только в Красноборске и Яренске насчитывалось до 35 кустарных печей-доменок, десятки кузниц, изготовлявших топоры, ножи, замки, гвозди, скобы, якоря. Крестьяне-металлурги и кузнецы Красноборска, Сольвычегодска и Великого Устюга ковали оружие для дружины Ермака Тимофеевича, а также выполняли различные государственные заказы. С развитием металлургической промышленности на Урале и в Сибири производство металлов в Заволочье стало сокращаться.³

В 1919 году историк А. А. Кизеветтер опубликовал исторический очерк "Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства", в котором отмечает: "Новгородское правительство ежегодно брало с Заволочья огромные дани серебром и соболями, что и давало Новгороду возможность поставлять большое количество серебра и мехов в Западную Европу, оправдывая тем свое участие в Ганзейском Союзе и откупаться крупными суммами серебра от различных политических опасностей, грозивших Новгородской державе.

Известен случай, когда Новгород выдал Витовту откуп 865 пудов серебра. Сколько раз московские князья

¹ Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII вв. — Л., 1924. — С. 97—98.

² Лебедев Д. М. География в России XVII века. — М—Л., 1949. — С. 13.

³ Трофимов П. М. Очерки экономического развития... — С. 31—32.

возвращались с походов на Новгород с богатейшим откупом закамским и сибирским серебром...

Приведенные данные в достаточной мере указывают на ту роль, которая выпала на долю Русского Севера в народохозяйственной жизни Русской земли в эпоху принадлежности этого края к составу Новгородской державы".

Подчеркивая значение Севера в экономической жизни Московского государства, историк отмечал: "Север изобильно снабжал внутренние области государства продуктами своей местной промышленности, среди которых наиболее важное место принадлежало рыбе (особенно семге), соли, салу и кожам морских зверей и мехам; на Севере сосредотачивалась почти вся внешняя торговля государства; Север служил главным соединительным звеном между европейской Россией и Сибирью в торговом отношении".¹

Через три года вышла работа "Очерки по истории колонизации Севера", в создании которой приняли участие ведущие российские историки С. Ф. Платонов, А. И. Андреев, В. Г. Дружинин, Г. Ф. Чиркин.

По мнению профессора С. Ф. Платонова, Русский Север в составе Великорусского государства XVII века стал "одной из важнейших экономических областей — по обилию тех естественных богатств, какими наделила его природа, и по тем удобствам хозяйственной жизни, каких не знал Московский центр и государственные окраины". В подтверждение данного тезиса приведем два примера из этой книги.

Уже к XVII веку оборот Архангельской ярмарки доходил до трех миллионов рублей. А если учесть, что население всего Российского государства к началу XVII века не превышало 12 миллионов человек, а весь госу-

¹ Кизеветтер А. А. Русский Север... — С. 22—51.

дарственный доход в 1724 году составлял 8 миллионов рублей, то ярмарочный оборот Севера можно признать весьма крупным взносом в развитие экономики России.

Историк П. Н. Милюков пишет, что к XVII веку "Москва становится настоящим военным станом, главным штабом армии, которая опиралась на северную, единственную тогда колонизированную половину России, с тем, чтобы вести завоевание и колонизацию южной половины. Из 8 миллионов бюджета государства 5 миллионов приходится на подушную подать, большая доля которой падает на черносотный Север. Север оказался, таким образом, тем сундуком, из которого брались средства на колонизацию южной половины государства".¹ Комментарий, как говорится, излишни. Эти красноречивые примеры наглядно характеризуют роль Заволочья и всего Севера в жизни Русского государства.

¹ Очерки по истории колонизации Севера. — Пг., 1922. — Вып. первый. — С. 16—19.

СТРАНА ВАГА

ОБШИРНЫЕ земельные владения Господина Великого Новгорода делились на пятины и десятины. Древняя страна *Вага* входила в Обонежскую пятину Заонежской половины и называлась *Важской десятиной*. Географически она занимала территорию между 60 и 64 градусами северной широты и 57 и 61 градусами восточной долготы, простираясь с юга на север на 420 верст, с запада на восток — на 210 верст. В ее состав входили водные дороги: реки Вага, часть Северной Двины, Шенга, Кодима, Пянда,

Ванга и многие другие. В период новгородского правления Важская десятина граничила к северу с Двинской областью, с востока — с Котюгской страной, к югу — с Вологодскою землей, а к западу — с Каргопольским уездом. Как земля, лежащая за волоками, Важская десятина вместе с Двинскою страной именовалась За-волочьем.¹

Все обширное пространство Важской страны, включая земельные угодья по реке Ваге и частично по Северной Двине, населено было чудскими народами. "Ревнитель северных древностей" верховажский мещанин Матвей Николаевич Мясников в своей рукописи "Историческое описание страны, издревле известной под именем Ваги", писал: "Достоверно, что чудские народы до пришествия в Новгород Рюрика обитали уже на Ваге, и при реке Шенге, впадающей в Вагу, построили город, который первоначально назывался Шенкурье".²

С. Ф. Платонов приводит любопытное известие о написанном в Новгороде прологе "За Волоч в Шенкурье" (1229 г.).³ Возможно, на этом месте возникло и русское поселение под название Шенкурск. В ряде документов название современного Шенкурска приводится в форме "Шенкурья" (женского рода). Диалектологи Поморского университета профессора В. Я. Дерягин и Л. П. Комягина обращают наше внимание на объяснение, предложенное В. И. Далеком:

¹ Географический словарь Российского государства гг. Максимовича и Щекитова. — М., 1804. — Ч. 2. — С. 507.

² Мясников М. Н. Нечто о пятинах Новгородских и в особенности о стране, известной издревле под именем Ваги // Северный архив. — 1827. — № 9. — С. 13—14.

³ Очерки по истории колонизации Севера. Вып. первый. — СПб., 1922. — С. 33.

"Шенкурск стоит при впадении Шенги в Вагу, отчего название шен-курья, Шенкурск".¹

Вопрос о происхождении города до сих пор обсуждается в исторической географии. Впервые одно из важных поселений — Усть-Вага ("оустье Ваг") — упоминается в "Уставе" новгородского князя Святослава (1137 год).² Некоторые историки считают, что именно это поселение в договорной грамоте 1270-го года Господина Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославовичем называлось "Важаньским погостом". Уже упоминавшийся нами крупнейший представитель дореволюционной исторической географии Н. П. Барсов считал, что "город Вага" находился вблизи устья одноименной реки, и не соглашался с отождествлением его с будущим Шенкурском.³

Отвлечемся от споров историков и попытаемся выяснить вопрос о времени проникновения славянского населения в страну Вагу. Надо полагать, что уже в IX веке дружины "холопов сбоев" (удальцов) или, как их еще называли, новгородских ушкуйников стали совершать походы на северо-восток в поисках приключений и наживы. По народным преданиям, это называлось "ходить на Вагу".

Новгородские бояре и "житьи люди" посылали в Заволочье хорошо снаряженные партии своих холопов и "дворчан", и те основывали промысловые поселки и становища. От них начинались семужьи тока, соляные

¹ Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории и географии финно-угорских заимствований в северорусских говорах // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Дialeктная лексика. — Л., 1972. — С. 39—40.

² Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — М., 1976. — С. 148.

³ Овсянников О. В. Шенкурск. — Архангельск, 1978. — С. 13.

варницы и, наконец, полосы "орамой" (пахотной) земли — собственность новгородских бояр.

За ушкуйниками на Север двинулись крестьяне-земледельцы, занимавшие "орамые" земли по берегам рек. Новгородцы принесли с собой паровую систему земледелия. Однако из-за почвенных и климатических условий, разбросанности земель она не получила на Ваге повсеместного распространения. Более широко применялась подсечная система, при которой вырубался участок леса, затем деревья и кустарники сжигались, а почва обрабатывалась сохой и мотыгами. Лучшие земли лежали в верховьях Ваги. В словаре П. Семенова почва этих земель названа черноземом.

Среди новгородских владений на Севере важская земля занимала особое место. Здесь находились лучшие для хлеборобства земли, а климатические условия позволяли собирать неплохой урожай. Не случайно земли по Ваге уже в XIII веке упоминаются в новгородских берестяных грамотах.¹

Со временем в Важской стране стали возникать рыболовецкие поселки, соляные варницы, семужьи "заколы", ловчие станы, а затем и "страдамые деревни".

Историк и этнограф Русского Севера М. В. Едемский отмечает, что поселения новгородцев возникали на берегах Ваги и ее притоков.² Не случайно именно берега рек и озер обрастали славянскими поселениями. Во-первых, водные пути были единственными удобными путями при почти полном отсутствии гужевых дорог. Во-вторых, реки и озера снабжали рыбой и водоплавающей птицей. В Важской стране, как и в целом в Заволочье, скла-

¹ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1952 г. — М., 1954. — № 52.

² Едемский М. Б. О крестьянских постройках на Севере России // Живая старина. — СПб., 1913. — Вып. 1—2. — С. 25.

дывались различные типы поселений: погост, деревня, починок, селцо, деревня с Большим двором, усадище, городище, селище, рядок, посад, выставка и некоторые другие. Погост изначально представлял собой церковь с кладбищем и несколькими дворами священнослужителей. Располагался погост, как правило, вне поселений, на возвышенном берегу, часто на мысу, омываемом озером или рекой. Словами "село", "селцо", "деревня с Большим двором" называли, как правило, поселение с двором новгородского боярина. Усадищем такое поселение называлось в том случае, когда оно пустовало. Городищами именовали "неживущие", то есть ненаселенные, давно заброшенные укрепленные места. Селищем называли не какую-то особую разновидность поселения, а любое старое или заброшенное поселение. Выставка — это чаще всего филиальная церковь в отдаленной местности, разновидность погоста. Починок являлся разновидностью деревни, вновь возникшим селением, не положенным еще в обжи. Торговые рядки и посадки не относятся к числу собственно сельских поселений, занимая промежуточное место между поселениями сельского и городского типов.¹

М. Б. Едемский в своей обстоятельной работе "О крестьянских постройках на Севере России" описал формы поселений на Ваге и ее притоках. Самой специфической формой поселения для этого района он считал селение, расположенное на берегу реки, на которую выходят фасады домов. М. Б. Едемский отмечает, что строители стараются, чтобы окна были обращены на юг. "Одним словом, — добавляет он, — чтобы было тепло и красиво". Летняя и зимняя избы ("перед" и "озадок") расположены в противоположных частях дома: зимняя

¹ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья... — С. 98—99.

изба — в юго-западном углу дома, летняя — в юго-восточном, между ними — горница на повети, окна которой смотрят на юг. Условие ориентации фасадов домов "на восток и на реку", замечает автор, легко осуществимо, так как большинство рек Поморья течет с юга на север.

Хозяйственные постройки сгруппированы вокруг зимней избы — "озадка". Перед домом — небольшой сад, перед ним — дорога, которую никогда не называют улицей. Улица — это пространство между домами, которое кончается "разуличьем" за огородами.¹

Однако эти промысловые и земледельческие деревни и поселки "сидели в розни", то есть были отдалены друг от друга дикими пространствами болот и тайги. "Большая часть Новгородских вотчин, — отмечает В. О. Ключевский, — даже у мелких собственников не представляла сколько-нибудь округленных земельных владений, сосредоточенных в одной местности, а состояла из многих раздробленных, мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, по морскому берегу и по рекам морским, как выражаются грамоты, часто на огромном расстоянии друг от друга".²

В первой половине XII века новгородцы имели на Ваге уже ряд погостов: Усть-Вагу, Пуйте, Чудик, Лигуй, Вавдит, Вель. Исследователи М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина считают, что в их число нужно включать и погосты "у Еми", обосновывая свое предположение существованием Ямской горы на реке Ледь, притоке Ваги.³

¹ Едемский М. Б. О крестьянских постройках на Севере России... С. 25—116.

² Ключевский В. О. Опыты и исследования. — СПб., 1819. — С. 6.

³ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. — М., 1952. — С. 20, 28—29.

Крестьянской колонизации Важской страны предшествовала боярская. "Орамые" земли, "морские и речные пожни" (сенокосы), промысловые угодья были "обоярены", то есть захвачены новгородскими феодалами.

Новгородский летописец утверждает, что новгородский посадник Василий Матвеевич притеснял местные племена. Чудской старшина Азика, Харагинец, Ровда и Игнатец пришли в Новгород и подали прошение — жалобу на боярина князю Афанасию Даниловичу. Состоялось примирение, и чудь приняла от новгородского посадника 20 тысяч белок и 10 рублей, уступив за эту цену огромную земельную провинцию на Ваге.¹

Этот редкий документ — купчую за 1315 годом — обнаружил шенкурский протопоп И. Ф. Розов, а позднее весь "Список с старых новгородских крепостей своеземца Ивана Васильевича сына Едемского..." попал к краеведу М. Н. Мясникову.

О том, что сделка между чудским старшиной Шенкурского погоста и новгородскими боярином Василием Матвеевичем носила вынужденный характер, писали многие исследователи.² Более того, М. Островская так охарактеризовала сущность этой мировой: "Рядная Своземцева (Едемского — В. Б.) с чудью закрепила переход от первоначальных шатких прав захожего боярского рода на завоеванные когда-то земли к прочному вотчинному владению ими".³

¹ Молчанов К. Описание Архангельской губернии... — С. 188.

² Ефименко А. Исследование народной жизни. — М., 1884. — Вып. 1. — С. 258; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XV — XVI вв. — М., 1955. — С. 229; Васильев Ю. С. Феодалное землевладение на Ваге // Аграрная история Северо-Запада России. — Л., 1971. — С. 293.

³ Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках. — СПб., 1913. — С. 3.

Ввиду особой важности купчей 1315 года, самого древнего в комплексе шенкурских актов, приведем его целиком:

"Се би чолом староста Азика, и Харагинец, и Ровда, и Игнатец, приехав от своей братьи, князю Офонасью на Василя на Матфеева. А наставиле подвоиский, и не идучи к суду и урядилися рядом. А боле Шенкурский погост и земли Шенкурского погоста до Ростовских меж, до Ваимуги вверху до Яноозера, а от Яноозера прямо в Пезу, а тыи земли Василью и в веки. А взяле Азика с своею братьею у Василья дватцать тысяч белки на tych землях, где ни есть Шенкурского погоста. А завод tym землям по Семенгу реку, а по другую сторону Ваги выше Паденге по вытеклым руцям, и Паденга река с устья по обе стороне вверху до Сулонской межи по великой камень, а Шенга река с устья по обе стороне вверху до Розмовой, а Понца река по обе стороне. А хто будет вкупился в ту землю в том заводе, а те знают своих продавцов в tych кунах. А что Шенкурского погоста и земли, и воды, и леси лешнии, и реки, и лешнии реки, и мхи, и озера, и соколя гнезда, где ни есть Шенкурского погоста, то все Василью себе и своим детям в веки. А пополонка дал Василеи десять рублен. А то рядци и послуши: Леонтеи Остафьевичь, Еремеи Кривцев, Терентеи Водовиков, Назарья Воиславлиць. В хто наступить на сии ряд, даст князю и посаднику двадцать гривень золота".¹

Крупнейший знаток новгородской истории академик Н. Л. Янин прокомментировал этот документ и определил северную границу земель Шенкурского погоста, которая проходила по Ваймуте, Яноозеру и Пезе. Вопреки мнению историка А. Н. Насонова, считавшего, что в купчей

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 279—280.

имеется в виду река Ваймуга — приток Емцы, протекающий более чем в 150 километрах к северу от Шенкурска, на основе анализа сотских грамот начала XVII века он приходит к выводу о том, что в документе упоминается одноименная речка, которая протекает недалеко от Шенкурска, у реки Ледь. Река Пеза, названная в купчей, — приток Тарны. "Надо полагать, — отмечает Н. Л. Янин, — что еще в начале XV века низовья Ваги от устья Леди и все течение Леди принадлежали ростовским князьям".

Южная граница земель Шенкурского погоста обозначена реками Семенгой и Паденгой "до Сулонской межи". На современных картах в 25 километрах южнее Шенкурска обозначены левый приток Ваги Паденга и правый — Сельменга, устья которых расположены одно против другого. Что касается западной и восточной границ погоста, они определяются бассейнами рек Паденги, Шенги и Почы (Понцы — В. Б.).¹

О потомке новгородского посадника боярине Василии Степановиче, который значительно расширил свои владения по Ваге и ее притокам, следует сказать особо. Это была яркая политическая личность. Его усадьба находилась в Славенском конце Новгорода на Нутной улице. Известный историк-археолог О. В. Овсянников в своей книге "Шенкурск" пишет об этом незаурядном человеке: "В 1441 году он был одним из военачальников грандиозного похода новгородцев: "Василий Шенкурский и Михайло Яковль, воеводы новгородцкнии, поидаша ратию Заволоцькою в трех тысячах на Угру". Примечательно, что новгородский летописец, безусловно, зная о богатстве боярина Василия и о том, что это богатство зиждется на эксплуатации обширных важских владений,

¹ Янин Н. Л. Новгородская феодальная вотчина. — М., 1981. — С. 85—86.

назвал его Василием Шенкурским. Василий неоднократно в качестве новгородского посадника упомянут в важных для Новгорода документах: в 1446 году как посадник он был в составе делегации новгородского правительства в Москву к Дмитрию Шемяке, на короткое время захватившему великокняжеский престол и ослепившему Василия II, а в 1456 году принимал участие в заключении Яжелбицкого мира".¹

Василий Степанович много сделал для процветания своей вотчины на Ваге: крестьяне занимались земледелием и животноводством, здесь строились добротные избы, совершенствовались приемы охоты, рыболовства и зверобойного промысла, процветали различные ремесла. Позднее боярин переселился, говоря современным языком, на постоянное местожительство из великолепного града Новгорода в дикие лесные пределы Ваги. В 17 километрах от Шенкурска (рядом с нынешней деревней Смотровки) новгородский посадник выбрал место для своей боярской усадьбы. В "Житии преподобного Варлаама Важского" написано: "созда градец мал во участии своем в Заволочии на высоте горы воскрай великия реки Вага, на речке на Пеняшке именуемой, прозвание же нарекова граду тому Пенешский градок именуемый". Отсюда, из боярского дома, тянулись нити управления его обширными земельными владениями.² В 1446 году он построил Богословский монастырь и принял монашество. Позднее боярин Василий Степанович был причислен к лику святых под именем преподобного Варлаама Важского и в память его в монастыре была воздвигнута церковь.³

¹ Овсянников О. В. Шенкурск... — С. 16.

² Там же. — С. 15.

³ Мясников М. Н. Нечто о пятинах Новгородских... — С. 22.

В XIX веке П. М. Строев опубликовал документы, связанные с северной вотчиной боярина Василия Степановича и его потомков, носивших, как он полагал, фамилию Своеземцевых. Тщетными оказались предпринимавшиеся позднее попытки историков отыскать эту фамилию среди представителей новгородской аристократии. Выяснилось, что "своеземцами" называли особую группу новгородских землевладельцев, которые после падения Господина Великого Новгорода перешли на службу к московскому царю, сохранив частично свои вотчины. Династия новгородских бояр, к которой принадлежал Василий Степанович, никогда не носила фамилию Своеземцевых, хотя во многих книгах их так ошибочно называли. В XV—XVI веках представители этого боярского рода стали именоваться Шенкурскими и Едемскими.

Небезынтересным представляется происхождение этих фамилий. В писцовых книгах есть сведения об Исаке Семенове Шенкурском и Офимии Семеновой, жене Шенкурского, как о владельцах земель в Водской, Шелонской и Бежецкой пятинах. Несомненно, эта фамилия произошла от названия городка или реки, возле которых были расположены земли этих представителей новгородского боярства.

В летописи Исак Семенович Шенкурский упомянут под 1475 годом, когда он вместе с другими новгородскими боярами встречал великого князя Ивана III во время его "мирного похода" на Новгород.¹ Будучи сведен, Исак Шенкурский получил земли в Костромском уезде и стал родоначальником дворянского рода Шенкурских. В разрядной книге 1475—1598 годов он упомянут под 1524 годом.²

¹ ПСРЛ. — Т. 6. — С. 201.

² Янин Н. Л. Новгородская феодальная вотчина... — С. 87, 95.

Едемские, судя по фамилии, были владельцами Верхней и Нижней Едмы, центром которой было село Боровское. Вслед за Едемскими потянулись в северные края и другие новгородские бояре. Каждое новое поселение называлось "боярщиной" и получало имя своего владельца. Эти названия сохранились вплоть до XIX века. Так, около Шенкурска по реке Ваге были следующие боярщины: 1-я — Васильевская, 2-я — Ивановская, 3-я — Федоровская, 4-я — Афанасьевская, 5-я — Владимировская, 6-я — Исакиевская, 7-я — Труфановская, 8-я — Есиповская, 9-я — Груздовская. По реке Двине располагались 10-я — Зарецкая, 11-я — Осерецкая, 12-я — Кирейская и 13-я — Афанасьевская.¹

Можно предполагать, что существующая в Шенкурском уезде Борецкая волость обязана своим названием знаменитой фамилии Борецких. В сохранившемся списке судебных процессов, датированным 1471 годом, в числе сторон, споривших из-за земель Важской страны, называются имена, блиставшие среди новгородской аристократии: Селезевы, Ананьины, Тучины. Знаменитая новгородская боярыня Анастасия, жена Ивана Григорьевича, крупная вотчинница и участница политической борьбы в Новгороде, имела на Емце три волости, в которые входило свыше семидесяти деревень. По две волости имели на Емце крупнейшие новгородские феодалы Богдан Есипов и Афанасий Патракеев, по одной — Никита Есипов и Иван Афанасев, посадник Яков Федоров и боярыня Офимья Горшкова, Полинария — жена Никиты Кириллова, Дементий Андреев, Стефан Трифонов — сын Сарского и Исаак Семенов — сын

¹ Мясников М. Н. Историческое описание Ваги и города Шенкурска // Отечественные записки. — СПб., 1828. — Ч. 38. — С. 417.

Шенкурского.¹ Здесь же упоминаются представители знаменитого рода Строгановых, громадные владения которых были расположены в Сольвычегодском и в особенности в Пермском крае.² И все же Едемские — потомки новгородского посадника Василия Степановича — всегда были первой и самой крупной ветвью боярской аристократии на Ваге.

Масштабы землевладения этой династии в XIV веке наглядно характеризует духовная Остафия Ананьевича. Родители завещают наследникам разные земли: во-первых, "отцыну и дедину", полученную по наследству и приобретенную еще дедом Остафия; во-вторых, "прикупле отца моего" (Анания), которые завещаются сыну Федору ("прикупле отца моего, а то сыну моему цыста"). Духовная указывает на приобретение Едемскими новых земель на Ваге.

О дальнейшем освоении этим боярским родом важных земель говорят духовная Федора Остафьевича, сына Остафия Ананьевича, и раздельная "братьев" Василия Федоровича и Василия Степановича.

Василий Федорович получает Райбольское село и Нижнюю Едьму, земли по Яропольскому озеру и рекам Шолоше и Тарне. Центром его вотчины в этом крае становится село Райбола: там находится "большой двор", а все остальные земли (по Яропольскому озеру, Шолоше и Тарне) "тянут", как указано в духовной, к Райболе.

Таким образом идет процесс освоения приобретенных Едемскими земель. Появляются погосты нового типа — центры боярских вотчин. Вокруг них вырастает целый ряд новых малых и больших сел. Едемские,

¹ Копанев А. И. Землевладение в новгородские времена // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI вв. — Л., 1971. — С. 283—284.

² Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере... — Т. 1. — С. 7.

вероятно, жили в Новгороде и лишь время от времени навещали свои владения. Управление вотчинами осуществлялось приказчиками, курщиками, биричами и другими слугами боярской администрации. Хозяйство велось силами зависимого населения — "челяди дерноватой", людей "пошлых", а на Ваге — сел половничьих.¹ В 1553 году Иван Васильевич Едемский царем Иваном Грозным был назвачен городовым приказчиком (комендантом города) Шенкурска. Согласно полученной царской грамоте "крестьяне, кои живут в его деревнях, никаких поборов с черными людьми не платят, а вносять ему дань с его вотчинных деревень против Богословского монастыря, что на Ваге, и сию дань платят в Москве на Рождество Христово ежегодно".² Сын шенкурского приказчика Гаврило Иванов Едемский имел тринадцать сыновей и две дочери. Одна из них, Ольга Гавриловна, вышла замуж за Даниила Григорьевича Строганова, а родившиеся от сыновей Гаврилы дочери уехали в Москву, породнившись с боярином Филиппом Обрезовым, гостем Гаврилой Сверчковым, Никитою Щепоткиным. Так на Ваге создавалась династия землевладельцев, купцов и предпринимателей Едемских, имевших обширные связи с московской аристократией. Среди массы своеземцев — владельцев небольших вотчин — Едемские выделяются сравнительной обширностью своих владений. В XVI—XVIII веках род их множится, владения дробятся, мельчают. Одни из Едемских становятся купцами, другие — церковнослужителями, третьи — дворцовыми и удельными крестьянами.

¹ Васильев Ю. С. Феодальное землевладение на Ваге // Аграрная история Северо-Запада России. — Л., 1971. — С. 292—295.

² Мясников М. Н. Историческое описание Ваги и города Шенкурска // Отечественные записки. — СПб., 1828. — Ч. 38. — С. 419—420.

Какова была система управления Важской страной? Как складывались отношения с Новгородом и Москвой?

Первоначально подчиненность этой земли выражалась в выплате дани, за которой периодически отправлялись военные отряды. После завершения территориально-административного деления и образования Важской десятины из Новгорода направлялись представители из числа бояр, которые, вероятно, вершили суд на основе государственного законодательства — "Русской Правды".

В 1478 году Москва присоединила к себе Великий Новгород. В том же году Москве было подчинено Заволочье, включая Важскую страну, Двинскую землю и другие новгородские владения.

Москва быстро "извела" новгородских бояр, а крестьян — "дворчан", холопей боярских и "примученных" ими инородцев (чудь, лопь, "корельских детей") обратила в государственных крестьян, и стали они именоваться "сиротами" великого государя московского. Большая часть земельных владений новгородских бояр была конфискована и передана в фонд черносошных (государственных) земель.

Государь всея Руси Иван III стал присылать на Вагу своих наместников. В те же годы на Севере стало складываться выборное крестьянское самоуправление. Из числа местного населения избирались земские судьи, старосты и сотские. Важский наместник получал царские грамоты, по которым управлял страной и собирал дань, сначала горностаями и белками, а потом уже деньгами. Счет деньгами на Ваге был особый. С 1315 года деньги считали рублями (один слиток серебра был весом фунт). Иногда вместо монеты ходили беличьи шкурки. Одна гривна равнялась фунту золота и содержала десять новгородок, а одна новгородка — две деньги. Одна из дробей деньги называлась пирогом. В полуденьге считалось два пирога или четыре полу-пирога.¹

¹ Мясников М. Н. Нечто о пятинах Новгородских... — С. 11, 283—284.

В период царствования царя Ивана IV Грозного Вага стала называться Важским уездом и делилась на семь станов: Шенкурский, Подвинский, Летцкой, Ровдинский, Вельский, Слобоцкий, Кокшеньский. В станах находились государственные житницы, в которых хранился хлеб, предназначенный для снабжения жителей в случае неурожая или стихийного бедствия. Хлеб отпускали по счету ключники. В свою очередь станы делились на волости. Местопребыванием царского наместника был Шенкурск, откуда он управлял всей Важской страной; ему помогали тиуны и избранные от народа старосты, сотские, целовальники и пятидесятники. Кроме того, в Шенкурске находился важский данщик, который собирал государственную дань.¹

В правление царя Федора Иоановича среди его ближайшего окружения особой милостью пользовался князь Борис Федорович, будущий царь Годунов. Английский дипломат Джером Горсей в своих "Записках" отмечает, что молодой царь Федор назначил своего любимца на самые высокие должности в государстве. Борис Годунов был главным советником царя, конюшим, телохранителем царя, военным наместником, начальником военного снаряжения, правителем царств Казани, Астрахани... Но самым большим подарком для Бориса Годунова стала страна Вага, которая была ему отдана "в кормление". Джером Горсей пишет, что "провинция Вага в 300 английских миль длиной и 250 шириной и много в ней городов, деревень, населения, богатства. Его (Годунова — В. Б.) годовой доход с этой провинции составлял 35 тысяч марок стерлингов; будучи едва ли не пятой частью его доходов вообще".²

¹ Там же. — С. 93.

² Горсей Джером. Записки о России. XVI — начало XVII в. — М., 1990. — С. 145—146.

Страна Вага сохраняла свою административно-территориальную независимость от Двинской земли вплоть до XVIII века, когда Двинской и Важские уезды вошли в Архангелогородскую губернию.

Столицей Важской страны являлось Шенкурье, здесь и был воздвигнут первый православный храм. Поначалу это поселение с церковью в центре именовалось Шенкурским погостом. Но поскольку здесь стоял главный храм Важской земли, то уже летопись великоустюжская под 1299 годом именовала его Великим Важским погостом.¹

Вологодский историк, профессор Ю. С. Васильев считает, что распространение христианства в Важской земле началось с XI—XII веков. От XIII—XIV веков дошли уже письменные свидетельства о наличии здесь церквей: Спасской на Мареке близ Шенкурска или в самом Шенкурске (1223 г.) и в селе Ростовском близ города Вельска (1397 г.).²

В уставе Святослава Ольговича (1138 года) упоминаются следующие доходы владыки новгородского: в Онеге на Волдутове погосте два сорочка, на Тудоров погосте два сорочка, на Иване погосте с даром три сорочка, на Ракуле три, на Спиркове два, у Вихтуя сорочок, в Пинеже три, в Кегреле три, Устьемце два, Устьяге два и проч. Все это указывает на то, что в Заволочье давно уже было распространено христианство, а многие погосты платили дань в пользу новгородской Софии.³

¹ Титов А. А. Летопись великоустюжская. — СПб., 1888. — С. 14.

² Васильев Ю. С. Монастыри и святые Важского края // История и культура Важского края. — Вельск, 1992. — С. 22—23.

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее: ААЭ). — СПб., 1836. — Т. 1. — С. 8; Карамзин Н. М. История государства Российского... — Т. 2. — Гл. IX, прим. 267. — С. 112.

Больше того, в Шенкурске для местного церковного управления был учрежден Важский Софийский Двор, в котором заседали первенствующий соборный священник ("владычный наместник", "волоститель"), важский поповский староста и поповский десятник. Именно они организовывали сбор Софийской дани и управляли всеми церквами и священниками. А хозяйство у церкви было немалое. Достаточно сказать, что к XVII веку в Важской стране были шенкурский Благовещенский собор, 19 монастырей и пустынь, 100 приходских церквей, 400 часовен.¹ При проведении археологических работ в боярской усадьбе Важского городка археологом О. В. Овсянниковым была найдена "печать Артемия Дементьевича" — владычного наместника на Двине, которая датируется третьей четвертью XV столетия.² По 1682 год включительно, до учреждения епархии, северные церковные земли оставались в подчинении Новгородского архиепископа. В октябре 1682 года по дороге в Холмогоры Шенкурск посетил первопрестольный глава северной церкви Афанасий, которого при посвящении в архиерейский сан стали именовать архиепископом Холмогорским и Важским.

Как уже отмечалось, больших городов в Важской стране не было, но существовали отдельные погосты. Самым крупным был Верховажский погост, где в XVII веке стоял гостиный двор. Два города — Вельск и Шенкурск — состояли только из посадов, по-видимому, с малочисленным населением.

Городок Вель (Вельск), один из древних в стране Ваге, впервые упоминается в летописи под 1137 годом (устав новгородского князя Святослава о сборе церковной

¹ Мясников М. Н. Историческое описание Ваги... — С. 47.

² Овсянников О. В. Важский городок — памятник XV века // История и культура Вёжского края. — Вельск, 1992. — С. 21—22.

дани). В 1462 году Вельск перешел в подчинение Москвы. С этим городом связано имя Кирилла Вельского (Важского), жившего в конце XIV — первой половине XV веков. Из рукописного сказания о св. Кирилле и его чудесах мы узнаем, что он был тиуном новгородского наместника на Ваге до падения независимости Новгорода и подчинения Важской земли Москве. Кирилл Вельский был погребен в церкви Иоанна Милостивого на Подыванском мысу, при впадении реки Вели в Вагу, где находился ранее Вельск.

В 1959 году археолог О. В. Овсянников начал первые раскопки на правом берегу Ваги, в двадцати километрах от места слияния Вели и Ваги, где находилось городище, название которого не сохранилось в летописях и грамотах. В краеведческой литературе его называют "Важским городком".

Последующие раскопки показали, что население городка занималось земледелием, о чем свидетельствовали сельскохозяйственные орудия: косы-горбуши, серпы, каменный жернов. Были найдены также изделия из моржовой кости, и это позволило прийти к выводу, что продукты морских промыслов не только увозились в Новгород, но и распространялись по всему Русскому Северу. На территории городка находилась боярская усадьба, а найденная шпора со звездочкой говорит о том, что ее владелец был воином высокого ранга. При раскопках была обнаружена уже упоминавшаяся выше вислая печать, принадлежавшая владычному наместнику на Двине Артемию Дементьевичу.¹

Особо следует сказать о населении, проживавшем между Вельском и Сольвычегодском в бассейне реки Устья (на территории нынешнего Устьянского района).

¹ Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера... — С. 52—53.

Население этой волости имело самоназвание "устьяне", "устьяки". В этой южной части Заволочья жители успешно занимались земледелием и скотоводством, охотой и рыболовством, а также отхожими промыслами.¹

Непосредственно к Важской стране примыкали черносопшные Устьянские земли, которые состояли из волостей. В 1539 году им была выдана царская жалованная грамота, в которой имеются сведения о наличии в волостях 119 деревень с 221 двором. Эти волости подчинялись волостителю, который назначал тиуна, доводчика и проводника. Для них строились хоромы, состоящие из трех изб "по три сажни изба", кроме того, сенники, клетки, погреба, конюшни, поварни и мыльни. Поставленные дворы полагалось "отыпати и ворота поставить".²

В 1137 году в Великий Новгород был приглашен князь Святослав Ольгович, который нашел, что содержащийся на средства княжеского двора храм святой Софии тратит слишком большие суммы, а потому решил урезать его расходы, определив ему 100 гривен новых кун (серебряных монет) из доходов от поборов и штрафов в пользу князя. В связи с этим появился устав новгородского князя Святослава Ольговича о доходах новгородской епископии, датированный летом 1137 года. В уставе перечислены 26 погостов, становищ и мест, расположенных вне коренных новгородских земель, — от Ладожского озера до Северного Заонежья, Двины, Ваги и Сухоны, с которых князь решил отдавать храму десятую часть своей дани в случае недобора денег уполномоченными. Самым крайним новгородским ста-

¹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 249—250.

² Финченко А. Е. Традиционная хозяйственная деятельность кокшаров, устьян и ваганов в конце XIX — первой трети XX в. // Русский Север: Арёалы и культурные традиции. — СПб., 1992. — С. 33—34.

новищем вверх по Северной Двине, названным в уставе, была Тойма.¹ Историк С. М. Соловьев упоминает *тоймокаров* — жителей реки Тоймы.² Надо полагать, что это иноязычное население чудского происхождения, переместившееся с Нижнего Прикамья. Возможно, это пермское племя тоймичей, предков современного коми народа.

Можно без преувеличения сказать, что именно страна Вага была ядром, центром всей обширной территории Русского Севера. Здесь накапливались сила и энергия славянского народа для дальнейшего освоения земель Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

¹ Тунгусов А. Упомянуты не в летописях, а в уставе // Правда Севера. — 1997. — 13 мая.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен... — Кн. 1. — Т. 1—2. — С. 419.

ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

ДВИНСКОЙ земле, на берегах Двины и впадающих рек в сию большую реку, древние селения жителей показывают в своих собственных наименованиях свойство не славяно-русское, но некоего чуждого языка", — так начинается "Начертание истории города Холмогор", принадлежащее перу почетного члена Санкт-Петербургской академии наук В. В. Крестинина. Для доказательства своей гипотезы первый архангельский историк приводит названия двинских деревень и волостей (Нькола, Челмохта, Пингишма, Товра, Вавчуга, Кур-

остров, Ухт-остров, Чухчерьма, Курья, Койдокурья, Кех-та, Лявля, Уйма, Хечемина, Кег-остров, Тойнокурья и другие) и рек бассейна Северной Двины (Емца, Ваймуга, Сия, Паленга, Пинегга, Уйма, Юрас, Маймакса, Ижма). По мнению В. В. Крестинина, "новгородцы на Двине, в том же первом надесьа веке, управляли Чудской, новообращенной в христианство народ посредством своих чиновников, Двинских посадников, и новгородских бояр"¹. Административным центром Двинской земли являлись деревни Матигоры и Ухтоостров.

Несмотря на то, что чуди посвящена целая главка этой книги, не удержусь от того, чтобы дополнить ее народными преданиями, которые бытовали среди жителей Холмогорского края. Некоторые из них были опубликованы этнографом П. С. Ефименко и священником А. Грандилевским. В народных преданиях подчеркивают богатырский рост и большую физическую силу древней чуди, ей приписывается способность переговариваться на большом расстоянии. "Холмогорская" чудь имела темный цвет кожи, черные волосы и глаза, типом лица — выдающимися скулами и небольшим носом — напоминающая "самоедов". Она отличалась свирепостью и жестокостью к своим врагам².

Двинская земля всегда была "лакомой" волостью Господина Великого Новгорода. Ее дремучие леса изобиловали пушным зверем, а реки и озера — рыбой. Поэтому к освоению этого края с его богатыми пушными, рыбными и соляными промыслами издавна стремились предприимчивые новгородцы. И когда на историческом небосклоне ярко вспыхнула звезда Москвы, интересы

¹ Крестинин В. В. Начертание истории Холмогор. — СПб., 1790. — С. 1—4.

² Ефименко П. С. Заволоцкая чудь... — С. 132—133; Грандилевский А. Родина Ломоносова // ИАОИРС. — 1909. — № 2. — С. 46.

Новгорода и молодой русской столицы в отношении "златокипящей" Двины столкнулись. При Иване Даниловиче Калите Москве были подчинены основные Владимиро-Суздальские земли, включая и Ростовское княжество вместе с Великим Устюгом. Таким образом, судьбы Москвы и Устюга — этих двух городов-братьев, зародившихся примерно в одно время во владениях Владимиро-Суздальского княжества, с середины XIV века были объединены тесными политическими, экономическими и культурными отношениями.

В своей объединительной политике, направленной против Новгорода, Москва использовала самые разнообразные средства, и, по образному выражению академика С. Ф. Платонова, власти "...добром и злом, силой и ласкою собирали Северную Русь". Из Холмогорской летописи мы узнаем о походе 1328 года великого князя московского Юрия Даниловича "с новгородцы" на Двину, когда был захвачен Великий Устюг и открыт путь на Пермь Великую².

После блестящей победы на поле Куликовом значение общерусского центра окончательно укрепилось за Москвой, которая неизменно проводила политику объединения русских земель, преодолевая упорное сопротивление отдельных областей и особенно Новгорода. В это время Великий Устюг выступает на стороне Москвы, а уже в 1386 году участвует в походе Дмитрия Донского против новгородцев³.

Не сидели сложа руки и новгородцы. В 1398 году новгородско-двинские рати разграбили Великий Устюг, а в дальнейшем и Белозерские земли⁴.

¹ Шильниковская В. П. Великий Устюг. — М., 1987. — С. 12.

² ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 80.

³ Шильниковская В. П. Великий Устюг... — С. 10.

⁴ ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 143.

Поход 1398 года новгородских карательных отрядов в Двинскую землю возглавил воевода Дмитрий Иванович. В результате этой акции Подвинье осталось во владении Великого Новгорода¹.

"Москали" стали проводить политику "кнута и пряника". В 1397 году великий князь московский выдал "Двинскую уставную грамоту", составленную в интересах двинских бояр и купцов, на которых Москва делала ставку в борьбе с Новгородом².

В 1398 году новгородцы силой оружия вновь вернули себе Двинскую землю. В начале XV века многострадальная северная окраина Новгорода вновь испытала на себе военное противостояние двух столиц Руси. 1417 год вошел в историю как год Двинской войны. Боярин князя Юрия Дмитриевича Глеб Семенович с воеводами Семеном Жадовским и Михаилом Росохиным (Росухиным) во главе вятчан и устюжан начали военные действия в Подвинье. Результатом войны было сожжение Коломогор, разорение Емцы и волости Борок на Двине. Пленные новгородские бояре Юрий Иванович, братья Самсон и Афанасий Ивановичи были отправлены в Москву.

Двиняне, собрав силы, выступили на Великий Устюг. И только "великий мор", вызванный неурожаем, приостановил бессмысленную войну³.

В 1471 году устюжский наместник В. Ф. Образец по приказу царя Ивана III выступил "воивати Двинскую Землю". Соединенные отряды устюжан и вятчан сошлись в битве на реке Шиленге с двенадцатитысячным войском двинян и печорян, которым командовали новгородский

¹ Устюжский летописный свод. — М—Л., 1950. — С. 66—89.

² Советская историческая энциклопедия (далее: СИЭ). — 1964. — Т. 5. — С. 12.

³ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 96.

князь В. В. Шуйский и двинской воевода Василий Макафорович. Двиняне и новгородцы потерпели поражение¹.

Весной 1497 года двиняне подчинились великому московскому князю Василию Дмитриевичу. Пискаревский летописец сделал пометку "о двинянах, како дашася великому князю"². Двинская земля была окончательно подчинена Москве.

Продолжим рассказ об истории Двинской земли, ее столицы Холмогор и о жизни ее обитателей.

В. В. Крестинин, К. Молчанов, а также многие современные историки упоминают благословенную грамоту новгородского архиепископа Иоанна архангельскому игумену Луке и, основываясь на этом документе, относят основание Михайловского Архангельского монастыря к XII веку. Можно приветствовать патристический порыв наших земляков-историков и краеведов, однако, как говорится, "Платон мне друг, но истина дороже". Крупнейший специалист по истории Севера А. А. Шахматов в своей работе "Исследование о двинских грамотах XV века" дал аргументированную датировку благословенной грамоты, связав ее хронологически с временем архиепископа Иоанна, который занимал софийскую кафедру в 1388—1444 годах³.

Современный исследователь В. Ф. Андреев при подготовке своей статьи "О дате основания Михайловского Архангельского монастыря" провел кропотливую работу по уточнению датировки благословенной грамоты и установил хронологические рамки ее появления: не ранее

¹ ПСРЛ. — Л., 1977. — Т. 33. — С. 123; Т. 37. — С. 92—93.

² ПСРЛ. — М., 1982. — Т. 34. — С. 148.

³ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. — СПб., 1903. — Ч. 2. — С. 145.

8 февраля 1389 года и не позднее 20 января 1415 года¹. Благословенная грамота представляет интерес и как важный исторический источник, так как в ней перечисляются все категории свободного населения Двинской земли конца XIV века. Приведем выдержку из этого документа: "И буди милость божия и святыя Софии и святого Михаила на посадниках двинских, и на двинских боярах, и на боярах новгородских, на владычне наместнике, на купецком старосте и на всех купцах новгородских и заволоческих, и на игуменах, и на попех, и на всем причте церковном, и на соцком, и на всех крестьянах, от Емцы и до моря, что есть потребовали милости божией, святому Михайлу вседневную службу"².

Текст грамоты подтверждает вывод о том, что Михайловский Архангельский монастырь был создан как головной монастырь Двинской земли в период новгородского правления.

Другая чрезвычайная ценность благословенной грамоты как исторического источника состоит в том, что она раскрывает систему управления Двинской землей в новгородское время.

В грамоте особо выделяются новгородские и двинские бояре. Вопрос о двинских боярах в последнее время приобрел для историков особое значение, так как связан с выводами не только об организации управления новгородскими землями, но и о характере землевладения и степени дифференциации крестьянского мира на Севере.

Попробуем разобраться в этой непростой иерархии управления.

Начнем с двинских посадников. Слово "посад" ("посадить") в древнерусском языке означало возведение в

¹ Андреев В. Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. — Л., 1988. — С. 68.

² Там же. — С. 68—69.

сан, "дарование" власти. Посадники являлись по существу наместниками Великого Новгорода в Двинской земле. В местном управлении отсутствовала новгородская должность тысяцкого, название которой ассоциируется с числовым обозначением и делением на сотни ("сотский"). Во многих договорных грамотах употребляется выражение "а купец поидеть въ свое сто, а смердъ въ свой погост". Можно сделать вывод о том, что объединение в сотни было характерно для торгового сословия — купцов, которые имели своих сотских. В 1397 году в Двинской уставной грамоте от Василия Дмитриевича говорится об одном сотском на всю Двинскую землю. Надо полагать, что сотский на Двине равнялся тысяцкому в Великом Новгороде¹.

Волостями "командовали" старосты. Еще в 1016 году упоминаются старосты, ходившие с Ярославом на Святополка. Из грамоты Андрея Александровича (1294—1304 гг.) можно узнать о том, что на Двине старосты заведовали сборами различных повинностей с населения. Употреблялось даже выражение "к старости тянути".

Управление было мирским и духовным. Владычный наместник управлял Двинской землей от имени Святой Софии и новгородского архиепископа.

Историк и этнограф из Архангельска, почетный доктор русской истории Александра Яковлевна Ефименко так характеризует двинских бояр: "Они не были такими значительными собственниками, как бояре новгородские... Двинские бояре, местные богатые земцы держали в руках управление краем, как новгородские бояре — управление Новгородом"². Ее оценку роли двинских бояр разделяли А. А. Шахматов, М. М. Богословский,

¹ Костомаров Н. И. История Новгорода, Пскова и Вятки... — С. 51—53.

² Ефименко А. Я. Исследование народной жизни. — М., 1884. — Вып. 1. — С. 259—260.

С. Ф. Платонов, С. В. Рождественский и другие ученые¹.

Кого же называли двинскими боярами? На этот вопрос дали обстоятельный ответ известные специалисты по истории землевладения на Севере Л. В. Данилова и А. И. Копанев. Процесс образования мелких вотчинников из крестьянской среды Л. В. Данилова прослеживает по актам XIV—XV веков, придя к выводу, что "в северных владениях Великого Новгорода сохранились значительные массы чернососпного крестьянства". В отношении Двинской земли этот вывод подтверждается данными так называемых "двинских списков". Это четыре документа, вошедшие в Новгородский сборник: общий список двинских земель, принадлежавших великому московскому князю (1462—1471 гг.), список волостей великого князя, захваченных новгородцами на Пинеге и Мезени (от 25 марта 1471 г.), отказная новгородская грамота на Пинегу и Мезень (1471 г.) и выпись из судейских списков о двинских землях, захваченных новгородскими феодалами (1471—1476 гг.)².

Рассмотрим только первый из названных документов. Великокняжеские владения по большей части располагались в нижнем течении Двины и по берегу Белого моря. Все побережье на запад и на восток от устья Двины принадлежало великому князю. Во владения

¹ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. — СПб., 1903. — Ч. 2. — С. 47; Богословский М. М. Земское самоуправление в XVII в. — М., 1909. — Т. 1. — С. 8; Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. — Пг., 1923. — С. 18—19; Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI вв. // Известия АН СССР. — VII сер. — № 1 / Отдел гуманитарных наук. — Л., 1929. — С. 49—70; № 2. — С. 135—154.

² Черепнин Л. В. убедительно доказывает, что Новгородский сборник был составлен в Москве в 70-х годах XV в. и имел целью доказать обоснованность прав московского князя на Новгород вообще и Двинскую землю в частности. (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. — Ч. 1. — М—Л., 1961. — С. 334—342.)

великого князя Ивана III входили промысловые погосты Ненокса и Уна; расположенные в дельте Северной Двины острова-волости Княж Остров, Конев Остров, Соломбала, Терпилов погост, Великая Курья и часть Лисеострова; в районе Холмогор — половина Нальострова, Курострова, Чухчеремы, Ухт-острова и Лукин берег. Великокняжеские земли были также на Пинеге, Мезени, Верхней Тойме и т. д.¹

Двинские списки не только свидетельствуют о наличии "черных земель" на Двине вплоть до падения Новгорода, но и показывают, как широко распространены были они по всей Двинской области. Двинская земля не была покрыта столь же густой сетью вотчин, как основная территория Новгородского государства. По документам XIV—XVI веков можно выделить лишь два района Подвинья, где новгородские бояре имели значительные вотчины, — это Вага и Емца.

Термин "двинские бояре" в известных нам документах впервые появляется в благословенной грамоте новгородского архиепископа Иоанна и в связи с событиями 1397 года, когда двиняне "ко князю великому целоваша крест". Тогда, по сообщению летописи, двинские бояре захватили и поделили между собой волости новгородских бояр. К двинским боярам обращается великий князь Василий Дмитриевич в своей Уставной двинской грамоте 1397 года: "пожаловал есмь бояр своих двинских". Таким образом, в письменных источниках двинские бояре противопоставляются новгородским. Их политическая ориентация на Москву отражала заинтересованность Двинской земли в укреплении экономических связей с центром Руси².

¹ Копанев А. И. Землевладение в новгородские времена... — С. 281—282.

² Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XV—XVI вв. — М., 1955. — С. 236—246.

В 1970-е годы вологодский историк Ю. С. Васильев посвятил специальное исследование вопросу о двинских боярах. На основе архивных материалов, тщательных генеалогических изысканий он делает два важных вывода. Во-первых, управление новгородскими волостями — как Двиной, так и Вагой, — находилось в XIV—XV веках в руках новгородских бояр. Определения "двинской" и "важский" применительно к посадникам обозначали (так же, как "ладожские", "вологодские" и т. п.) лишь место посадничества новгородских бояр. Во-вторых, земли по Северной Двине и ее притокам Емце и Ваге принадлежали в конце XIV—XV веках исключительно новгородским боярам. Известные нам источники по Двинской и Важской землям новгородского периода не дают основания говорить о существовании двинских, местных бояр. За формулой "ина всех боярах на двинских" следует видеть новгородских бояр, имевших вотчины на Двине¹.

Познакомившись с точкой зрения Ю. С. Васильева, согласимся с тем, что боярская аристократия Великого Новгорода была довольно замкнутой кастой, которая, вероятно, не стремилась способствовать тому, чтобы местные двиняне пополняли ее ряды. В то же время это не означает, что на Севере не было своих толстосумов. Общеизвестно, что царь Иван III провел несколько конфискаций земель в Новгороде, которые коснулись и Двинской земли.

Первая конфискация 1476 года, связанная с "поиманием новгородских шести бояринов великих", привела к ликвидации вотчин боярина Богдана Есипова, входившего в эту шестерку и владевшего на Емце двумя

¹ Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI веков // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. — Вып. 1. — Вологда, 1976. — С. 14.

волостками. Следующая крупная конфискация боярских земель проводилась в 1484 году. Она также коснулась Двинской земли, так как была "поймана" и "пограблена" боярыня Анастасия, жена Ивана Григорьевича, имевшая на Емце три волостки. Но, видимо, окончательная ликвидация новгородских владений в Двинской земле относится к 1487—1489 годам, когда изъятию подверглись земли не только "великих бояр", но также средних и мелких землевладельцев, которые не были лояльны к московской власти¹.

В отличие от земель, конфискованных Иваном III в новгородских пятинах, двинские земли не пошли в раздачу помещикам, быть может, в силу отдаленности Двинской земли от центра или их малой хозяйственной выгоды. Конфискованные на Двине земли перешли в разряд государственных, оброчных, а затем слились с "черносошными" землями. Своеземцы, сохранившие после конфискации Ивана III вотчины, претерпели существенную эволюцию, они постепенно сближались с крестьянами. Стирание различий между своеземцами и крестьянами не привело к имущественной нивелировке сельского населения. Как и в новгородские времена, в среде северного черносошного крестьянства появлялись богатеи. Именно в этот период складываются земельные и промысловые угодья Прошельниных, Кологривовых, Амосовых и других².

Прав был историк С. Ф. Платонов, подчеркивавший во многих своих работах, что "боярский захват особенно характерен для областей по южному и западному побережью Белого моря, по рекам Онеге и Северной Двине; уже в глубокой древности заметны более де-

¹ Копанев А. И. Землевладение после присоединения к Москве // Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI века. — Л., 1971. — С. 286—287.

² Там же. — С. 286—287.

мократические организации — волости и погосты с населением из "двинских бояр" и простых землевладельцев. Особенно на Северной Двине и ее левых притоках был силен крестьянский "мир" и было относительно слабо воздействие новгородской знати"¹.

Историк М. М. Богословский воссоздал картину земского самоуправления в Поморье с его выборными властями. Он же привел образцы различного рода документов, относящихся к земским порядкам на Севере. Но его сведения в основном относятся к XVII веку. Однако нет никакого сомнения в том, что и в более раннее время, в частности, в XV—XVI столетиях, земское самоуправление на Севере играло большую роль.

Крестьяне Русского Севера имели особую форму объединения — "крестьянский мир". Исследователь С. В. Юшков считал, что крестьянский мир "един, но троичен в своих проявлениях". В крестьянском "мире" объединялись функции волости (организация власти и управления), прихода (удовлетворение религиозно-духовных потребностей) и поземельной общины (регламентация материально-хозяйственной сферы)².

Волость как административная единица осуществляла власть и вела надзор над всеми землями ее территории. Фискальные обязанности волости: раскладка и сбор государственных налогов, всевозможных поборов в пользу наместников и на собственные нужды — требовали точного учета земельных владений каждого жителя и его имущественного положения. С усвоением волостью административно-фискальных функций и с развитием

¹ Платонов С. Ф. Новгородская колонизация Севера // Очерки по истории колонизации Севера. — Вып. первый. — Пг., 1922. — С. 30.

² Юшков С. В. Очерки по истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв. // Летописные занятия Археографической комиссии. — М., 1913. — С. 34.

самоуправления совершается окончательное формирование волости-общины¹.

Основоположник историографии Русского Севера В. В. Крестинин в своей работе "Исторические начатки о двинском народе" пишет о больших правах населения, "по которым должны они были избирать сами, из природных своих двинян, главных правителей над собою. Сии земские начальники назывались сотскими и без сомнения были они главные судьи и главные сборщики казенной дани с двинского народа. Служба их продолжалась по-видимому до 1508 года"².

Крестьяне "черных" волостей получали особые жалованные грамоты, устанавливающие у них выборные должности для суда и "расправы". Уставная грамота некоторых волостей Двинского уезда, данная в 1552 году царем Иваном Васильевичем, представляет собой своего рода судебник. Грамоте предшествует оглавление из 32 статей с указанием, какие именно дела отмечаются в грамоте. Царь жалует крестьян выборным судом, уничтожая должности волостителя и тиуна. За различного рода пошрины, которые крестьяне платили раньше, устанавливался оброк в 100 рублей, который надо было платить один раз в год перед великим постом на масленице. Во главе самоуправления должны стоять "излюбленные головы", которых выберут сами волостные крестьяне³.

Москва получила от Новгорода Заволочье и Двинскую землю с уже довольно развитой земской организацией. Реформы царя Ивана Грозного внесли в земские структуры еще большее единство и соразмерность земских элементов.

¹ Коланев А. И. Землевладение после присоединения к Москве... — С. 289—290.

² Крестинин В. В. Исторические начатки о двинском народе... — С. 25.

³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии... — С. 235.

Что такое земский мир на Севере? Первичными слагаемыми "мира" являются три основных элемента: деревня, волость, уезд, а также промежуточные: двор, стан, посад.

Историк А. Я. Ефименко считала деревню союзом семейно-родового происхождения, идентичной на первых порах двору и заключавшей в себе одну семью со "старшим" во главе ее. Затем, по мере разрастания семьи, некоторые ее члены выделяются в особое хозяйство, в особый двор. Таким образом деревня строится как "одно поземельное целое".

Развитие двора-деревни в указанном направлении создает сложную систему отношений, "покоящихся на совладении какими-либо определенными участками земли. Пашня была разбита на смены, а смены на поля или коны, причем каждый двор деревни имел участок непременно в каждом кону каждой смены, точно так же, как каждый двор имел участок в каждой пожне, в каждом переложке, в каждой закраинке..."¹.

Крупнейший специалист по истории земского самоуправления М. М. Богословский определяет волость как союз деревень для "разрешения земельно-правовых и нравственных отношений между отдельными членами". Уезд — это союз волостей, объединенных теми же целями по отношению к нему, как деревня — к волости. "Деревня на Севере была первичным союзом в той сложной сети союзов, в которую сплеталась общественная жизнь в Поморье". Таким образом, "мир на Севере — это самоуправляющийся публично-правовой общественный союз, связанный интересами общего блага"². "До Бога высоко, до царя далеко, а за миром не пропадешь", — так говорили в народе.

Крестьянство Двинской земли, как известно, сидело на "черной" земле. Слово "черный" в Древней Руси

¹ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни... — Вып. 1. — С. 214.

² Морозов А. А. Юность Ломоносова... — С. 27—30.

означало "никому не принадлежащий", "общий", "мирской". Верховным собственником "черной" земли считалось государство. Однако поселившиеся на ней крестьяне неизменно указывали в различных актах: "земля царева и великого князя, а моего владения", "земля великого князя, а отцовское и мое носилье"¹.

К *черносошным* крестьянам относились крестьяне, владевшие участками "черной" земли. Были на Двине и другие категории тяглого населения. Половники не имели своих участков, они работали на хозяина два или три года за долю урожая (часть, половину, отсюда название — "половники"). Наконец, имелись бобыли, к которым относились "непашенные люди": ремесленники, рабочие на соляных, рыбных и других промыслах, несшие в казну особое тягло, получившее название "бобыльского оброка".

На каждом шагу северный крестьянин был связан со своим "миром". Да как же могло быть иначе, ведь без "мира" на Севере невозможны были многие начинания: освоение земельных, речных и озерных угодий, прокладка дорог, строительство церквей и часовен.

В приходе, границы которого нередко совпадали с волостью, избирались не только церковный староста и приказчик, наблюдавший за казной, но и священник, нередко из самих крестьян. В конце XVII века первый архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий стремился ограничить вмешательство "миров" в церковные дела и прежде всего устранить выборность священников. Он приказал отобрать у церковнослужителей "порядные записи" и все другие акты, касавшиеся выборов. Но "миры" продолжали решительно отстаивать свои права².

Все важнейшие решения принимались на мирском

¹ Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. — СПб., 1908. — С. 214—216.

² Богословский М. М. Земское самоуправление в XVII в... — Т. 1. С. 192.

сходе, мирском совете, на станowych сходах и всеуездных земских советах.

Местом собраний, как правило, служила церковь. Здесь, в церковной трапезной, проводились различного рода судебные заседания, происходило обнародование царских указов и распоряжений местной власти, осуществлялся прием податей, совершалось заключение различных сделок и т. п.

"Все это делало церковные стены свидетельницами мирского шума и житейской суеты, а нередко грубых столкновений и безобразных скандалов", — так писал об этих порядках М. М. Богословский¹.

Усиление начал государственности в Московском царстве пагубно сказывалось на земском самоуправлении. Царь Иван Грозный вначале повелел управлять Двинской землей только одному земскому сотскому, который избирался ежегодно из числа двинян "вольными голосами народа". В 1550 году на Двину пришла очередная грамота от царя, в которой были расписаны земские права населения, определены денежные и вещественные сборы для двинских наместников, которые уже назначались государем. Летописи сохранили имена наместников: Обрезок Паздерин, князь Иван Шуйский, Васюк Бачурин, Василий Воронцов и Иван Полев². В 1557 году наместник Семен Иванович Микулинский "делал несправедливости и обиды" двинскому народу, но, поскольку в эти годы в Холмогорах открывались ворота для внешней торговли, московский двор решил "предохранить честь и пользу российского народа". Царь Иван Грозный отменил институт наместников и учредил "земские головы и двинские судьи", которые выбирались народом. Такая привилегия существовала в течение по-

¹ Там же. — Т. 1. — С. 204.

² Титов А. А. Летопись двинская... — С. 9.

следующих тридцати лет, а затем в Двинскую землю из центра стали присылаться двинские воеводы¹.

Конечно, земское и крестьянское самоуправление в Двинской земле нельзя представлять в идиллических красках. Царские власти порой беззастенчиво грабили крестьянские "миры". Двинские и поморские жители надолго запомнили "Басаргин правож" (1569 г.), когда царский опричник Басарга Леонтьев проводил насильственное взыскание денег с богатых северных крестьян, занимавшихся рыбной ловлей и морскими промыслами².

А теперь попробуем ответить на вопрос, где и когда были основаны Холмогоры. Наш знаменитый историкограф В. В. Крестинин считал, что первые уважаемые купцы обосновались в деревнях Курцево, Качково, Подрокурья, находящихся недалеко от Матигор и Ухтострова, резиденции новгородских начальников³.

Академик С. Ф. Платонов, ссылаясь на Уставную грамоту новгородского князя Святослава Ольговича (1137 г.), где упоминается Иван-погост, который позднее под наименованием Ивановского прихода вошел в состав Холмогор, считает его древнейшим поселением новгородцев в Двинской земле⁴. В Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге хранится древняя книга "Паремейник", написанная в 1271 году "Матигорыцам за Волок", которая принадлежала матигорской церкви Бориса и Глеба⁵.

¹ Выписка из начертания истории города Холмогор, сочиненного Архангелогородским гражданином Василием Крестининым // Месяцеслов исторический и географический на 1790 год. — СПб., 1790. — С. 116—117.

² Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии... — С. 253.

³ Крестинин В. В. Начертание истории Холмогор... — С. 5—6.

⁴ Платонов С. Ф. Новгородская колонизация Севера... — С. 32.

⁵ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XV вв.). — СПб., 1882. — С. 138.

Как географическое название Холмогоры упоминаются в первой половине XIV века в грамоте великого князя Ивана "к Двинскому посаднику на Колмогоры"¹.

В отношении даты основания столицы Двинской земли Холмогор и ее названия мнения историков расходятся. В XII—XIII веках, видимо, все официальные документы шли к посадникам на Матигоры и Ухтоостров. Первое письменное упоминание о северной столице относится в XI веку: "От Великого князя Ивана, от посадника Даниила, от тысяцкого Авраама и от всего Новгорода — к Двинскому посаднику на Колмогоры и к боярам Двинским..." — таково предисловие новгородской грамоты².

Василий Васильевич Крестинин дал первое географическое описание столицы Двинского края: "Холмогоры построены на Двинском острове, от Белого моря в 112 верстах. Западный берег Двины, разделяемый от материка небольшим протоком, составляет Холмогорский остров, простирающийся в длину около пяти верст, в ширину же около двух верст с половиною. Лежащие против Холмогор на Двине четыре не малые острова расширяют сию реку более десяти верст между берегами матерые земли. Острова сии называются: Куростров, Нальостров, лежащие к западу, Ухтоостров, Чухчеремский остров, лежащие к востоку..."³ Архангельский историк, ссылаясь на древний Новгородский летописец, рассказывает о нападении летом 1401 года "на Двинские жилища ратных людей Великого Московского Князя Василия Дмитри-

¹ Овсянников О. В. "Град, зовомый Колмогоры" // Средневековые города Архангельского Севера... — С. 63; ААЭ. — Т. 1. — № 5.

² Соколов М. Описание города Холмогор с очерком древней истории Двинского края. — СПб., 1875. — С. 10; Карамзин Н. М. История государства российского. — М., 1988.

³ Крестинин В. В. Начертание истории Холмогор... — С. 8.

евича, и о пленении на Холмогорах Новгородских Властелинов, посадников и бояр". В. В. Крестинин в своей небольшой, но обстоятельной книжке делает еще одно важное заявление: "История города Колмогор может показаться недостаточною, если собственное имя сего знатного места без основательного объяснения оставлено будет"¹.

В главе о Биармии уже говорилось о том, что М. В. Ломоносов категорически отвергал мнение немецких историков о происхождении названия своего родного города Холмогоры от скандинавской Голльмгардии.

Сам В. В. Крестинин считал, что "имя сего знатного места" возникло как сложение слов "холм" и "гора". Его мнение разделяли А. Н. Сергеев, И. Пушкарев и другие ученые². Историк Н. М. Карамзин производил его от финского числительного "колм" ("калме") — "три", отмечая, что на месте Холмогор раньше существовало три деревни, вместе называвшихся Трехгоркой: Курцево, Карповка и Падрокурье³. Ученый А. И. Шёгрэн пытался найти основы этого слова в зырянском (коми) языке. Он считал, что Колмогоры в переводе с зырянского означают "оставленный двор"⁴. Обстоятельное исследование о происхождении слова Холмогоры провел филолог К. Ф. Тиандер. Он отметил, что название Холмогоры в современной его огласовке утвердилось лишь в эпоху

¹ Там же. — С. 8, 11.

² Сергеев А. Н. Опыт объяснения названия русских городов // Сборник в память первого русского статистического съезда 1870. — СПб., 1875. — С. 603—635; Пушкарев И. Описание Российской империи. — Т. 1. — Кн. 2. — Архангельская губерния. — СПб., 1850.

³ Соколов Н. Описание города Холмогор... — С. 5; Куратов А. А. Северная ономастика // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья: Сб. статей. — Архангельск, 1991. — С. 47.

⁴ Тиандер К. Ф. К истории города Холмогоры... — С. 3.

Петра I. В древних документах и летописях оно всегда писалось с начальной буквы "К" — Колмогоры, потому объяснять его происхождение созвучием с русскими словами "холм" и "горы" было бы неверным. К. Ф. Тиандер выдвинул свою гипотезу, вернувшись к скандинавскому варианту — Хольмгäрд. Он считал, что Холмогоры не были ни местом языческих жертвоприношений, ни древним городом, упоминавшимся в сагах о Биармии: "Принимая в соображение центральное положение этой местности, глубокое здесь течение Двинских вод и то обстоятельство, что соединение Пинеги открывает путь в отдаленные страны Мезени и Печоры, легко убедиться в важности этого пункта в торговом отношении. На самом деле Хольмгäрд был скандинавской торговой колонией, пристанищем викингов, приезжавших к низовьям Двины с целью мирной торговли"¹.

Таким образом, сегодня нет единой точки зрения о происхождении названия древней столицы Северного края, и вопрос по-прежнему остается открытым.

В XVI веке крупным событием в жизни Двинской земли, да и всей России, стало установление торговых связей через Белое море со странами Западной Европы. 24 августа 1553 года в устье Северной Двины, недалеко от Николо-Корельского монастыря, бросил якорь английский корабль "Эдуард — благое предприятие" под командованием капитана Ричарда Чанселлора². Летопись двинская так отобразила это важное событие: "Приде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в малых судах от английского

¹ Там же. — С. 9—11.

² Чанселлор — точнее, чем обычно употребляемая транскрипция "Ченслер", "Ченслор", "Чанслер". (В журнале "Великобритания в России", выпущенном в сентябре 1994 г. с посланием ее Величества королевы Елизаветы II, в исторической справке указывается — Чанселлор).

короля Эдварда посол Рыцарт, а с ним гости; и сказался, что он идет к великому государю к Москве. И царя великого князя прикащики, холмогорские выборные головы, Филипп Родионов, Феофан Макаров и земские судьи о приходе того английского посла и гостей с Холмогоры писали к Царю и к великому князю к Москве..."¹ Подробности, связанные с поездкой Ричарда Чанселлора в Москву, прием, оказанный ему царем Иваном Грозным, установление торговых связей между Россией и Англией освещены в работе Ю. В. Готье².

Во многих историко-географических книгах получила широкое распространение легенда об "открытии Московии" Ричардом Чанселлором и приоритете англичан в установлении дипломатических связей с Россией. Оба эти утверждения ошибочны. Первыми людьми, наладившими отношения между Московской Русью и Англией, были русские: князь И. И. Засекин-Ярославский и дьяк С. Б. Трофимов. Они посетили Лондон и нанесли визит английской королеве еще в 1524 году — за 30 лет до путешествия Чанселлора. В середине 1550-х годов художник Ганс Гольбеин написал портреты английских вельмож, изобразив их в одеждах, отороченных сибирскими соболями, которых, видимо, доставило английскому двору русское посольство³. Морской путь из Двины в Европу также был освоен древнерусскими мореходами. В 1496 году русский толмач (переводчик) Григорий Истома, выйдя из устья Северной Двины, обогнул Скандинавию и прибыл в Данию⁴.

¹ Титов А. А. Летопись двинская... — С. 10.

² Готье Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. — Л., 1936.

³ Лурье Я. С. "Открытие Англии" русскими в начале XVI в. // Географический сборник. — Л., 1954. — Т. 3. — С. 185—186; Гамель И. Англичане в России в XV и XVI столетиях. — СПб., 1865. — С. 35.

⁴ Шаскольский И. П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии // Путешествия и географические открытия. — М—Л., 1965. — С. 7—30.

Летом 1497 года посольство во главе с Дмитрием Зайцевым и Дмитрием Ларевым Греком возвращалось из Дании северными морями, вокруг Скандинавского полуострова. Дипломатический корабль прошел мимо Свейского королевства (Швеции), Мурманского Носа (Нордкапа) и благополучно достиг берегов Северной Двины. Отсюда через Великий Устюг царские посланники прибыли в Москву, доставив "докончательной грамоты о братстве и любви". Вместе с русскими дипломатами прибыл датский посланник Давыд, бывавший в Москве и раньше¹.

Морская дорога в Европу уже была проторена поморами, которые обслуживали различные дипломатические миссии. Летом 1500 и 1501 годов через северные моря в Данию и обратно совершили посольские вояжи дьяк Третьяк Долматов и Юрий Мануйлов Грек. Краткое летописное сообщение о визите в Данию Долматова и его товарищей содержит любопытную подробность. Во время плавания в арктических морях на русский корабль напали пираты. Стычка закончилась победой русских, и, как замечает летописец, царские посланники "с собой превезоша Якова разбойника, немчина сам третей"².

Вслед за русскими этим путем стали пользоваться и датчане. Послы датского короля в конце XV и в начале XVI веков посещали Двину неоднократно.

Этот маршрут повторили русские дипломаты Василий Власов и Дмитрий Герасимов. В 1537 году на итальянском языке была издана книга о России, написанная Паоло Джювио со слов Дмитрия Герасимова, который первым высказал мысль о существовании северо-восточного морского пути в Китай³.

¹ Устюжский летописный свод. — М—Л., 1950. — С. 100.

² Карамзин Н. М. История государства Российского... — Кн. вторая. — Т. 11. — Прим. 434. — С. 59.

³ Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. — СПб., 1884; Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути... С. 71—76; Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. — М., 1988.

В июле 1582 года царь Иван Грозный писал датскому королю Фридрику II, что "дорога к нашей вотчине, х Колмогорам, и х Коле волости, и х иным пристанищам морским, не ново ночалася... а дорога морем большим окияном к нашей вотчине х Колмогорам за много лет была, с сех мест лет за сорок..."¹

В Двинской земле сложился даже определенный порядок снаряжения и отправки царских дипломатов, направляемых в Западную Европу. Двинские жители собирали специальные деньги, носящие в документах название "посланников проезд", "посольские деньги", "послов разруб". А в архивах северных монастырей XVI века сохранились записи о пребывании здесь московских послов и их свиты. Эти записи свидетельствуют о непрекращающихся плаваниях русских по старинному морскому пути в Западную Европу².

Мы далеки от мысли принизить значение похода Ричарда Чанселлора. Хотя английская экспедиция далеко не первой прошла этим путем, но она дала новый импульс к установлению регулярных торгово-дипломатических связей между Англией и Россией.

В связи с развитием торговли с Европой резко поднялось значение Холмогор. При выборном голове Семене Дуде Холмогоры начали обустриваться. Англичане построили для себя несколько добротных красивых домов, каких прежде, как отмечал летописец, не видано было никогда. Торговый агент Грей, побывавший здесь в первой экспедиции, развил бурную деятельность. В 1555 году он стал заведовать строительством канатной фабрики, а два года спустя для организации работы на

¹ Мавродин В. В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на Севере Европы с древнейших времен и до XVI века // Вопросы истории. — 1954. — № 8. — С. 102.

² Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути... — Т. 1. — С. 32—33.

фабрику было направлено несколько английских специалистов. Из иностранных источников мы узнаем, что английская компания предписывала своим агентам заготавливать как можно больше канатов, потому что это был один из главных русских товаров и изготовление канатов на Русском Севере обходилось компании дешевле, нежели закупка в Данциге. В Холмогорах восемь мастеров канатного производства ежегодно использовали для изготовления канатов более 90 000 фунтов пеньки¹. В это же время в Холмогорах открылась Английская контора для организации торговли, были выстроены обширные амбары для складирования товаров².

В последнее время в периодической печати были опубликованы интересные исторические материалы краеведа Л. Шмигельского, в частности, в газете "Правда Севера" появилась статья "Порт святого Николая". Автор утверждает, что первым портом на Севере стал порт святого Николая, расположенный на Яграх ("Розовом острове"), недалеко от Николо-Корельского монастыря³. Действительно, Никольский причал стал своеобразным транзитным пунктом торговли, а иностранные ученые, моряки и купцы на своих картах, в книгах и деловой переписке величали его "портом св. Николая". Англичане придавали такое значение первому российскому окну в Европу, что одно время все Белое море называли заливом святого Николая⁴.

За годы существования порта св. Николая в нем побывало множество послов и гонцов, которые оста-

¹ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1991. — С. 215.

² Соколов Н. Описание города Холмогор... — С. 30.

³ Шмигельский Л. Порт святого Николая // Правда Севера. — 1996. — 18 мая.

⁴ Готье Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве... — С. 238.

навливались в Николо-Корельском монастыре. В документах монастырского архива имеются упоминания о приездах посольств Федора Андреевича Писемского, отправившегося в Лондон летом 1582 года, Андрея Григорьевича Совина (1569 г.), царского посланника Максака Федоровича, ехавшего в сентябре 1582 года в Печенгу. Имеются важные сведения и об иностранных дипломатах. Одним словом, Никольский порт на посольских дорогах был заметным пунктом¹.

Посад Холмогорский был преобразован в город, а для поднятия статуса Двинской земли ее правителями в ранге воевод стали назначаться опытные политики из самых именитых фамилий. Как сообщает двинская летопись, первым воеводой был назначен князь Василий Андреевич Звенигородский, в руках которого была сосредоточена вся власть в крае — гражданская, военная, судебная².

К XVII веку Холмогоры стали самой заселенной областью Двинской земли. Здесь большое развитие получили речное и морское судостроение, лесопиление и мукомольное дело, смолокурение, плотничество, нарождалось косторезное ремесло, имелись канатные, прядельные и ткацкие предприятия, кузницы и слесарни.

В Холмогоры посылались царские заказы на изготовление костяных гребней и гребенок, а лучших мастеров призывали на работу в Москву. Особенно славились придворные гребенные мастера из Холмогор братья Семен да Евдоким Шешенины³. О значении холмогор-

¹ Шаляпин С. О. Никольский причал // Летописец Севера: Историко-краеведческий сборник — Архангельск, 1990. — С. 22—31; Остров Розовый в море Белом: Историко-краеведческий сборник. — Северодвинск, 1992. — С. 4—34.

² Титов А. А. Летопись двинская... — С. 15.

³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. — Кн. первая. Государев двор или дворец. — М., 1990. — С. 235.

ской торговли нам сообщает документ 1588 года, в котором говорится: "Кто приедет к Колмогорам на Двину с Вологды, с Устюга, из Каргополя, и из которого города ни буди, в насаде или в дощанике, или в каком судне ни буди, и с тех судов велено имати судовые подъемные грузовые пошлины"¹.

Приведем перечень товаров, которыми торговали в Холмогорах, помещенный в грамоте 1588 года двинским целовальником (сборщиком налогов и пошлин): мед, воск, икра, масло, сало, медь, олово, свинец, "мягкие товары" (меха соболя, куницы, бобра, белки, зайца), бархат, атлас, шелк, сукно, платье, хлопчатая бумага, ладан, фимиам, перец и прочее². Иногородние купцы обязаны были останавливаться только в Холмогорском гостинном дворе и там торговать. Из той же грамоты мы узнаем, что в Холмогорах торговали английские, голландские (брабантские) и шпанские "немцы"³.

Главным средством сообщения населения Двинской земли были реки. В XVI веке с развитием заморской торговли основным водным путем становится Северная Двина. К бассейну этой реки сходились многочисленные торговые пути всего северо-востока до Урала и Волги. Сюда переправлялись товары, шедшие по рекам Белой, Вятке и Каме. По главной торговой улице — Северной Двине — под парусами и на веслах шло множество различных судов: "насады", "дощаники", "каюки", "облаты" и даже плоты. Сохранившиеся таможенные книги Великого Устюга, Сольвычегодска и Тотьмы наглядно показывают, как обилен и разнообразен был поток товаров по Великому северному речному пути: "мягкая

¹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии... — С. 250.

² Сборник грамот коллегии экономии. — СПб., 1922. — С. — 112.

³ Крестинин В. В. Начертание истории Холмогор... — С. 12—13.

рухлядь", кожа, смола, деготь, различные металлы и изделия из них, сукна, одежда, заморские пряности...¹

В конце XVI века в Двинской земле была учреждена исправная ямская гоньба — с переменами до четырнадцати лошадей на отдельных ямах (почтовых станциях). Агент английской компании Дженкинсон с удивлением отметил, что в 1557 году он проехал в почтовых санях от Вологды до Москвы меньше чем за шесть дней². Но главным средством сообщения все же были реки³.

Главные соляные варницы Двинской земли были в Неноксе и Уне. Двинские купцы покупали соль и свозили в Холмогоры, а отсюда она шла во все концы Московской Руси. Согласно царской грамоте от 1550 года только двинянам и важанам была дана привилегия закупать соль в усольских слободах из первых рук. Деликатесная беломорская семга была обложена особым сбором — "царской десятинной семгой". Эта рыба также вывозилась в Холмогоры, а отсюда уже направлялась для продажи в Москве и за рубежом⁴.

Из иностранных источников нам известно, что второе место в развитии торговли среди русских рек после Волги занимала Северная Двина, поддерживавшая торговые связи северного края с внутренними областями государства. Первое место в торговле мехами, как отмечали английские торговые агенты, занимали Холмогоры. Сюда на зимнюю Никольскую ярмарку привозили

¹ Таможенные книги Московского государства XVII века. — Т. 1. Северный речной путь. Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотма в 1633—1636 гг. — М—Л., 1950.

² Готье Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве... — С. 76.

³ Морозов А. А. Юность Ломоносова... — С. 17.

⁴ Крестинин В. В. Начертание истории Холмогор... — С. 12—13.

на оленях из Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска редкие и дорогие меха: собольи, куньи, лисьи белые, черные и рыжие, заячьи и горностаевые¹.

Не случайно цари дорожили Заволочьем и Двинской землей. При Иване Грозном государство делилось как бы на две части. Собственностью государя была "вдовья доля" — опричнина, другая часть — земщина — была отдана Думе. В опричнину были зачислены северные уезды с богатыми торговыми городами Вологдой, Устюгом Великим, Каргополом, Холмогорами, землями по Двине и Ваге².

До XVII века Холмогоры именовались посадом и не имели оборонительных сооружений. Начало следующего века вошло в историю России как "смутное время". В 1608 году в Холмогорах произошло невиданное событие. Двинской народ осудил на смерть воеводу Ивана Васильевича Милюкова по прозвищу Гусь и дьяка Илью Иванова сына Елчанина "за неумеренное лихоимство, которым препятствовал он (Елчанин — В. Б.) двинянам отправлять в Москву даточных, то есть вольных наемных ратников против неприятелей поляков и русских изменщиков. Приговор был приведен в исполнение, несчастный дьяк был утоплен в Двине"³.

В 1613 году по указу государя Михаила Федоровича двинской воевода Никита Михайлович Пушкин построил в Холмогорах на самом берегу Двины острог. Эта превентивная мера обороны города оказалась кстати. В этом же году большое войско ляхов, литовцев и русских изменников вторглось в пределы Двинской земли. Прослышав о существовании богатого Сийского монастыря

¹ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве... — С. 195—196.

² Скрынников Р. Г. Начало опричнины. — Л., 1966. — С. 253.

³ Выписка из начертания истории города Холмогор... — С. 119—120.

и "великого торгового посада" Холмогор, "воры" и "изменники" решили их "пограбить". На пути в Сийский монастырь враги встретили хорошо укрепленный Емецкий острог, который они решили обойти. Двиняне и емчане устроили в лесу засаду на неприятеля. В результате короткой битвы враг бежал, оставив три знамени и несколько пленных. В память о сражении с "воровскими людьми" эта местность стала именоваться Ратонаволоком, то есть "битвой на наволоке" (наволоком называлась отмель или заливной луг)¹. 6 декабря 1613 года у стен Холмогорского острога появилось около семи тысяч поляков. Успешная вылазка холмогорских стрельцов и местной "вольницы" не позволила им войти в город. Простояв безрезультатно три дня, неприятель отступил на Вагу и в поморские волости, которые они "разорили и окровавили"².

В 1621 году в Холмогорах был построен новый острог.

Вероятно, с 1621 года в Холмогорах появились стрельцы, гарнизон их во много раз превосходил вооруженные силы Новохолмогор (Архангельска). В 1629 году из Холмогор отсылались отряды и караулы стрельцов в Пустозерск и Колу. В 1646 году в Холмогорском гарнизоне находилась уже тысяча стрельцов.

Первые сведения о количестве посадских дворов в Холмогорах относятся к 1675 году. Таких дворов было 645, а в них проживало 1391 человек. Примечательно, что в 1678 году в Холмогорах было два немецких двора, а к 1688 году не осталось ни одного. Объясняется это тем, что торговый и административный центр Двинской земли постепенно перемещался в Архангельск³.

¹ Орлов Н. Смутное время (начало XVII в.) и Русский Север // ИАОИРС. — 1913. — № 4. — С. 176—177.

² Титов А. А. Летопись двинская... — С. 17—19.

³ Соколов Н. Описание города Холмогор... — С. 33—34.

ЗАОНЕЖЬЕ

ДОЛГО размышлял над названием этой главки, точнее, над тем, не введу ли я им читателя в заблуждение. Ведь в наше время *Заонежьем* называют только северное побережье Онежского озера — Заонежский полуостров. Но речь пойдет о другом — историческом — Заонежье. В XV веке так называлась обширная территория вокруг Онежского озера, которая простиралась далеко к югу, включая реки Свирь и Оять, восточное побережье Ладожского озера, бассейн реки Волхова, и подходила вплотную к самому Новгороду.

Этот благодатный край с давних времен входил в составе Обонежской пятины в обширные владения Великого Новгорода.

На севере Заонежье доходило до "студеного" или "дышащего" Белого моря. Первые русские землепроходцы, пришедшие к его берегам, были изумлены явлением морских приливов и отливов. Поэтому они называли море "дышащим". В состав Заонежья входило беломорское побережье от устья реки Шижмы на западе и до устья реки Унежмы, включая озера Мунозеро, Санда, Выгозеро и реку Выг. Восточная граница Заонежья охватывала Водлозеро, реку Водлу и ее притоки, уходя на юго-запад по водоразделу между бассейном Онежского озера и левыми притоками реки Онеги и реками, впадающими в Белоозеро¹.

По территории Онежского края протекает суровая и величественная река Онега. Земли вдоль этой реки носят название *Поонежья* или *Прионежья*. Существует несколько версий о происхождении названия реки. Многие филологи считают, что это финно-угорское слово, означающее в переводе "быстрая", "шумная", "стремительная", а, возможно, и "холодная". Любопытно, что, по одной из гипотез, А. С. Пушкин, образовав фамилию своего героя от названия этой северной реки, хотел подчеркнуть холодность натуры Онегина².

Заселение русскими земель Заонежья и Поонежья началось уже в IX веке с Ладоги и Великого Новгорода, которые стали своеобразными базами для их дальнейшего продвижения на Север и Восток.

К этому времени относит летописец знаменитое хо-

¹ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья... — С. 54—55.

² Боровой В. Я. Там, где течет Онега // Онега. — 1994. — С. 11; Тарханов А. Е. Почему Евгений Онегин? // В мире книг. — 1979. — № 6.

дение отроков новгородца Гюряты Роговича на Печору, к середине XI столетия — поход на емь, а к началу XII столетия (1114 г.) — поход через Обонежье и Заволочье "в печеру" и "югру"¹.

Наиболее ценный источник, содержащий сведения о характере древнего новгородского расселения в Обонежском крае, — Уставная грамота (устав) 1137 года князя Святослава Ольговича Новгородской епископии, определившая долю церкви в княжеских доходах. В ней перечисляются поселения по южному и восточному берегам Онежского озера и по берегам Онеги. Вначале новгородцы взимали дань с подвластных им племен. Для того, чтобы выступить в дальние походы на северо-восток (на Печору) и северо-запад (на Терской берег), им нужно было закрепиться в Заонежье².

Заонежье стало одной из первых областей Русского Севера, где было установлено феодальное землевладение. В Северном Заонежье утвердились новгородский тысяцкий Дмитрий Васильевич и посадник Афанасий Есифович. Но самой крупной владелицей земель в Заонежье была Марфа Борецкая. Земли Марфинские Исаковы "были необозримы и далеко выходили за пределы Заонежской половины". К примеру, в Никольском Оштинском погосте за Марфой Посадницей числилось 214 деревень с 247 дворами в них, в Вытегорском Покровском погосте — 59 деревень с 79 дворами. За ней были записаны также вотчины в Кижском, Мегорском, Пудожском погостах и очень небольшая — в Водлозерском.

Одним из главных источников экономического и по-

¹ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 107.

² Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. — М., 1976. — С. 148.

литического могущества рода Борецких были их владения по побережью Белого моря: по Карельскому, Зимнему и Летнему берегам.

Из других крупных новгородских феодалов в Заонежье следует упомянуть Федора Остафьевича Глухова, Никиту Грузова, боярынь Настасью — жену Ивана Григорьевича, Оксинью — жену Никиты Есипова¹.

Особенностью Заонежья, выделявшей его среди других областей Заволочья и Двинской земли, было наличие поместного землевладения, правда, в очень незначительном количестве и не во всех погостах.

Документы "по старому письму" сохранили имя помещика Ивана Горюшкина, владевшего в Шунгском погосте деревнями "Лукинские Федорова". В конце XVI века упоминается шунгский помещик Федор Резанов, а позднее — его дети Михайла, Ондreja и Калистрат Федоры с матерью их Натальей².

Основной водной магистралью Заонежья, как уже отмечалось, была могучая, но порожистая река Онега, берущая свое начало в озере Лаче. Земли по Онеге, особенно в ее южной части, заселены были относительно густо.

Центром Заонежья или Заонежских погостов, как назывался этот край уже в документах XVI века (а его жителей обычно называли "онежанами"), был город Каргополь. В Заонежье "сидел" наместник, управлявший с помощью тиуна и четырех доводчиков. Доводчики размещались в главных пунктах края, расположенных на Онеге: в Каргополе, на Усть-Моши, в Турчасове и в сельце Усть-Мехренге³.

Старинный город Каргополь, едва ли не ровесник

¹ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья... — С. 75—77.

² Там же. — С. 84—85.

³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии... — С. 265.

Москвы, стоит на левом берегу реки Онеги, недалеко от озера Лаче. Как и многие другие северные топонимы, название этого города остается загадкой для специалистов. Большой знаток Севера Г. П. Гунн пишет: "Что-то античное чудится в этом названии, "поль", "полис" — город по-древнегречески". Одна из версий приписывает названию города греческое происхождение, поскольку на Руси, поддерживавшей связи с Византией, знали греческий язык. Имя города в переводе с древнегреческого должно означать "корабельная пристань"¹. По другой гипотезе, белозерский князь Вячеслав, упоминавшийся в "Повести временных лет", возвращаясь из похода на "белоглазую чудь", отдыхал на просторном поле, а так как было здесь множество ворон, в просторечии — карг, то он поименовал стан Каргиным полем. Этот факт подтверждают сведения, содержащиеся в документах Олонецкого губернатора и российского поэта Г. Р. Державина: "На обратном пути... нашел поле, удобное для отдохновения... назвал князь оное Каргиным полем и учредил на оном свой стол... Россияне сделали на поле том острог..."².

Третья версия возводит название города к финским словам "каргун-пуоли", что значит "медвежья сторона". Почетный доктор Поморского университета К. П. Гемп считает, что наименование Каргополя образовалось из двух слов: финского "кар" или "карго", значение которого не установлено, и славянского "поле". В сотской переписи 1561—1564 годов и других документах название города писалось раздельно: "Карго поле", "Каргу полю", "на Карго поле"³. Есть и другие, к сожалению, малоубеди-

¹ Гунн Г. П. Каргополье — Онега. — М., 1989. — С. 15—16.

² Криничная Н. А. Предания Русского Севера... — С. 29.

³ Гемп К. П. Каргополь. — Архангельск, 1968. — С. 16—17.

тельные гипотезы о происхождении названия славного города Каргополя.

Первое косвенное летописное упоминание о Каргополе относится к 1380 году, когда князь Глеб Каргопольский вместе с мужественными князьями белозерскими явился по призыву Дмитрия Донского, храбро бился с татарами и пал на Куликовом поле. Сведения об этом подвиге содержатся в Никоновской летописи и в "Повести о Мамаевом побоище". Однако наш "патриарх-историограф" Н. М. Карамзин и ряд других историков высказывали сомнение в существовании удельных князей каргопольских¹.

Древний Каргополь пережил и испытал немало, став свидетелем и участником многих исторических событий. Здесь произошло столкновение двух колонизационных потоков: новгородского и "низовского", шедшего из вологодско-белозерских земель.

В 1447 году в Каргополь, спасаясь от гнева Василия Темного, бежали князья Дмитрий Шемяка и Иван Можайский, прихватив с собой "на всякий случай" заложницей мать царя, княгиню Софью Витовну, а также московскую казну².

В завещаниях московских великих князей и царей Каргополь упоминается в числе значительных владений. В духовной грамоте Ивана IV указано, что он передавал сыну Василию "Заволотцкую землю всю. Онего и Каргополе, и все Поонежье..."³. При Иване Грозном, в опричнину, Каргополь был взят царем "на свой особый обиход"⁴.

¹ Гунн Г. П. Каргополье — Онега... — С. 16.

² Гемп К. П. Каргополь... — С. 20.

³ Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / Под ред. С. В. Бахрушева. — М., 1909. — С. 37.

⁴ Скрынников Р. Г. Начало опричнины... — С. 255.

С падением Новгорода власть над северными землями перешла к Московскому княжеству. Наступил "золотой век" и для Каргополя, город быстро рос и богател. Был возведен новый острог, застраивался посад. Своим возвышением Каргополь обязан выгодному экономическому и географическому положению. В нем скрещивались пути из Новгорода в Двинские земли и из Вологодских и Белозерских земель в Поморье. Через Каргополь шла торговля солью и рыбой из Поморья. Царские грамоты давали городу большие привилегии в торговле солью: "А кто к ним ездят на Онегу к морю по соль белозерци и вологжане, и у них деи их промысел отымают, а яз им белозерцев и вологжан на Онегу к морю по соль пропускати не велел есми им торговати с ними в Каргополе"¹. Каргопольцы, турчасовцы и другие онежане ездили к морю для покупки соли, которая подвозилась летом на судах, а зимой на санях к селу Турчасову. Тут соль укладывалась в рогозины и в таком виде доставлялась в Каргополь. При пересыпке в рогозины отдельные недобросовестные купцы подмешивали к соли известку ("кардеху"), на что нередко жаловались царю вологжане и белозерцы².

Город Каргополь жил и развивался не столько ремеслом, сколько торговлей, которая требовала развития некоторых подсобных промыслов и большого количества рабочих рук. Широкое развитие получил в Каргополе беличий промысел и торговля пушниной. Ежегодно в городе обрабатывалось и продавалось около двух миллионов шкур белки³.

Интересные наблюдения о "беличем деле" привел путешественник и этнограф С. П. Кораблев: "Другой

¹ ААЭ. — Т. 1. — № 181. — С. 344.

² Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии... — С. 266.

³ Архангельские губернские ведомости. — 1862. — С. 196.

промысел жителей Каргополя состоит из торговли беличьими, а часто заячьими и лисьими шкурами и их мехами. Первая из этих статей, так сказать, почти кормит весь город. Торговцы, скупая шкуры невыделанными, отдают их скорнякам или делают это посредством рабочих дома. Еще от невыделанной беличьей шкуры отрезается хвост для женского наряда известного всякому. После выделки шкуры поступают в кройку. Тут под ножами сотен работников аккуратно отделяются от хребта лоб, чрево, подбрюшье и огузок. Из этих частей составляются подборщиками меха хребтовые, черевьи, лобовые и огузчатые. Самые дешевые меха лобовые, самые дорогие огузчатые, а употребительнейшие хребтовые и черевьи"¹.

Сотная XVI века дает представление о Каргополе как о крупном торговом центре Онежского края. В нем насчитывалось 476 тяглых дворов, в которых жили 523 человека. К сожалению, сотная, описывающая Каргополь середины XVI века, сохранилась не полностью. По словам историка Н. Д. Чечулина, в ней утрачено, по-видимому, около половины листов².

В городе появился обширный слой зажиточных купцов. О значительных богатствах каргопольских торговых людей свидетельствует духовное завещание Леонтия Дмитриева, написанное в начале XVI века. В завещании указаны должники Дмитриева, которые задолжали ему по кабалам. Дмитриев принадлежал к числу купцов с явными ростовщическими наклонностями. Он давал деньги обычно "в рост", под проценты. Общая сумма денег, розданная Леонтием в долг, равнялась сотням рублей,

¹ Этнографический и географический очерк г. Каргополя Олонецкой губернии с словарем особенностей тамошнего наречия, составленный и изданный С. П. Кораблевым. — Москва, 1851. Переиздание: Архангельск, 1993. — С. 29.

² Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии... — С. 267.

что по тому времени было немалой суммой. Среди должников названы два "немчина", портной мастер "москвитин", каргопольцы — городские люди¹.

Видимо, не случайно из среды торговых людей Каргополя вышел первый главный правитель русских поселений в Америке Александр Андреевич Баранов, назвавший столицу русской Аляски Новоархангельском².

Нельзя обойти молчанием город мореходов и судостроителей — Онегу. Первые упоминания о поселении в устье реки Онеги встречаются в "Уставе Святослава Ольговича" (1137 г.)³. Место было выбрано удачно: населенный пункт, подобно крепости, прикрывал путь на реку Онегу, связывавшую Древнюю Русь с Белым морем.

На новгородских географических картах XII—XIII веков в устье Онеги уже был обозначен "Погост на море"⁴. Погост в те далекие времена был своеобразным административным центром, где собирали подати и дань в пользу Великого Новгорода.

В XIII веке в устье Онеги сформировались уже три поселения: Погост, Низы и Верховье. С XV века все поселения были объединены названием Устьянская волость. Исторические документы XVII века сообщают об Усть-Онеге, а некоторые — об Усть-Яне⁵.

П. И. Челищев в книге "Путешествие по Северу России" дает такое описание Онеги конца XVIII века: "Приморский город Архангельской губернии. От Каргополя расположен в 400 верстах на правом берегу по

¹ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб., 1838. — № 415. — С. 442—445.

² Советский энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 109.

³ Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв... — С. 148—149.

⁴ Калинин Г. Д. Онега. — Архангельск, 1980. — С. 3.

⁵ Боровой В. Я. Там, где течет Онега... — С. 22.

течению реки, в 5 верстах от моря... Прежде был волостью Устьянской, Каргопольского уезда. Городом стал 31 августа 1680 года... В городе купеческих, мещанских 140 домов, жителей 1173 души"¹.

Онега — один из старейших портов России. Здесь, задолго до официального царского указа о преобразовании Онеги в город, существовали морской порт и таможня. Широкое развитие в этом крае получили судостроение и мореплавание. Юго-запад Белого моря был тем местом, откуда началась новгородская колонизация Беломорья. Первые становища новгородцев появились в междуречье Онеги и Кеми. В устьях рек возникали первые поморские "поделы" (верфи). Сначала суда целиком строили из дерева. Даже гвозди для крепления частей корабля были деревянными. Боковые доски нашивали "вицей" — ивовыми прутьями. Конопатили суда мхом. Добрая слава шла о жителях села Подпорожья как о лучших судостроителях Онежского края.

Корабелы этого села выполнили важный царский заказ на строительство морских судов для посольской миссии, возглавляемой думным дьяком Григорием Истомой, который в 1496 году был направлен русским правительством в Данию. С Усть-Онеги начиналось первое русское путешествие вокруг Скандинавии в Копенгаген. В составе миссии находился онежский мореход Иван Амосов, автор первой русской навигационной карты, который "по силе очислил морские походы и начертил обод" (морскую карту) Белого моря².

Интересную информацию о морях Русского Севера содержат записки английских путешественников. Капитан Стивен Барро (Стифен Бэрроу), плававший в Белом море в 1556 году, сообщает, что хлебосольные русские,

¹ Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. — СПб., 1886. — С. 57.

² Боровой В. Я. Там, где течет Онега... — С. 24—25.

встретив его корабли, подарили англичанам пшеничный хлеб, северные калачи, горшок овсяной каши, два бочонка с пивом и медом, сушеную рыбу, копченых гусей... Опытный мореплаватель отметил, что русские были смелыми и хорошими мореходами, а их суда, насчитывавшие до тридцати человек команды, шли быстрее английских¹.

Следует помнить, что в основе современных знаний о северных морях лежат опыт и знания северных мореходов XVI—XVIII веков. В борьбе с морской стихией "мореходцы" познали, как много значит передача опыта. В меру своего умения начали они вести записи, описывать приметы и опасные места, убежища от грозной волны, от ветров и подходы к ним. Сыновья и внуки пополняли и уточняли эти записи для себя и для тех, кто пойдет за ними. "Так складывалась "Книга мореходная" — путеводитель, справочник и надежда помора в тяжелые часы его дальнейшего плавания на многотрудных путях-дорогах", — пишет почетный гражданин Архангельска, почетный доктор Поморского университета Ксения Петровна Гемп. В прошлом веке этот путеводитель стали, в отличие от официальной лоции, называть "Поморской лоцией"².

С Белым морем связана русскоязычная группа этноса — *поморы*, — заселившая берега с XII века. Название "помор", "поморец", этимология которого не вызывает сомнений (живущие "по морю"), впервые появилось на страницах летописи под 1526 годом: "Поморцы с моря Окияна из Кандолажской губы"³. В официальных до-

¹ Готье Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве... — С. 100—101.

² Гемп К. П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. — Л., 1980. — С. 7.

³ ААЭ. Т. 1. — № 211. — С. 200; Бернштам Т. А. Поморы... — С. 69—76.

кументах XVI века слово "поморы" употребляется и как самоназвание, и как название. В качестве самоназвания им пользовались жители Кандалакши и Керети, писавшие о себе "поморец Кандалакшанин", "поморец Керецкие волости"¹.

Поморы любили свое "кормилище" — Белое море. "Море — наше поле" — гласит северная поговорка.

Белое море состоит из четырех больших заливов или, как называли их поморы, "губ". В Мезенском заливе (в северо-восточной части моря, между мысами Конушин и Воронов) происходил основной промысел гренландского тюленя; в Двинском заливе (в юго-восточной части Белого моря) велся белуший и сельдяной промысел; в Онежском заливе (в южной части моря между островом Жижгиным и рекой Кемью) — сельдяной и наважий лов; в Кандалакшском заливе (в северо-западной части моря) — сельдяной и тресковый промысел². В Белом море много и более мелких заливов, в которых велся промысел морского зверя и массовый лов беломорской рыбы.

Береговая линия Белого моря состоит из отдельных "берегов". Первое четкое определение границ поморских берегов дал знаменитый гидрограф, исследователь Белого моря Михаил Францевич Рейнеке³.

Кольский полуостров от мыса Святой Нос омывают воды Белого моря (до этого мыса — Баренцева моря), а побережье от Святого Носа до реки Варзуги (или до реки Умбы) носит название Терского берега. Далее от реки Умбы до реки Керети идет Кандалакшский берег. К юго-востоку от Кандалакшского залива начи-

¹ Сборник грамот Коллегии экономии... — Т. 1. — №№ 247, 250. — С. 238, 241.

² Бернштам Т. А. Поморы... — С. 36—37!

³ Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание Северного берега России. — СПб., 1833. — С. 112.

нается Карельский берег, протянувшийся до реки Кемь. Южный берег — Поморский — расположен между реками Кемью и Онегой. От устья Онеги до мыса Ухт-Наволоок тянется Онежский берег. Далее, до устья Северной Двины, берег длиной 180 километров носит название Летнего. Северо-восточный берег Белого моря от Архангельска до мыса Воронов (или до реки Мезени) известен как Зимний берег¹.

В состав Заонежья входили в основном земли Поморского берега.

Большую роль в жизни поморских жителей играют острова в Белом море, тянущиеся почти непрерывно вдоль всей береговой линии. Скалистые острова-пщеры у Поморского берега хорошо защищают побережье от ветров и выюг, Кузовы острова между Соловецким архипелагом и Кемью всегда служили путеводными вехами для плавания в открытом море, а на островах Жижгине, Сосновце, Моржовце, Мудьюге устраивались первые морские маяки и сигнальные вышки².

В формировании поморского населения основную роль сыграли выходцы из Ладоги и Великого Новгорода. Однако говорить об этнической однородности поморов не следует, так как их "рождение" происходило на территории, заселенной до прихода сюда восточных славян народами финно-угорской и самодийской групп. Большую роль в сложении поморского населения Зимнего, Летнего, Онежского, Поморского и Карельского берегов сыграли карелы. Саамы (лопары) приняли заметное участие в этом процессе в северо-восточной части Терского берега и в районе Кандалакши³.

¹ Бернштам Т. А. Поморы... — С. 37—38.

² Башмаков П. И. Маячное дело и его историческое развитие. — Л., 1925. — С. 183—184.

³ Бернштам Т. А. Поморы... — С. 61—62.

Тем не менее процесс выделения поморов в особую группу был вызван приходом на берега "студеного" моря вольнолюбивых славян, сложными условиями существования, рискованным морским и речным промыслом. Именно это сформировало представление о поморе как об особом типе русского человека, обладающем редкими чертами характера: предприимчивостью, "поморской упрямкой", умом, смелостью и независимостью, умением принимать самостоятельные решения в сложных жизненных ситуациях.

С Заонежьем связаны и многие земли Карелии, которые были населены смешанным, преимущественно карельским, русским и лопарским населением.

Из "Советской исторической энциклопедии" мы узнаем, что карелы (самоназвание — "каръяла", "каръялайне") — народ, живущий на территории современной Карельской республики, частично — в Тверской области Российской Федерации (верхневолжские переселенцы из Приладожья XVI—XVII веков)¹. Новгородские бояре не жили в своих карельских деревнях, управление ими возлагалось на ключников и посельских. С крестьян взимался оброк, носивший название "дохода". Доход выражался в доле (чаще — в половине) урожая с некоторой придачей другими продуктами, а большей частью — пушниной: "а доходу ис хлеба половье да две белки"².

Из духовных владельцев Карельских земель самым крупным была Новгородская архиепископская кафедра. Только в Олонецком погосте ей принадлежало 219 деревень. С середины XV века освоением Карельского Поморья занялся Соловецкий монастырь. В его собст-

¹ СИЭ. — Т. 7. — С. 29—30.

² Мюллер Р. В. Очерки по истории Карелии в XVI — XVII вв. — Петрозаводск, 1947. — С. 22.

венность переходят угодья "корельских детей", а также многие владения новгородских бояр. На Суме монастырской обители принадлежало 2 лука¹, в Шизне — 2, Кузнаволоке — 1, на Выге — 16, Шуе — 9, Кеми — 9, на Кильбоострове — 1².

¹ Лук — древняя окладная единица на Русском Севере; в основу обложения входили промыслы, сенокосные угодья и немногочисленные пахотные земли.

² Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI—XVII вв... — С. 31.

ТЕРСКИЙ НАВОЛОК

ОГОВОРНЫЕ грамоты 1264—1471 годов Господина Великого Новгорода с ве-

ликими князьями упоминают в числе новгородских владений волость Тер¹. (В некоторых документах она называется "*Тир*", "*Тре*"). Находилась эта загадочная страна на Кольском полуострове.

Викинг Оттар назвал жителей этой земли терфиннами.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 9—47;
Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море... — С. 56.

Финнами норвежцы именовали саамов, но, в отличие от саамов северной норвежской провинции Финмаркена, саамы Кольского полуострова получили название терфиннов.

В карело-финском эпосе "Калевале" северная страна Похьела называется иногда и другим именем — "Турья", образованным от того же корня, что и "Тер", "Тир" или "Тре" русских источников¹.

В "Этимологическом словаре русского языка" Макса Фасмера говорится о том, что название южного побережья Кольского полуострова — Терский берег, зафиксированное в новгородских грамотах XIV века в форме "Търьскъ" (от "Търъ"), известное в финском и карельском языках ("Tuŕja", "Tuŕjamaa"), заимствовано из саамского — "Taŕje Märg"².

Историк И. П. Шаскольский, посвятивший специальное исследование древней земле Тер, выдвинул следующее предположение: "Поскольку с XIII века весь Кольский полуостров находился во владении Новгорода, можно сделать вывод, что под именем "Тер", "Тре", "Турья" подразумевалась территория всего Кольского полуострова"³. Он полагает, что у поморов, впервые освоивших и подчинивших эту северную территорию, возникло представление о Кольской земле именно как о полуострове.

Уже в начале XIII века, а, может быть, и несколько ранее, здесь появляются владения великих князей владимирских. Из грамоты великого князя Андрея Алек-

¹ Калевала: Пер. Л. Бельского. — Петрозаводск, 1940. — С. 73, 74, 135.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1973. — М., 1973. Т. 4. — С. 50.

³ Шаскольский И. П. О первоначальном названии Кольского полуострова // Известия Всесоюзного географического общества. — Т. 84. — Вып. 2. — Март-апр., 1962. — С. 201.

сандровича. (1294—1304 гг.) известно, что он посылал "на море" свои "ватаги" для поимки ловчих птиц, ходил "на Терскую сторону". Великий князь указывает, что это право на "места" далекого Севера "пошло при моем отце и при моем брате"¹. Грамота Андрея Александровича является ценнейшим источником, свидетельствующим о том, что русская колонизация Севера имела своим исходным пунктом не только Новгород, но и Суздальскую землю².

В XV веке новгородские грамоты упоминают название "Терский наволоок". Рассмотрим более подробно значение древнерусского понятия "наволоок". Поначалу наволоком называли мыс морского, речного или озерного берега, через который перевозились суда. В поморском мореходстве на Севере почти каждый большой мыс был наволоком и имел свой волок. Со временем слово "наволоок" приобрело более широкое значение: так могли называть любой мыс или полуостров, вне зависимости от того, имели они волок или нет. Так, история Архангельска связана со знаменитым мысом, местом основания города — Пур-наволоком.

В грамоте 1478—1480 годов говорится о том, что новгородский боярин Нестор Иванович передает Соловецкому монастырю свои земли, воды и угодья, расположенные в "...Умбе и Варзуге, по морскому берегу и по рекам, по Терьскому наволоку"³. В недатированной грамоте XV века сообщается, что боярин Иван Аввакумов покупает угодья и право торговать с населением в северной Карелии "до Тирьского наволока"⁴.

Из контекста обеих грамот явствует, что название

¹ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси. — М., 1964. — Т. 3. — С. 15.

² Мавродин В. В. Русское полярное мореходство... — С. 97—98.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 246.

⁴ Там же. — С. 309.

"Терский наволок" присваивается не Терскому мысу, а всему Терскому полуострову, то есть является древнерусским названием *Кольской земли*, *Кольского полуострова*.

К XVII веку наименование "Терский наволок" известно уже далеко за пределами России. Это название мы находим на картах Гесселя Геритса, впервые напечатанных в 1614 году, и Исаака Массы, изданных в 1633 году и впоследствии неоднократно переиздававшихся. С XVI века на Западе было употребительно другое, скандинавское, название Кольского полуострова — "Tippes", которое в переводе также означает "Терский мыс", "Терский полуостров".

Следующая наша задача — объяснить происхождение названия Кольской земли, Кольского полуострова. В этом нам также помогут работы И. П. Шаскольского. Согласно широко распространенному ранее мнению, древнерусский город Кола впервые упоминается в письменных источниках в 1264 году. В тексте грамоты при перечислении новгородских волостей называется провинция Колоперемь (Голоперьмь). Основываясь на характере начальной части топонима, Н. М. Карамзин и многие другие исследователи сочли возможным связать его с рекой и городом Колой. Историк С. Ф. Платонов первым высказал сомнение в том, что под названием "Колоперемь" следует подразумевать Колу². К настоящему времени накоплены данные, на основании которых можно с уверенностью утверждать, что волость Колоперемь, упомянутая в грамоте 1264 года, не имеет никакого отношения к реке и городу Коле³.

¹ Шаскольский И. П. О первоначальном названии Кольского полуострова... — С. 202.

² Платонов С. Ф. Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. — Петрозаводск, 1923. — С. 1.

³ Шаскольский И. П. О возникновении города Колы // Исторические записки. — М., 1962. — Т. 71. — С. 272.

Историк А. И. Андреев в результате тщательного анализа опубликованных источников пришел к выводу о том, что первым безусловно надежным известием о существовании Колы можно считать то, которое встречается в "Сообщении" голландского купца Симона ван-Салингера и относится к 1565 году. Салингер рассказывает, что, когда первый нидерландский корабль пришел в Колу, там стояло всего три дома, а все жители при виде прибывшего судна в страхе "убежали в лес и никто из них не появлялся много дней", пока печенгский монах-лоцман, находившийся на этом корабле, не отыскал их и не уговорил вернуться. Следовательно, в середине XVI века поселение Кола находилось в самой ранней стадии формирования, а его жители еще не занимались торговлей с заморскими купцами¹.

Но, хотя город Кола возник в XVI столетии, это не означает, что появление русских на Кольском полуострове следует относить к этому времени. Отечественные и западные источники свидетельствуют о появлении новгородцев вблизи побережья Северной Норвегии еще около 1200 года, а это значит, что новгородские мореходы, выходявшие на своих судах из Белого моря, уже тогда освоили плавание вдоль побережья Кольского полуострова². Под 1216 годом новгородская летопись упоминает "Съмьюна Петриловиця Тьрьского даньника", то есть данщика, собиравшего дань

¹ Андреев А. И. К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова // Дела и дни. — 1920. — Кн. 1. — С. 27; Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI в. // Литературный вестник. — СПб., 1901. — Т. 1. — Кн. 3. — С. 300—308; Филиппов А. М. Голландец Салингер в России в XVI в. // Литературный вестник. — СПб., 1903. — Т. 4. — Кн. 6. — С. 121—124; Громыко М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века. — М., 1960. — Т. 17. — С. 242.

² Шаскольский И. П. О возникновении города Колы... — С. 278.

с населения Терской волости Господина Великого Новгорода — с саамов Кольского полуострова¹.

Существование в 1216 году специальной должности "тьрьского даньника" показывает, что к этому времени огромная территория Терской волости уже была официально включена в состав новгородских владений². Следовательно, русские люди стали осваивать побережье полуострова по крайней мере на несколько десятилетий раньше — вероятно, не позднее середины XII века (а, может быть, и в гораздо более ранние времена).

Шведский историк Олаус Магнус рассказывает о снаряжении новгородских экспедиций на Север, об изготовлении судов. Он пишет, что москвиты "отправляются в ближайшие леса и пустыни и там, выстругивая и выдалбливая еловые стволы, строят длинные и легкие суда" (струги, ушкуи — В. Б.), способные поднять 20 или 25 человек. В работе по строительству лодок и вооружению собравшейся ватаги принимали участие все ее члены, и каждый хорошо знал свои обязанности. Одни варили смолу в ямах под землей, "чтобы укрыться от дыма", другие гнули луки, третьи занимались изготовлением стрел и дротиков. Маршруты русских купцов были проложены по рекам, впадающим в Ладожское озеро и Белое море, по озерам и протокам Карелии до Баренцева моря. Олаус Магнус замечает: "Путешествие, которое они совершают, чтобы продать свои товары в северных странах, растягивается на три или четыре сотни миль". Новгородские ушкуйники приобретали у карел, финнов и лапландцев пушнину, столь ценившуюся на рынках Западной и Восточной Европы. "Их товарами, — сообщает шведский историк, — являются очень дорогие шкурки и меха всех сортов, такие как соболь,

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М—Л., 1950. — С. 257.

² Там же.

куницы и другие, называемые по-итальянски Dossi (белки — В. Б.)¹.

Первоначальное промысловое освоение русскими побережья Кольского полуострова в XII—XIV веках еще не сопровождалось созданием постоянных поселений. Первые русские поселения на южном побережье полуострова известны лишь с XV века, на северном, Мурманском, только с 30-х годов XVI века (Печенга)². Подтверждают это и археологические находки. Археолог, доктор исторических наук Н. Н. Гурина провела раскопки на Терском побережье Кольского полуострова. В результате этих раскопок, которые велись близ села Кузомень, в бывших владениях новгородских феодалов, были обнаружены два захоронения воинов. Среди находок — фрагменты конской сбруи (уздечки и стремяна), бронзовые фибулы и лировидная пряжка, декоративные бляшки. По мнению специалистов, эти погребения, несомненно, являются славянскими и относятся к XII веку³.

Таким образом, можно утверждать, что уже с середины XII века жители Двинской земли — двиняне и онежане — во время своих плаваний по Гандвику (Белому морю) достигали побережья Кольского полуострова. Обнаружив там места, богатые морским зверем и рыбой, они стали регулярно посещать Терскую сторону для ведения промысла и меховой торговли с финскими племенами, которые они именовали "дикий лопью".

¹ Савельева Е. А. Книга Олауса Магнуса "История северных народов" и ее известия о России // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. — Л., 1970. — С. 337—338.

² Шаскольский И. П. О возникновении города Колы... — С. 279.

³ Ушаков И. Ф. Кольская земля. — Мурманск, 1972. — С. 25—26; Кошечкин Б. И. Подвиг полярных мореходов. — М., 1988. — С. 6.

Русские исследователи Д. Островский и В. Львов писали, что слово "лопь" означает "край, предел", а "лопарь" — "человек, живущий на самом краю земли". Финский исследователь Т. Итконен возводит слово "лопарь" к финскому "lare, larrea" ("сторона"), а его соотечественник и однофамилец Е. Итконен к шведскому слову "larr" ("место"). Иногда лопарей называли *лапландцами*, а в начале 30-х годов нашего столетия в словарный обиход вошло другое название этого народа — *саамы*¹.

Существует много гипотез и легенд о происхождении саамов. Когда-то лопарей считали чуть ли не прямыми потомками израильтян. Позднее родилась другая версия: саамы пришли с юга Европы через Скандинавию. Учеными высказываются и иные точки зрения, например, о том, что предки лопарей жили в Азии (в Зауралье) и в Поволжье².

В одном не приходится сомневаться: саамы являются древнейшими обитателями Кольского полуострова. Их дальние предки летом жили в шалашах, а зимой — в более теплых жилищах, которые назывались "пырт" или "тупа". Селились саамы у воды, вблизи озер и рек, а охота и рыболовство были основными их занятиями³.

Название "*Лапландия*", по мнению специалистов, появилось в XII веке. Когда государственное размежевание на севере Европы было юридически узаконено, возникли русская (Мурман), шведская (Норботтен), норвежская (Финмаркен) и финская Лапландии.

Места расселения саамов на Кольском полуострове

¹ Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. — Мурманск, 1987. — С. 11.

² Косменко А. П. Народное изобразительное искусство саамов Кольского полуострова XIX—XX вв.: Этнографический очерк. — Петрозаводск, 1993. — С. 3—5.

³ Харузина В. Лопари. — СПб., 1902. — С. 11.

русские летописцы называли либо "Лопью Терской", либо "Лопью Кончанской", либо "Лопью Лешей", а население — "лопинами", "лопарями", "лопиками"¹.

Основная масса саамов-"лопи" населяла Лопские погосты, которые с севера и северо-запада соседствовали с Заонежьем. На западе Лопские погосты граничили с "каянскими немцами" — той частью Карелии, которая была под властью шведов.

Лопские погосты, которых было восемь, входили с середины XVII века в новгородскую Водскую пятину, но пользовались правом относительного самоуправления, имея особую жалованную грамоту².

К концу XII века поморы уже плавали вдоль побережья Кольского полуострова и доходили до Финмаркена.

Русские называли норвежцев норманнами. Сами же норвежцы произносили это слово несколько иначе: "нурман". В русской огласовке оно стало звучать как "мурмане" ("урмане"). Именно так названы норвежцы в древнерусской летописи "Повесть временных лет".

От слова "мурман" произошло и название северного побережья Кольского полуострова. Отправляясь из горла Белого моря на запад, поморы говаривали, что идут в "Мурманский конец" или в "Мурманскую сторону". Баренцево море они также называли Мурманским. Это же название получил и берег к западу от мыса Святой Нос — Мурманский берег.

Терским берегом поморы называли не все побережье Терской земли, а только ее беломорский участок от устья реки Поноя до реки Умбы. Доктор исторических наук Т. А. Бернштам пишет: "Слово Тег задержалось в местной топонимии и стало названием части северо-западного побережья Белого моря — Терский берег.

¹ Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы... — С. 15.

² Витов М. В. Историко-географический очерк Заонежья... — С. 70.

Слово Вегте (Vegti, древнегерманское — "береговая полоса"), тоже означающее некую прибрежную территорию, хотя и не оставило следов в местной топонимии, но предположительно может быть связано с побережьем Кандалакшского залива¹. Филолог К. Ф. Тиандер название Терского берега связывает со скандинавским Tgā — "дерево". Отсюда терфинны — "лесные финны", а Терский берег — "Лесной берег"².

Поселения в Кольской земле располагались вдоль берега. Наиболее известными были посадки Ковда, Кандалакша, Умба, Варзуга. Эти волости были расположены у "студеного моря в дикой лопи". Волость Умба и ее промыслы принадлежали Соловецкому монастырю.

Особый интерес представляет вопрос о взаимоотношениях Великого Новгорода с Норвегией. Древняя граница Руси с Норвегией проходила в районе Печенгской губы. Об этом нам известно из так называемой "Разграничительной грамоты", являющейся частью не дошедшего до нас одного из первых русско-норвежских договоров 1251 года. Согласно этому документу, русско-норвежская граница проходила от фиордов в норвежском Финмаркене к Монгену, Ульфсу и до реки Ивгей, а дальше по горному хребту, который южнее отделяет Норвегию от Швеции³. Кстати, граница между Норвегией и Россией и теперь проходит по этой линии.

В упорной борьбе со шведами и норвежцами Великий Новгород отстаивал русские земли за Северным полярным кругом. Защищать эту северную провинцию было нелегко. Борьба длилась долго и велась с переменным успехом.

¹ Бернштам Т. А. Поморы... — С. 17; Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море... — С. 67.

² Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море... — С. 56.

³ Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути... — Т. 1. — С. 30—31.

Новгород в союзе с карелами предпринял ряд далеких походов для защиты своей северо-западной границы. Эти походы состоялись в 1271, 1279, 1302, 1303, 1316 и 1323 годах¹. Объектом борьбы неизменно была северная провинция Норвегия — Финмаркен.

В 1307 году для защиты своих северных окраин норвежцы построили на небольшом острове близ восточной оконечности полуострова Варангер военную крепость Вардехус (в переводе на русский — "Сторожевой дом") и учредили там особую морскую стражу. Позднее, в пору развития поморской торговли, русские промышленники и крестьяне называли этот небольшой городок Варгаевым. Сегодня он носит имя Вардё.

В результате русско-карельской экспансии Финмаркена норвежцы много лет не могли собрать там дань, так как сборщиков русские убивали или захватывали в плен. Новгородская летопись сообщает нам о походе новгородских ушкуйников в Норвегию в 1320 году: "А Лоука ходи на Моурманы, и Нъимци избиша оушку /и/ Игната Молыгина..."² Особенно крупный размах приобрел поход 1323 года, когда русские, напав на норвежскую провинцию Халоголанд, сожгли Бьаркэй — владение правителя Норвегии Эрлинга³.

Успешные военные действия русских и их союзников карел на море и на суше способствовали началу мирных переговоров. В Ореховец прибыли шведские послы "и до dokonцаша мир вечный с князем и с Новым-городом по старой пошлине"⁴. Заключенный 12 августа 1323 года Ореховецкий договор со Швецией устанавливал швед-

¹ Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. — М., 1945. — Т. 14. — С. 40.

² ПСРЛ. — Ч. 1. — С. 258.

³ Мавродин В. В. Русское полярное мореходство... — С. 99.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... — С. 339.

ско-новгородский рубеж от "моря" у Сестры-реки до "Каяно-море"¹.

К сожалению, противоборство сторон на этом не прекратилось.

Военные действия новгородцев не на шутку встревожили даже Европу. 13 августа 1326 года папа Иоанн XXII в своей булле объявил об организации крестового похода, для проведения которого разрешил норвежскому правителю Эрлингу употребить половину десятины, собранной за шесть лет с Норвегии для папского престола². Однако необходимость в крестовом походе отпала, так как в 1326 году враждующие стороны заключили дошедшую до нас договорную грамоту о мире, в которой есть и такие слова: "гости (купцы — В. Б.) из Норвегии должны иметь проезд к Новгороду и Заволочью без всякого препятствия, и, наоборот, гости из Новгорода и Заволочья должны иметь проезд в Норвегию без всякого препятствия"³. Таким образом, договор закрепил на десять лет установившийся еще раньше порядок торговых плаваний вдоль Кольского полуострова к северным берегам Норвегии и прекратил на некоторое время военное противостояние.

Однако прочного мира так и не наступило. На страницах русских летописей встречаются краткие сообщения о военных операциях: 1349 год — "ходища новгородцы и двиняне на мурманы", 1411 год — "ходища из Заволочья войною на мурмане новгородским повелением, а воевода был Яков Степанович, посадник двинский, и повоеваша их"; 1444 год — "ходища корели на мурмане, избиша их и повоеваша, и пленивша, и приидоша здорове"⁴.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 67—70.

² Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией... — С. 40—41.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 69—70.

⁴ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. — СПб., 1888. — С. 399; Устюжский летописный свод (архангельский летописец). — М—Л., 1950. — С. 100.

Часто перепадало и русским. Так, в 1419 году пятьсот "мурман", явившись на морских судах — бусах и шнеках, — "повоевали" Корельский погост в Варзуге, разорили селения онежан и двинян. Однако норвежцы получили достойный отпор: поморы "две шнеки мурман избиша"¹.

Через год после похода 1444-го года карел на норвежцев "приидоша Своя Мурмане безвестно за Волок на Двину ратью на Неноксу". Двиняне с исключительной быстротой выступили к Неноксе, разбили завоевателей, захватили в плен сорок человек, убили их воевод Ивери, Петра "и Третьего", "инеи же, мало влитавшеся в корабли, отбегоша"².

Крупный поход на Крайний Север состоялся во время русско-шведской войны. В 1496 году "князь великий Иван Васильевич посылал на Каяны воевод своих князя Ивана Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых, да с ними устюжане да двиняне. И ходившие извоевали Польну реку да Торнову, да Снежну, добра поимали много, а полону безчисленно. А ходили з Двины морем акияном да через Мурманский Нос" (Нордкап — В. Б.)³. В 1865 году академик И. Х. Гаммель высказал сомнение в том, что путь русских ратников проходил "через Мурманский Нос". Позднее доктора исторических наук И. П. Шаскольский и И. Ф. Ушаков выдвинули убедительную гипотезу о том, что в походе участвовали два отряда: пешая рать отправилась в Каянию (возможно, на лодках), а основная флотилия заняла позицию недалеко от острова, ныне именуемого Русским Кузовом. Русский морской отряд настиг шведскую флотилию в узкой губе "между Ковдой и Кандалакшей" и нанес ей жестокий удар. Воины-моряки

¹ Титов А. А. Летопись двинская... — С. 7.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... — С. 424.

³ Устюжский летописный свод... — С. 10а.

князей Ушатых взяли "на море" три шведских корабля "со всем", что на них было, и пленных.

Существует мнение, что залив, где произошло сражение, стал называться Княжной губой в память о славной победе, одержанной русским флотом, созданным в Поморье задолго до Петра Великого¹. Конечно, это лишь гипотеза, требующая подтверждения.

По преданиям, записанным в конце XVI века, крупное поражение "мурманам" нанес карельский посадник Василий Валит. На морском острове близ устья реки Ворьемы он построил укрепление, являвшееся опорным пунктом русских на Мурмане.

Известно, что в 1592 году русские послы С. Г. Звенигородский и Г. В. Васильчиков, будучи на Кольском полуострове, записали со слов "лапландских старожильцев" предание о том, как "Мурманскую землю" привел "под свою власть" войной карельский владетель, "посаженник" Новгорода Валит (в переводе с карельского "Валит" — "выбранный людьми предводитель", "старейшина", "управитель"), носивший "в крещении" имя Василий. На какие годы приходилась деятельность легендарного Валита, долгое время не было установлено.

По мнению исследователя истории Карелии А. И. Попова, "Валит — покоритель Лапландии — действовал около 1470-х — 1480-х годов, при Иване Васильевиче III". Другой историк, В. В. Косточкин, считает предание, записанное в 1592 году московскими послами, ехавшими в Данию через Колу, "скорее всего, вымыслом". Мурманский ученый, профессор И. Ф. Ушаков провел специальное исследование. Основой его стала публикация позднейшего источника, в

¹ Ушаков И. Ф. Кольская старина. — Мурманск, 1986. — С. 170—176.

котором говорится, что в знак победы над "немцами" Валит поставил "на Варенге, на побоище немецком, где Варенгской летний погост", камень в высоту от земли "более косые сожени, а около его... городской оклад в 12 сажень... А тот камень... и по сей день слывет Валитов камень... А меж Печенги и Паз реки... есть губа морская... а осредь ея остров камен высок... тут у него для крепости... место было". Другое укрепление Валит имел в Коле — "обложено камнем... тем же обычаем".

В 1603 году приказные дьяки от имени царя Бориса Годунова сделали заявление датским послам: "Лопская земля вся исстари к нашей отчине к Новгородской земле, а взял ее войною наише отчины... корельский державец именем Валит... которого и ныне есть в тех местах на Мурманском море в его имя городище Валитово".

В "Книге Большому Чертежу", составленной в 1627 году и не имеющей никакого отношения к дипломатической полемике Дании и России, имеется запись: "...А промеж тех речек на море, на острове, близко к берегу Валитово городище". Местоположение Валитова городища можно определить по "Гидрографическому описанию Лапландского берега", составленному М. Ф. Рейнеке, в котором содержатся подробные сведения о "губе Валитовой", а, как известно, географические названия не появляются случайно...¹

К началу XVI века военные столкновения между русскими и норвежцами становятся редким явлением. Начали преобладать мирные, торговые, добрососедские отношения.

В середине XVI века на Мурмане возникают первые постоянные русские поселения: Печенга (Печенгский

¹ Ушаков И. Ф. Кольская старина... — С. 177—181.

монастырь), Кегор, Цып-Наволок и другие — и первый город Кола¹.

Развитие рыболовного промысла на Кольской земле и появление постоянных русских селений создали необходимые условия для налаживания торговых связей с зарубежными странами. 1533-м годом датируется первое письменное известие о том, что фогт пограничного с Россией норвежского городка Вардё ведет на морском побережье торговлю с русскими и карелами. По мнению норвежского историка О. А. Йонсена, эта торговля велась с давних пор, возможно, с XV века, а доход от нее поступал в датскую королевскую казну².

В ту пору наиболее крупным торговым селением на Мурмане был Кегор, который возник в 40-е или в самом начале 50-х годов XVI века. Возникновением и ростом это селение во многом обязано своему географическому положению вблизи норвежской границы, около пограничного Варангер-фьорда, напротив расположенного на другом берегу этого залива норвежского города Вардё. Кегор был первым пунктом на русской территории, к которому должны были подходить корабли, идущие морским путем с Запада к берегам России³.

К 1557 году относится свидетельство англичанина Стифена Бэрроу, который во время плавания из Холмогор

¹ Тищенко А. В. К истории Колы и Печенги в XVI в. // Тищенко А. В. Его работы. Статьи о нем. — Пг., 1916. — С. 2, 3, 9; Платонов С. Ф. Проблема Русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии. — Л., 1929. — Т. 35. — С. 113; Шаскольский И. П. О возникновении города Колы... — С. 275—277.

² Шаскольский И. П. Экономические связи России... — С. 49.

³ Вальдман К. Н. Старинное становище и торг (XVI в.) на Крайнем Севере (Кегор — Вайда-изба) // Известия Всесоюзного географического общества. — 1968. — № 1. — С. 52—58.

в Вардегус зашел в бухту у мыса Кегор и совершенно неожиданно для себя столкнулся там с крупным торгом, в котором участвовали голландцы, лопари, карелы, русские и норвежцы. На торге присутствовал царский чиновник — сборщик дани с лопарей, дававший местным жителям разрешение на продажу рыбы. Он пригласил англичан приезжать сюда торговать и заверил Барроу в том, что эта земля государя, хотя датчане тоже собирают здесь дань¹.

Другим крупным торговым селением была Печенга — Печенгский монастырь, возникший около 1530—1540 годов и развернувший весьма энергичную хозяйственную деятельность, создавший первое крупное промысловое хозяйство на Мурмане.

По другим документам, основание монастыря следует отнести к концу XV века. В царской грамоте королю Христиану о границах между Россией и Норвегией записано: "А монастырь Печенгский поставлен был в сех месте более ста двадцати лет"². Если учесть, что грамота была написана в 1680 году, то временем возникновения монастыря следует считать 1495—1499 годы. Печенгский монастырь находился у самой границы с Норвегией, и это упрощало торговые сношения с норвежским городом Вардё. Из сообщения голландского купца Салингера известно, что монахи монастыря приезжали в 1562, 1563 и 1564 годах в Вардё и продавали там продукты своих морских промыслов: "рыбу, ворвань и прочее сырье, добытое ими за зиму и лето"³.

Историк М. М. Громыко пишет о том, что монахи

¹ Готье Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве... — С. 91—92.

² Веберман Э. Китобойный промысел в России. — М., 1914. — С. 21.

³ Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI в... — С. 297.

селились в районе будущего монастыря с 1524 года. А датой основания Печенгского монастыря он считает 1532 год, когда была освящена церковь¹. В 1556 году монастырь получил от царя Ивана Грозного жалованную грамоту, подтверждающую его право на лучшие, незамерзающие заливы прилегающей части Поморья, к которым присовокуплялась и суша вместе с населявшими ее лопарями. Для сбыта продуктов своего богатого хозяйства монахи из Печенгской губы плавали на судах собственной постройки в ближайший норвежский порт — Вардегус. Из "Донесения" голландца Салингера явствует, что в начале 1560-х годов в Вардегусе бывал и сам основатель монастыря игумен Трифон, торговавший там вместе с другими монахами рыбой, ворванью и другими товарами².

К началу 1570-х годов на северном побережье Кольского полуострова значение главного торгового центра начинает приобретать новое поселение, Кола, которое быстро превратилось в город. С 70-х годов XVI века торговля с норвежцами в большой степени стала сосредоточиваться в этом городе.

Знаменитый сольвычегодский предприниматель Аника Строганов облюбывал Колу, где построил обширное подворье, обнес его прочным частоколом, обеспечил надежную охрану селения от грабителей. В северо-восточной части полуострова Рыбачьего Строганов учредил корабельную пристань и промысловое становище, получившее название Оникиево.

Благодаря деятельности потомков А. Строганова маленький рыбацкий поселок Кола превратился в важный пункт торговли с иноземцами, среди которых преобладали

¹ Россия и Нидерланды: контакты и взаимное видение / Учебное пособие. — Мурманск, 1995. — С. 11.

² Громыко М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века. Сб. АН СССР, институт истории. — М., 1960. — Вып. XVII. — С. 240.

голландцы. По переписи 1574 года в Коле насчитывалось 44 жилых двора, из них 7 принадлежали сторонним владельцам¹.

В 1582 году Кола стала административным центром Кольского полуострова, а первый кольский воевода А. И. Палицын открыл в городе двор для норвежских купцов, чтобы они могли здесь не только останавливаться, но и складировать товары, которым обеспечивалась охрана². В 1583—1585 годах кольские воеводы посылали грамоты наместникам (фогтам) ближайшего норвежского города Вардё, приглашая норвежских купцов приезжать для торговли в Колу. Так, кольский воевода Ярцов, обращаясь к наместнику Вардё, писал: "И ездили б варгавские люди в государя нашего отчину в Колу волость по-прежнему, и дацкие б торговые корабли с товаром в государя нашего в Колу волость для торговли приезжали по-прежнему и торговали б з государя нашего людьми по старине всякими товарами"³.

Вслед за ближайшими соседями-норвежцами на Мурман устремились купцы из Голландии, которые обладали более крупными капиталами и современными морскими судами. Они быстро взяли в свои руки большую часть торговли с русскими рыбаками и купцами, значительно оттеснив норвежцев. Но это уже следующая глава истории Кольской земли.

¹ Сидоров М. О. О мореходстве и торговле бывшего Печенгского монастыря // Труды общества для содействия русской промышленности и торговле. — СПб., 1884. — Ч. 14. — С. 265—266.

² Шаскольский И. П. Экономические связи России... — С. 51.

³ Там же. — С. 52.

ПЕРМЬ ВЫЧЕГОДСКАЯ

ЕРМЬ Великая и Пермь Вычегодская. Тожественны ли два этих понятия, и что они обозначают: земли или народы? Давайте вместе, уважаемый читатель, попробуем разобраться в этом непростом вопросе.

Прежде всего обратимся к источникам. Впервые упоминание народа *пермь* встречается у первооткрывателя отечественной истории Василия Никитича Татищева в приведенных им данных из "Степенной книги" 967 года как народа, который платил дань

Руси¹. Следующие сведения содержатся в "Повести временных лет": "В Иафетове же части сядят Русь, Чудь и вси языци. Меря, Муром, Вель, Мордва, Заволочская Чудь, Пермь, Печера..."² Пермь упомянута между заволочской чудью и печорой, что, видимо, говорит о месте расселения этого народа. Несколько больше мы можем узнать из Московского летописного свода конца XV века, в котором содержатся известия о первом епископе Пермской земли — Стефане Храпе (Пермском), о назначении после его смерти нового епископа Исакия, о завоевании Перми Великой³. Знакомство с Вологодско-Пермской летописью позволяет узнать о природных условиях Пермского края; о вымских и вогульских князьях и их борьбе с московскими князьями⁴. Много сведений о пермяках содержится в Устюжском летописном своде, в котором отражена борьба Москвы с Новгородом за северо-восточные земли, за Пермь Вычегодскую, здесь говорится и об отношениях Перми с Югрой, о походе пермян в составе русского войска в Югру и на Вятку, о набегах "вогуличей" на Вычегду⁵.

В 1927 году начинающий писатель и краевед П. Г. Доронин во время поездок по деревням обнаружил в Усть-Выми (селе, расположенном при впадении Выми в Вычегду) рукописную книгу под названием "Старинная

¹ Татищев В. Н. История Российская... — Т. 1. — Ч. 1. — С. 208.

² ПСРЛ. — Т. 1. — М., 1962. — Стб. 4.

³ ПСРЛ. — Т. 25. — М—Л., 1949. — С. 211, 226—227, 296.

⁴ ПСРЛ. — Т. 26. — М—Л., 1959. — Стб. 289, стб. 276—277.

⁵ Устюжский летописный свод... — С. 63, 66—68, 71, 73, 83, 86, 94, 97; Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. — Л., 1985; ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37.

летопись устьвымской, архангельской и благовещенской церкви и царские грамоты". Так была открыта для истории Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. Ее авторы — устьвымские монахи. Летопись начал вести в конце XVI столетия основатель Устьвымской Архангельской пустыни Мисаил. После его смерти она была продолжена священником Устьвымской Благовещенской церкви Евтихием. По их именам летопись и получила свое второе название — Мисаило-Евтихиевская. Любопытно, что в конце рукописи была сделана приписка: "По просьбе старосты Оквадской введенской церкви Андроника Туйсова с подлинных снял копии вологодский семинарист А. Шергин... июня 13 дня 1813 года"¹. Не предок ли это знаменитого архангельского писателя Бориса Викторовича Шергина? Во всяком случае, известно, что отец Шергина родился неподалеку от Усть-Выми в Яренском уезде.

Эта летопись уже более точно указала границы Перми: северо-западную — по Пинеге и Удоре, восточную — по Вишере, северо-восточную — по Выми, южную — по Сысоло. Западная граница точно не обозначена, хотя, видимо, не случайно летописец начинает изложение с сообщения о закладке города Гледени в устье Юга. Автор дал описание природных богатств Пермской земли, быта и занятий местного населения, системы управления и верований вычегодских пермян².

Изучение всех вышеназванных документов позволяет сделать вывод о том, что Вычегодская Пермь не тождественна камской Великой Перми. Это отдельная земля.

Этимология слова "пермь" остается загадкой. Ряд ученых (в частности, знаменитый русский лингвист А. Потебня) связывают его происхождение с финским

¹ Жеребцов И. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники пармы. — Сыктывкар, 1989. — С. 32—33.

² Савельева Э. А. Пермь вычегодская... — С. 6—7.

"Регамаа" (от "рега" — "задняя, крайняя часть") и переводят как "задняя земля", "земля за рубежом" (А. Й. Шёгрэн, Д. В. Бубрих). Крупнейший этимолог-славист М. Фасмер считает эту версию несостоятельной, но не пытается выдвинуть собственную, отмечая лишь, что "Перемь" памятников древнерусской письменности соответствует древнеисландскому "Вјапмаг" и англосаксонскому "Веопмас"¹.

В конце XIX века исследователь Г. С. Лыткин попытался доказать, что слово "пермь" связано своим происхождением с языком коми. Он приводит ряд близких по звучанию зырянских слов ("пар" — "наrost", "пушок", "бородка"; "пирка" — "одежда из оленьих шкур"; "парма" — "возвышенность, поросшая лесом", "увал", "кряж"), полагая, что "пермь" могло быть производным от них. В пользу его версии, как он считает, говорит и то, что "летопись особо выделяет Вычегодскую парму, которая находится в верховьях рек Ижмы и Вычегды"².

Историки Коми края полагают, что слово "пермь", возникшее как обозначение определенной земли, территории, было заимствовано славянами и стало использоваться в русских летописях как этническое название народа коми³.

Название "сыряне" (зыряне) впервые появляется в "Житии Стефана Пермского" (XIV в. — начало XV в.). По мнению ряда специалистов, первоначально оно относилось к верхнесысольским коми ("сыряне" или "сирияне"). В. Н. Татищев в своей "Истории Российской" также отмечает, что "зыряне, по реке Вычегде, ныне

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка... — Т. 3. — С. 242.

² Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. — СПб., 1889. — С. 17—18.

³ История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. — Сыктывкар, 1978. — С. 22.

Соль Вычегодская, прежде с перми за одно почитаны". Он утверждает, что коми народ обитал в районе Соль-вычегодска, где произошло его обрусение: "...и сих зырян уже весьма малая часть, ибо по приятии крещения, именем тем гнушаясь, русскими зовутся и язык сарматский по большей части забыли"¹. Автор "Истории Российской" имел в виду народ коми, живший на Нижней Вычегде.

По мнению крупнейшего знатока уральской топонимики А. К. Матвеева, "пермь" и "зыряне" — названия-синонимы, означающие "живущие на краю". А. К. Матвеев считает, что наименование "зыряне" относится к народу, родственному прибалтийским финнам и саамам и жившему ранее в Подвинье. Затем этноним "зыряне" бы перенесен на народ коми. Этнограф Л. П. Лащук предложил несколько отличную, но близкую по смыслу этимологию слова "зыряне" — "люди из другой местности"².

А теперь рассмотрим вопрос о происхождении жителей Перми Вычегодской и ее коренного населения — коми народа. Данные исторического языкознания позволяют включить язык коми в уральскую языковую семью, представленную двумя крупными ветвями — финно-угорской и самодийской. К финно-угорским языкам относятся пермские (коми, удмуртский), волжско-финские (марийский и мордовский); прибалтийско-финские (самский, финский, карельский, вепсский, водский, эстонский, ливский), к угорским — венгерский, хантыйский и мансийский. Самодийские языки представлены ненецким, эвенкским, нганасанским, селькупским и саяно-самодийским (ныне исчезнувшим). Все народы, говорящие на этих языках, родственны по происхождению, что доказывается близостью языков, наличием в них обще-

¹ Татищев В. Н. История Российская... — Т. 1. — С. 427.

² Савельева Э. А. Происхождение народа коми // Родники пармы. — Сыктывкар, 1989. — С. 17.

коренных слов. В глубокой древности предки всех перчисленных народов говорили на одном языке, который ученые называют праязыком¹. Где же находилась их прародина? Для выяснения этого вопроса обратимся к данным языкознания. Лингвисты, занимающиеся поисками прародины финно-угров, вычленили из лексики родственных языков совпадающие названия животных и растений и выявили ареал распространения этих слов. Большинство финских и венгерских исследователей склонны считать, что эта территория находилась в Северо-Восточной Европе между Средней Волгой и Уралом. В последние годы в Финляндии, Эстонии и Венгрии выдвинуто предположение о том, что она была расположена между Балтийским морем и Уралом. Известный венгерский лингвист П. Хайду помещает прародину финно-угров к северу от Среднего Урала, в бассейне Нижней и Средней Оби, включая в эту территорию также истоки Печоры.

Исключительно важное значение для решения проблемы происхождения финно-угорских народов имеют данные археологии. В начале нашего столетия финский археолог Ю. Айлио полагал, что прародина финно-угров находится к востоку от Урала. Другой финский ученый А. М. Тальгрэн был солидарен со своим соотечественником. В 40-е годы советские ученые также придерживались этой гипотезы. Новая оригинальная концепция появилась в 60-е годы и впоследствии получила развитие. Ученые О. Д. Бадер, А. Х. Халиков и П. Н. Третьяков считают, что древнейшая финно-угорская культура зародилась по Каме и ее притокам, в лесном Приуралье и Зауралье. Отсюда началось продвижение финно-угров в западном направлении².

Ценными источниками сведений о Перми Вычегодской

¹ Там же. — С. 10.

² Там же. — С. 10—11.

являются сочинения иностранцев, бывавших в России в составе посольств и по торговым делам. Наиболее раннее упоминание о пермяках мы находим у Юлия Помпония Лэта, совершившего в 1479—1480 годах путешествие в "Скифию и Сарматию". "От Борисфена, — пишет итальянский путешественник, — Скифия тянется до Рифейских гор (Уральские горы — В. Б.), которые замыкают ее с востока, и простирается на север вплоть до Ледовитого океана... Немного ниже, на восточном склоне, на расстоянии двухмесячного пути, живут пермяки и заволочане"¹. Сведения, которые сообщил он, очень скудны, да это и понятно, поскольку Юлий Помпоний Лэт никогда не был на Северо-Востоке и писал о пермяках с чужих слов.

Значительно больше сведений о Пермии Вычегодской можно почерпнуть из "Книги о посольстве Василия, Великого государя Московского к папе Клименту VII", написанной римским литератором Павлом Иовием. Вот что он сообщает: "В Устюг жители Пермии, Печоры, Югрии, Вогулии, Пинежане и другие более отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары. Наиболее превосходны собольи меха с гладкой шерстью и легкой проседью, они служат ныне для подкладки царского одеяния и для защиты нежных шей знатных женщин, воспроизводя собой как бы облик живого зверька. Такие меха доставляются жителями Пермии и Печоры... Жители Пермии и Печоры незадолго до нашего времени, наподобие язычников, приносили жертвы идолам, теперь же они чтут господу Христа"². Сведения, дошедшие из глубины веков, очень

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известия западноевропейских путешественников и писателей. — Иркутск, 1932. — Т. 1. — С. 69.

² Там же. — С. 93.

важны, и мы благодарны выдающемуся русскому дипломату Герасимову, который первым сообщил их Павлу Иовию, а тот, поместив их в свою книгу, познакомил с ними европейцев.

Наиболее ценным пособием для нас являются "Записки о Московии" австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, дважды побывавшего в Москве (в 1516 и 1526 годах). Эта книга неоднократно переиздавалась. Современный читатель имеет прекрасную возможность познакомиться с этим ценным историческим источником, вновь опубликованным в 1988 году издательством Московского государственного университета. В подготовке этого переиздания участвовали как российские, так и зарубежные ученые. Оно хорошо проиллюстрировано, содержит обстоятельные комментарии и указатели.

Сигизмунд Герберштейн, по-видимому, не знал, что существует две Пермии — Пермь Великая (Камская) и Пермь Вычегодская, поэтому нам самим приходится разбираться в том, о какой из них он пишет.

Основными занятиями жителей Пермии, по сообщению австрийского путешественника, являются охота и рыболовство. Автор упоминает меха соболей, у которых "признаком зрелости служит чернота, длина и густота шерсти", и утверждает, что лучшие из них привозят с Печоры. А "из Перми, Вятки, Устюга и Вологды привозятся беличьи шкурки, связанные пучками по десяти штук". Из них лучшие и отборные меха купцы вывозят в Германию и другие страны "с большой для себя выгодой"¹. Герберштейн пишет, что пермяки имеют свой язык и письменность, изобретенную для них Стефаном Пермским. Сообщает он также о том, что епископ Пермский "причислен у русских к лику святых", и что

¹ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 127—128.

"до сих пор еще повсюду в лесах многие из них (жителей — В. Б.) остаются идолопоклонниками"¹.

Особый интерес вызывает сообщение австрийского дипломата об Устюжской области, в которой "язык также свой, хотя они больше говорят по-русски"². Можно сделать вывод о том, что еще в XVI веке там проживали аборигены, говорившие на пермском языке.

К концу XVII века относится сочинение Э. Пальмквиста, военного агента шведского посольства, побывавшего в Москве в 1673 году. В его книге содержатся краткие сведения и о территории, заселенной древними коми. Он отмечает, что "от Сольвычегодска начинается народ, называемый зыряне". Автор уже различает зырян и пермяков, живших по Каме. "Из Сольвычегодска в Соликамск — от Сольвычегодска 188 миль. В ста милях по эту сторону Соликамска другой народ, называемый пермяки". Э. Пальмквист указывает, что некогда независимые пермяки были впоследствии покорены русскими, что они имеют свой язык, хотя знают и русский. Автор отмечает развитие коневодства у пермяков, передвигающихся на санях с помощью быстроходных и сильных лошадей³.

В 1692 году зырянский край посетил Эбергард Избраннедес, который интересовался происхождением народа коми. Простодушные зыряне отвечали, что "они о роде своем не известны и не ведают, что предки их пришлые-ль и из которых стран — не знают". Э. Избраннедес считает, что "сей народ прежде сего жительство имел по Лифляндским или Курляндским границам и оттуда военным или иным каким-нибудь случаем выехал и по иным местам переселиться принужден был". Основанием для такого заключения послужило

¹ Там же. — С. 163.

² Там же. — С. 155.

³ Савельева Э. А. Пермь вычегодская... — С. 14.

то обстоятельство, что некоторые из его спутников, знавших ливонский язык, могли свободно изъясняться с зырянами¹.

В истории Перми Вычегодской имеется интереснейшая страница, связанная с древней торговлей. Известно, что территория между Камой, Вычегдой и Печорой с давних пор находилась в орбите оживленной торговли Запада и Востока: "Древняя Пермия была насквозь пронизана нитями торговли, связывающей вычегодские дебри с отдаленнейшими концами Европы и Азии". Сюда проникали изделия Ирана, монеты Британии, серебряные блюда из Греции. Древнее Булгарское царство было форпостом средневековой арабской цивилизации на Севере. Будучи расположенным недалеко от устьев Камы, оно граничило с Пермью Вычегодской, куда проникало его торговое и культурное влияние. Поэтому нет ничего удивительного в том, что клады арабских монет находят не только по берегам Камы, но и в Перми Вычегодской².

Подшло время рассказать о событиях, связанных с включением Пермии Вычегодской в состав Русского государства. Как известно, крупнейшим центром Древнерусской земли была Новгородская феодальная республика. Великий Новгород первым обратил свой взор на Северо-Восток. К концу XII века новгородцы уже взимали дань с югры, перми и печоры, и это отмечает летописец Нестор: "ижа дань дают Руси". Начиная с XIII века, к западу от пермских земель начинает возвышаться Ростово-Суздальское княжество, которое стремится перехватить новгородские дани. "В древние

¹ Путешествие и журнал Избраннедеса // Древне-Российская Вивлиофика. — СПб., 1879. — Т. 13. — С. 362—364; Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми-зырян. — М—Л., 1932. — С. 18—19.

² Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми-зырян... — С. 36—39.

времена, — начинает свой рассказ "Летопись Великоустюжская", — град Устюг Великий, по достоверному историческому летописцев повествованию, имел место положение на горе, которая и до ныне нарицается Гледен... А граждане нарицались устюжане для того, что они жительство свое имели при устье реки Юга"¹. Позднее характерное положение города у слияния рек Сухоны и Юга нашло отражение в композиции его герба, на котором символически изображен Водолей, сливающий воду из двух кувшинов². В дальнейшем город Великий Устюг был перенесен на другое место и стал важнейшим форпостом Ростово-Суздальского княжества на северо-востоке Европы. Другая, Вычегодско-Вымская, летопись уточняет год заложения Великого Устюга (1212 г.) ростовским князем Константином Всеволодовичем и сообщает, что "тот град Константина промыслил брат ево Юрии и своею властию отимал земли по Двине и по Вычегде и по Сухоне и по Юге и пермские дани к себе-ж взял"³. Но новгородцы не сдавались. В первой же грамоте, заключенной Великим Новгородом с тверским князем Ярославом Ярославовичем в 1264 году, Пермь снова называется в числе новгородских владений: "А се волости новгородские: Бежице, Городецъ, Мелечя, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера..."⁴ Борьба шла с переменным успехом. История Устюга оказалась тесно связанной с Ростовом — крупнейшим политическим и культурным центром Северо-Западной Руси. Когда в 1286 году остатки Ростовских земель были вновь поделены между двумя ростовскими князьями, Ростов и Устюг оказались под властью князя Константина

¹ Титов А. А. Летопись Великоустюжская... — С. 1.

² Шильниковская В. П. Великий Устюг. — М., 1987. — С. 8.

³ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 23.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — № 1. — С. 9.

Борисовича¹. В 1212 году летописец, рассказывая об основании Михайло-Архангельского монастыря, характеризует Устюг как типичный для своего времени город-крепость с "острожною осыпью", а в 1220 году он описывает первый успешный военный поход устюжан, которые были вовлечены в борьбу "низовских" князей за господство на важнейших водных путях — Волге и Каме².

Во время монголо-татарского нашествия дремучие леса и топкие болота водораздела стали для Русского Севера надежной защитой от конницы Золотой Орды. Вот почему в этот труднейший период древнерусской истории Устюг оказался в числе немногих городов, которые избежали уничтожения и разорения.

Тем не менее летописец сообщает нам о прибытии в этот славный город татарского баскака по имени Бигуй (Буга). Но власть его продержалась недолго, и уже в 1262 году, в связи с прокатившейся по северным городам волной народных восстаний против татарских сборщиков дани, устюжане учинили расправу над "бессерменами", а насмерть перепуганный Багуй поспешно крестился и лишь таким образом спас свою жизнь³. Этот рассказ устюжского летописца интересен также и тем, что содержит упоминание об устюжском вече. Следовательно, в середине XIII века Устюг, подобно таким крупным вечевым центрам, как Новгород и Вологда, в известной степени обладал самоуправлением и был своего рода "вольным" городом⁴.

¹ Ардашев. Летопись семисотлетнего существования города Великого Устюга // Вологодские епархиальные ведомости. — 1837. — № 34; Устюжский летописный свод // Архангельский летописец. — М—Л., 1950. — С. 49.

² Титов А. А. Летопись Великоустюжская... — С. 8—9; ПСРЛ. — 1856. — Т. 7. — С. 126.

³ Устюжский летописный свод... — С. 47—48.

⁴ Шильниковская В. П. Великий Устюг... — С. 9.

После разорения монголо-татарскими завоевателями юго-восточной части Волго-Окского "ополья" главным центром возрождения всей страны становится молодое и сильное Московское княжество, в основу политики которого была положена идея объединения всех русских земель. В результате этой политики уже при Иване Калите Москве были подчинены основные Владимиро-Суздальские земли, включая и Ростовское княжество вместе с Устюгом. После знаменитой Куликовской битвы значение общерусского центра окончательно утвердилось за Москвой, которая неизменно проводила политику объединения русских земель, преодолевая сопротивление отдельных областей и Великого Новгорода. В 1364 году великий князь Дмитрий Иванович "взверже гнев на князя на ростовского Костентина и взял от тово Ростов и Устюг и пермские места устюгские"¹. В грамоте конца XIV века московского великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину о пожаловании его Печорою в кормление говорится о принадлежности Перми Вычегодской Москве как о давно решенном деле: "А в Перми емлеть подводы, такъ было и доселе"².

При великом князе Василии I Дмитриевиче подвластная Москве территория увеличилась в несколько раз, что способствовало дальнейшему укреплению Московского княжества. В это время к Москве отошел такой важный политический и торговый центр Русского Севера, как Вологда, и в руках Москвы оказалась вся верхняя часть Сухоно-Двинского водного пути от Вологды до Великого Устюга, что открывало дорогу в одну из самых богатых новгородских колоний — в Двинскую землю³.

В это сложное для Москвы время (около 1379 года)

¹ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 23.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — № 87. — С. 143.

³ Шильниковская В. П. Великий Устюг... — С. 9.

на политической сцене появился проповедник Стефан Пермский, который выступал проводником московской политики среди коренного населения Перми Вычегодской. Больше того, апостольский труд иеромонаха Стефана, устюжанина по рождению, ростовца по образованию, москвитянина по духу деятельности, одного из самых образованных русских проповедников, способствовал распространению влияния Москвы на весь Северо-Восток России: и на Двинскую землю, и на вольную Вятку, и на независимую Великую Пермь, и, наконец, за Камень (Уральские горы), к вогулам и острякам¹. Свою резиденцию христианский просветитель установил на Выми. Спустя 400 лет русский путешественник и натуралист, академик М. И. Лепехин посетил Усть-Вымскую слободу. В своих путевых заметках он записал: "Слобода сия должна почитаться первенствующей, из которой истекло православие во всю Пермскую землю, и в которой прежде имел столицу Стефан Великопермский, просветитель Пермского племени"². Стефан, обходя Пермскую землю со своими учениками, истреблял идолов, сжигал кумирницы и на месте прежних мольбищ воздвигал христианские церкви. Борьба с язычеством предстояла нелегкая, как говорится, не на жизнь, а на смерть. Известно, что в дохристианских культах большую роль играли магия, заклинания, колдовство. Языческих жрецов, входивших в общение с духами, русские переселенцы называли шаманами, кудесниками, волхвами и чародеями. По представлениям местного языческого населения, шаманы с помощью заклинаний, ритуальных плясок и песен могли вызывать духов и с их помощью совершать чудеса. Авторитет шаманов среди коми был очень высок,

¹ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык... — С. 1, 4.

² Продолжение Дневных записок путешествия Ивана Лепехина. — СПб., 1814. — С. 277.

а главный противник христианства Пан (Пам) был одновременно и сотником, и кудесником, то есть осуществлял и верховенство в общине, и функции шамана¹.

Стефан не стремился искоренять язычество только насильственными мерами. Главное внимание он уделял духовному просвещению населения: писал и произносил проповеди на коми языке, готовил кадры духовенства из местных жителей, обучал их составленной им же "грамоте пермской". В итоге сопротивление местных сотников и шаманов, опасавшихся потерять свое влияние на население, с помощью московской власти было сломлено².

В знак больших заслуг просветителя перед церковью московский митрополит Пимен учредил в Пермии епархию, возглавил которую епископ Стефан Пермский. Однако это решение пришлось не по душе Новгородской Софии. Владыка новгородский послал рать дружинников "воевати пермскую епархию". Произошло сражение, в ходе которого новгородское войско потерпело поражение от устюжан. Великий князь Дмитрий Донской также "ослушников побил, волости вернул себе и с новгородцев и с двинцов откуп взял". Тем не менее, несмотря на военные победы, великий московский миссионер и дипломат Стефан Пермский явился в Великий Новгород и "поклонился владыке и боярам новгородским". И в результате, как отметила летопись, был "отпущен владыко Стефан от Новгорода с милостию и с дарами"³. Так постепенно и незаметно трудами епископа Стефана Вычегода, Вымь, Сысола и в целом Пермь были присоединены к Московскому государству. Нам известна перемирная грамота великого князя Василия II с польским королем

¹ История Коми АССР... — С. 31.

² Там же. — С. 33.

³ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 25.

Казимиром (1449 г.), в которой московский князь именовав себя пермским¹.

После смерти Дмитрия Донского при его сыне Василии Дмитриевиче в Пермь был послан владычный волоститель, живший где-то на Мезени. "А на Мезени, да на Пермьских, да на Немьюге да на Пилиих горах седел Ярець, и Немьюгу да Пильи горы, еще при великом князе при Василии, новгородцы отняли, а Ярца сослали". Далее в грамоте говорится: "А что Важка, то исконное место великого князя Вычегодское, Пермьяки: и то деи нынеча за себя же привели"². Важка была колонизирована зырянскими выходцами с Вычегды, и, называя ее исконным владением великого князя, автор цитируемого документа, очевидно, считал таким же исконным его владением и Вычегду. Пермь Вычегодская имела как бы двух хозяев, из которых каждый считал ее своею собственностью, между тем в полной мере ни тот ни другой ею не обладал. Новгородцы довольствовались взиманием дани и гарантией свободного прохода в Югру, а у Москвы было стремление быстрее прибрать к своим рукам эту важную "землицу"³.

Двадцатилетняя феодальная война (1432—1453 гг.) Василия II Темного с галицкими князьями Юрием и его сыном Дмитрием Шемякой была важным периодом в создании единого Русского государства. Пермский край испытал на себе всю тяжесть разорительных для страны княжеских усобиц. В 1450 году Дмитрий Шемяка захватил Великий Устюг и два года бесчинствовал там. Летописи донесли до нас весь кошмар событий тех лет: "Казнил князь Шемяка пермских сотников Емельку Лузькова да Ефимия Эжвина да десятников их", "на-

¹ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских... — С. 9—10.

² ААЭ. — СПб., 1836. — Т. 1. — С. 74—75.

³ Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми-зырян... — С. 63.

ущением того Шемяка пришедшу вятчане на Сысолоу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожгли, храмы святей грабили, церковное все поимали"¹. В 1471 году во время борьбы Москвы с Новгородом устюжская рать помогла разгрому двинского войска новгородцев, которым на время удалось захватить земли Перми Вычегодской. По Коростынскому мирному договору 1471 года Новгород признал верховную власть московского князя, а в 1478 году окончательно был включен в состав единого Русского государства. В списке Двинских земель 1471 года читаем: "а что Важка (левый приток реки Мезени, так называемый Удорский край — В. Б.), то исконное место Великого князя Вычегодское, Пермьки (то есть вычегодские зыряне — В. Б.); и то деи нынеча Новгородцы (во время борьбы с великим князем — В. Б.) за себя ж привели"².

В 1481 году по распоряжению Ивана III великокняжеский писец Иван Гаврилов переписал земли "вычегодские, и вымские, и сысольские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину". С охотничьих угодий и рыбных промыслов местное население должно было отныне платить ясак в государеву казну³.

В конце XV века преемники епископа Стефана Пермского владели "землями на Выми и на Вычегде и по всей Вычегодской земле, деревнями и пустошми и дворы и пожнями и озерами и реками и участки в озерах и угодьи, которые земли были за передними (прежними — В. Б.) владыками за пермскими". Эта вотчина была утверждена за ними жалованной грамотой, данной великим князем Иваном III 19 ноября 1480 года владыке Филофею⁴. К титулам будущих государей всея Руси прибавилось звание пермский. Василий Иоанович

¹ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 26.

² ААЭ... — Т. 1. — № 94. — С. 112.

³ История Коми АССР... — С. 36.

⁴ Там же. — С. 34.

величал уже себя "царем и господином всей России и великим князем владимирским, московским, новгородским, псковским, смоленским, тверским, югорским, пермским, вятским, болгарским и прочая"¹.

Москва стремилась укрепить свою власть в Перми Вычегодской. С 1451 года великим князем Василием Васильевичем сюда посылаются наместники из рода верейских князей, чтобы "правити Пермской землей вычегодскою"². В документах XV века впервые упоминаются уже имена вымских князей Ермолая, Василия, Федора и Петра. Князья являлись наместниками великого князя, возглавляли местную администрацию, в обязанности которой входили сборы налогов, обложение различными податями, суд над государственными крестьянами. Вымские князья стояли во главе местного войска во время походов против угорских князей, заключали договоры вместе с представителями пермского владыки³. В то же время следует отметить, что вымские князья были только ставленниками Москвы и не имели большой самостоятельности и реальной власти. Главным феодалом Пермской земли выступало государство в лице московских князей, которые считали себя верховными собственниками всех земель края. Так, митрополит Иона в послании от 1452 года упоминает "Великого князя вотчину Сысолу и Вымь и Вычегду"⁴. В духовной грамоте 1504 года великий князь Иван III называет "Вычегду, и Вымь, и Удору' и Сысолу, и со всеми их месты" своими наследственными владениями⁵.

¹ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии... — С. 74.

² Политов В. В. Яренск / Исторический очерк. — Л., 1978. — С. 11.

³ Савельева Э. А. Пермь вычегодская... — С. 123—124.

⁴ Акты исторические. — СПб., 1841. — Т. 1. — № 112. — С. 166—169.

⁵ Духовные и договорные грамоты... — С. 36.

Земли по берегам Вычегды, Выми, Удоры и Сысолы были заселены уже издавна. В XVI веке начинается интенсивное освоение северо-восточных пространств Пермского края. Берега рек Цильмы и Ижмы в то время представляли собой нетронутые места: "лес, дичь и мхи, соколи и кречатые садбища". Богатые промыслы привлекали в эти места кеврольцев, чакольцев и мезенцев, которые приезжали сюда издалека "наездом" бить зверя и ловить рыбу.

В начале правления царя Ивана IV (1544 год) здесь появился слободчик Ивашка Дмитриев Ластка Новгородец, который выхлопотал себе жалованную "слободскую грамоту на земли по Печоре от устья Цильмы вверх и по Ижме"¹.

Историк М. П. Алексеев, ссылаясь на местную церковную летопись, пишет, что Ивашка Дмитриев Ластка с товарищем поселился в этих местах в 1542 году. Позднее к ним присоединились и другие выходцы из новгородской и поморской земель². Ивашка Ластка энергично принялся "копити слободу". В 1547 году он выстроил церковь Николы Чудотворца, вокруг погоста стал расти и поселок. В 1564 году в Усть-Цильме уже числилось 14 дворов.

Почти одновременно с Цильмой обживались места по реке Ижме. Разница лишь в том, что первыми насельниками Усть-Цильмы были в основном выходцы из архангельского Поморья, а Ижма привлекала местное население — зырян. В 1567 году уже образовалась Ижемская слобода, а население, обжившееся в среднем течении реки Печоры и по реке Ижме, составило особую этнографическую группу ижемцев или коми-ижемцев.

¹ История Коми АССР... — С. 39.

² Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. — Иркутск, 1932. — Т. 1. — С. 216.

Выходцами из новгородских земель была основана Глотова слободка; еще в конце XV века среди посадских людей Старой Руссы встречалась фамилия Глотовых. Дозорная книга Вымской и Вечегодской земель 1608 года отмечает большое количество "приходцев": "Алешка Вилежанин, выходец с Виледи, а Алешка Вишератин, уроженец Вишеры". В 1591 году упоминается поселившийся в Лузской Пермце вятчанин. О проникновении русских людей в Пермь Вычегодскую красноречиво говорит название одной из сысольских деревень — Русь¹. Переселяясь на новые "землицы", русские люди приносили с собой более передовую систему хозяйства, помогали местному населению строить добротные избы, осваивать земли, совершенствовать сельскохозяйственные орудия. В свою очередь зыряне были очень искусными охотниками. Путешественник И. Пушкарев писал о местных стрелках, которые "редко дают промах: хорошим ударом считается у них, когда на расстоянии 80 шагов попадают в нос или в глаз белке, чтобы не испортить шкурки, поранить же белку иначе считается стыдом"².

С богатейшей историей Перми Вычегодской тесно связаны судьбы людей, городов и земель архангельского Поморья. В конце 1379 года православный просветитель Стефан Пермский начал свою миссионерскую деятельность с Пыроса и Виледи и постепенно распространил ее вверх по Вычегде³. Если верить древним легендам, то именно на месте загадочного Пыроса стоит сейчас город Котлас. Здесь просветитель основал часовню, а затем и церковь во имя Николая Чудотворца. "Сия церковь замечательна тем, что она первая из сооруженных

¹ История Коми АССР... — С. 39—40.

² Пушкарев И. Описание Вологодской губернии // Описание Российской империи. — СПб., 1846. — Т. 1. — Кн. 4. — С. 68.

³ Политов В. В. Яренск... — С. 8.

в зырянской земле св. Стефаном в XIV веке, и здесь этот новый апостол начал свою проповедь язычникам"¹.

Академик И. И. Лепехин в историческом очерке о зырянах, основываясь на данных историка В. Н. Татищева, утверждал, что главный город зырян — "Соль Вычегодская, по нем Яренск"². До сих пор два квартала Сольвычегодска носят пермские названия — Большой и Малый Грезды (в переводе с языка коми "грезд" — "деревня")³. Действительно, в Сольвычегодском уезде проживало пермское население, так называемые пермцы. Исследователь А. Дмитриев на основе анализа писцовых, переписных и приправочных книг XVII века установил, что в уезде в это время существовало две деревни пермцы — одна на Лузе, другая на Виледи"⁴.

Но дело в том, что Сольвычегодск не мог быть главным городом зырян. Он вошел в историю России как резиденция купцов-промышленников Строгановых, как опорный пункт для продвижения русских в Сибирь и на Дальний Восток. Об этом будет обстоятельно рассказано в следующей моей книге. Не принижая значения Усть-Выми, первой резиденции пермских епископов, и Княжпогоста, где, согласно преданию, жили вымские князья, мы тем не менее должны признать, что главным административным центром, первой официальной столицей Перми Вычегодской был Яренск. Вычегодско-Вымская летопись под 1384 годом сообщает,

¹ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских... — С. 46.

² Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г. — СПб., 1805. — Ч. 4. — С. 389; Татищев В. Н. История Российская... — Т. 1. — С. 251.

³ Очерки по истории Коми АССР. — Сыктывкар, 1955. — Т. 1. — С. 47.

⁴ Дмитриев А. Пермь Великая в XVII в. // Пермская старина. — Пермь, 1890. — Вып. 2. — С. 41; Савельева Э. А. Пермь вычегодская... — С. 151.

что Стефан Пермский воздвиг "монастырские-ж (храмы — В. Б.) и на Вотче и на Еренском горотке поставил игумены, и попы и дьяконы в оных"¹. Это первое упоминание Яренска в исторических документах. В жалованной грамоте великого князя Ивана III жителям Перми Вычегодской также имеются упоминания о "Еренском городке": "А князины наше жалование озера и курьи князю Петру да Федору в межах волосных против погоста Шеномскова по Вычегде два озера да под Еренским городком озеро да курейка..."² Постепенно начинается соби́рание земель Яренского уезда. Изменения, происходившие в крае, отмечает историк М. Богословский, который писал: "В конце XVI века эта местность не носит еще единого общего названия и для ее обозначения официальные акты перечисляют отдельные "земли", входящие в ее состав и представляющие из себя особые земские миры. Как целое уезд сформировался только в XVII веке, но "земли", называемые также волостями, не слились еще прочно, в них заметны еще признаки обособленной жизни"³. В начале XVII века в составе Яренского уезда упоминаются Вычегодские земли, Плесовская волость, волость архиепископов Вологодского и Великопермского, Вымские земли, Удорская волость, Глотовская слободка, Сысольские волости и Ужгинская волость.

При великом князе Шуйском в Яренске появляется местный представитель центральной власти — воевода. Почти все вычегодско-вымские земли находились в его ведении, а небольшая часть уезда (так называемые "отхожие" волости) управлялась выборными земскими

¹ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 24.

² Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. — М—Л., 1959. — Т. 26. — С. 247.

³ Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке... — Т. 1. — С. 17—18.

судейками и старостами, которые по судебным и податным делам обращались непосредственно в Москву, минуя воеводу. Первым яренским воеводой был Василий Яковлевич Унковский¹. Он обладал широкими полномочиями. Воевода был наделен судебной и административной властью, следил за исправным поступлением налогов с населения, своевременным исполнением повинностей. Многие фискальные заботы легли на плечи местных таможенных голов и целовальников.

В Яренском уезде жили и русские, и зыряне. Русские поселения были расположены в Плесовской волости, в вычегодских землях до Межого, где проходила полоса этнической границы. В 1840 году В. Н. Латкин во время своего путешествия по Печоре также отметил границу между русскими и коми по селению Межог, где "в одном конце деревни говорят еще русским, а в другом уже зырянским"². Вымская земля, Удора и Сысольские волости были в основном заселены коми-зырянами.

Начало XVII века явилось тяжелым временем испытаний и потрясений для Русского государства: нашествия польско-литовских и шведских интервентов, разорение многих русских земель, рост налогов и голод, народные восстания. Вычегодскую землю также не обошли общие беды. Во всенародной борьбе с интервентами приняли участие жители всего края. Вычегодско-Вымская летопись запечатлела хронику тех грозных событий: летом 1608 года "повле государь Василий собрати с уезду Еренсково и с Великие Перми людей ратных семидесяти и идти им к Москве", "дозорили уезду Еренскова сошки Василей Ларионов (новый яренский

¹ Политов В. В. Яренск... — С. 13.

² Латкин В. Н. Дневник путешествия на Печору. — СПб., 1853. — С. 36.

воевода — В. Б.) да подъячий Ондрей Горохов"; в 1609 году "повелением государя Василея Ивановича с уезду Еренскова посланы люди ратные в Костромской уезд 66 человек, а с ними ратной голова Ивашко Григорьев вымич"; в 1610 году "велено взять 60 ратных людей к Вологде в полки князя Скопина-Шуйского"; в 1611 году "повелением князя Дмитрея Пожарского да Прокопья Ляпунова присланы с вычегодские пермские мест на Ярославль ратные люди 50 человек"¹. Посылка ратных людей, финансовая помощь из Яренска способствовали разгрому интервентов и освобождению Москвы. Признанием заслуг жителей края является грамота Дмитрия Пожарского, отправленная в октябре 1612 года яренскому воеводе Ф. Янову, в которой сообщалось о разгроме под Москвой гетмана Хоткевича. Одновременно Д. Пожарский предупреждал воеводу о возможном появлении поляков и литовцев на Вычегде².

Осенью 1612 года разбитые под Москвой войска интервентов, перегруппировавшись в отдельные отряды, устремились на Север. 22 января 1613 года после ожесточенного боя был захвачен и разграблен город Сольвычегодск. Яренск готовился к обороне, но польско-литовские захватчики не решились на штурм острога.

...В 70 километрах от Сольвычегодска вверх по реке Вычегде стоит деревня Литвиново. Легенда объясняет название этой деревни тем, что здесь находятся литовские могилы. Один из польско-литовских отрядов после захвата Сольвычегодска отправился искать добычу вверх по Вычегде, но нашел здесь свой бесславный конец. Однако это всего лишь легенда³.

В начале XVII века Яренск, как и другие древне-

¹ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 30—31.

² Очерки по истории Коми АССР... — Т. 1. — С. 96.

³ Политов В. В. Яренск... — С. 14.

русские города, состоял из острога (крепости) и прилегающего к нему посада. Город был расположен на низком песчаном берегу Вычегды, и весеннее половодье ежегодно причиняло ему значительные разрушения.

Летом 1632 года встал вопрос о переносе Яренска на новое место. Воевода сыскал такое место и, как положено, послал в "златоглавую" чертеж: "А под острожком в сторону будет река Вычегда с полудни, а с другую сторону речка Кижмолка с запада, а с восточную сторону с горы лес, а тот лес на острожное дело будет годен". Вскоре поступила царская грамота с разрешением переносить городок "всею Еренскою и Вымскою землею и Сысолою"¹. Однако, как у нас водится, перенос города надолго затянулся. А тем временем Вычегда изменила свое русло, и угроза наводнения навсегда исчезла. О местоположении бывшего Еренского городка ныне напоминает одинокий холм перед Яренском, известный под названием "Старого городка".

Выгодное расположение Яренска на большом сибирском пути, проходившем по Вычегде, Выми, Ижме и Печоре, способствовало активной торговой деятельности населения. Но это уже следующая, особая страница жизни первой официальной столицы Перми-Вычегодской.

¹ Там же. — С. 15—16.

ПЕЧОРСКИЙ КРАЙ

ПРОМНЫЙ Печорский край, равный по площади Франции, издавна манил русских первопроходцев. Названием своим обязана эта древняя земля великой реке-кормилице Печоре, которая протянулась через дремучую тайгу и бескрайнюю тундру от Северного Урала до Ледовитого океана. Тысячу во-семьсот девять километров составляет ее длина. Существуют несколько топонимических версий, объясняющих происхождение ее имени. Большинство ученых-этимологов считают его диалектным вариантом церковносла-

вянского слова "пештера" ("пещера") и полагают, что река Печора была названа так из-за обилия пещер в своем нижнем течении¹. Не случайно монастыри, иноки которых жили в пещерах, известны как "печерские" — Киево-Печерский, Псково-Печерский. По другой версии, слово "печора" имеет югорское происхождение и составлено из двух слов: "пече" — "сосна" и "ра" — "река" ("сосновая река")². Историк Л. П. Лащук название Печора (Печера) выводит из самодийских диалектов, в которых слово "пэчера" означает "лесные люди"³. Думаю, что заслуживают внимания все эти суждения.

Северным землепроходцам раньше других стал доступен путь по Печоре, известный к XVII веку как "чрезкаменный", или просто путь "через Камень". Сложность его заключается в том, что по Северной Двине и ее притокам Югу и Сухоне, берущим начало на Адаунской возвышенности, нужно было выйти к центру Русской равнины, а затем по восточным притокам Печоры достичь Уральских гор, образующих водораздел между бассейном этой реки и бассейном Оби⁴.

Заглянем, уважаемый читатель, в глубины истории древнего Печорского края.

В одной из летописей, относящейся к концу XI века, говорится о югорцах, которые "соседят с самоедью на полуночных странах"⁵. В другом новгородском сказании, относящемся к концу XV века и названном "О человецех незнаемых в Восточной стране", повествуется о том,

¹ Фасмер М. Этимологический словарь... — Т. 3. — С. 256.

² Гунн Г. П. Печора — золотые берега. — М., 1972. — С. 26—27.

³ Лащук Л. П. "О человецех незнаемых"... — С. 206.

⁴ Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. 1. — С. 72.

⁵ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 107.

что "на восточной стране, за Югорьской землею, над морем, живут люди самоедь, зовомыи Малгонзеи... сии ж людей не велики ростом, плосковидны, носы малы, но резвы велми и стрелъцы скоры и горазды. А ездят на оленях и на собаках, а платье носят соболье и оленье, а товар их соболи..."¹. В этом сказании говорится о нескольких племенах самоедов: малгонзеях, каменской, линной самоеди и других.

Попытаемся разобраться в том, почему ненецкий народ называли раньше *самоедью*. Исследователи Н. Витсен, Н. А. Абрамов и А. Шренк полагали, что русские дали это имя ненцам потому, что считали их людоедами². Один из путешествовавших по России иностранцев писал: "По значению слова самоед на русском языке можно почитать самоедов людьми, которые едят себя. В старинных русских летописях и приказных ведомостях самоеды назывались иногда "сыроядцами", потому что издавна употребляли в пищу сырое мясо и рыбу. Возможно, что русские, заметив такое странное употребление мяса и рыбы, и дали им наименование самоедов, так как видели их самое (сырое, неприготовленное мясо — В. Б.) и ядущих (питающихся — В. Б.) или потому, что из зверского употребления ими в пищу сырого мяса ошибочно заключили, будто они едят самих себя"³.

По другой версии, слово "самоед" пришло из финского языка и означает "болото".

Ненецкий язык относится к самодийской языковой группе. Поэтому известный этнограф и лингвист Г. Н. Прокофьев этимологию слова "самоед" связывает с названиями племенных групп самодийских народностей.

¹ Титов А. А. Сибирь в XVII в. — М., 1890. — С. 1—6.

² Хомич Л. В. Ненцы. — М—Л., 1966. — С. 25—26.

³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 201.

Одна из групп энцев — мадду, называемая соседями, в частности, нганасанами, "самаду". "Вот с этим-то названием, — пишет Н. Г. Прокофьев во введении к грамматике ненецкого языка, — правомерно связывать название "самоеды", учитывая, что на Крайнем Севере наиболее распространенным среди русских старожилов названием для самоедов является не "самоеды" или "самоядь", а "самоди" или "самодины"¹. Версия Н. Г. Прокофьева представляется весьма убедительной.

Одним из наиболее общепринятых является объяснение происхождения слова "самоед" от словосочетания "саамъ една", что на саамском языке значит "земля саамов" (И. Г. Георги, Б. О. Долгих). Услышав "саамъ една", древнерусское население переименовало его в "самоеды" и так стало называть живущих там людей².

Один из путешественников, побывавших в ненецкой тундре в конце XIX века, отмечал: "Самоеды между собою называют один другого не поименно, а просто общим названием для всего народа — "хазово". Слово "хаз" значит сам, а "ово" значит один или сам-един, соответствующее их названию "хазово"³. В Сибири западные самоеды называли себя "ненец" ("человек") или "ненця" ("люди"), а самоназвание восточных самоедов — "хасово" ("муж"). Канинские и тиманские самоеды, жившие в Мезенском уезде, также говорили о себе "ненец" или "ненця", а большеземельские — "хасово".

Крупный венгерский ученый П. Хайду, критически

¹ Прокофьев Н. Г. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. — М.—Л., 1937. — Ч. 1; Старцев Г. А. Самоеды (ненча): Историко-этнографическое исследование. — М., 1930. — С. 18; Таращенко Н. М. Материалы по языку ненцев. — М., 1956.

² Хомич Л. В. Ненцы... — С. 5.

³ Белявский. Поездка к Ледовитому морю. — М., 1883. — С. 154.

проанализировав все существующие мнения о происхождении слова "самоед", не считал возможным безоговорочно принять какое-то одно из них, но высказал уверенность в том, что это слово нерусского происхождения¹.

О происхождении самого этноса также нет единого мнения.

По одной из гипотез, предками ненцев являются самодийские народы, обитавшие на северных склонах Саянского нагорья. Швед Страленберг высказал предположение, что народы Саянского нагорья являются потомками самоедов, которые под влиянием каких-то причин двинулись на юг, заселив Саянское нагорье².

Противоположную точку зрения высказал историк И. Э. Фишер, который предполагал, что северные самоеды являются потомками самоедских племен Саянского нагорья, продвинувшихся из Южной Сибири в более северные страны³. Предположение русского ученого было подкреплено огромным лингвистическим материалом и обосновано финским исследователем М. А. Кастреном. Научные споры о происхождении ненцев продолжаются до сих пор. Но, как отмечает авторитетный ученый Людмила Васильевна Хомич, хотя "в проблеме этногенеза ненцев и других самодийских народностей остается много нерешенных вопросов, однако факт прихода предков современных самодийских народностей, в том числе ненцев, в I тысячелетии нашей эры с Саянского нагорья нам представляется бесспорным"⁴.

Определим основную территорию, которую занимает ненецкое население. Западной границей расселения нен-

1 Хомич Л. В. Ненцы... — С. 27—28.

2 Там же. — С. 6.

3 Фишер И. Э. Сибирская история. — СПб., 1774. — С. 74.

4 Хомич Л. В. Ненцы... — С. 30—41.

цев являются притоки рек Мезени и Неси. Восточная граница проходит по правому берегу Нижнего Енисея до верховий западных притоков реки Пясины. С юга территория кочевий ненцев ограничена реками Пезой, Сулой, Печорой, Усой, Щучьей, Полумом, верховьями реки Надыма, водоразделом между реками Пуром и Аганом, нижним течением реки Таз, низовьями Енисея между Игаркой и Дудинкой. Северной границей стал берег Северного Ледовитого океана. Ненцы обитали также на островах Новой Земли, Колгуеве и Вайгаче, а промысел вели на островах Долгом, Белом, Шокальского, Оленьем и Сибирякова.

Эта обширная территория делится на тундры: Канинскую, Тиманскую, Малоземельскую, Большеземельскую, Ямальскую. Гыданский и Тазовский полуострова образуют Низовую тундру¹.

О самоедах много писали иностранные путешественники, побывавшие в России. Джованни дель Пьяно-Карпине (Плано-Карпини), глава европейской миссии, посланный к монголам папой Иннокентием IV с разведочными целями в 1241 году, передает в своей книге то, что он слышал: "...они пришли к Самоедам; а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей"². Очень обстоятельную и достоверную информацию о самоедах дал немецкий историк начала XVII века Иероним Мегизер. Приведем только небольшую выдержку из его сочинения о жителях Печорского края: "Самоеды представляют собою весьма низкорослых людей, которые носят длинные волосы, заплетенные в свисающую назад косу, имеют широкие и плосконосые лица, с темным цветом кожи по причине холодов, большую голову,

¹ Хомич Л. В. Ненцы... — С. 16—17.

² Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 8.

маленькие глаза, короткие бедра, изогнутые подобно луку; колени их смотрят не вперед, как у нас, а в разные стороны; несмотря на это они очень быстры в беге и прыжках"¹.

А какие сведения о самоедах оставили потомкам наши первые отечественные историки? В. Н. Татищев пишет в "Истории Российской": "От сих к Северному морю, а от Двины до гор Поясных ныне самоедь, сами зовутся самио и самогити, живут в лесах без домов и проходят на запад до Лапландии, а на восток до реки Лены. Они у Плиния, мно, аринфеи имянованы, понеже обстоятельства о них сказанные сами согласуют, а по имени, видится арима, или вотяки, то, может тогда все от неведения за одно почитано. Карпеин и Рубрик, мно, сих же торцесы имяновали. У русских древнее звание печора от реки. Главный у них град русскими в прошедшем веке построен Пустоозерск"².

Не обошел самоедов вниманием и наш земляк М. В. Ломоносов. В работе "О размножении и сохранении российского народа", написанной в характерной для него манере, он точно подмечает: "Живут и лопари, питаются почти одною только рыбою... сравните их с живущими в том же климате самоедами, питающимися по большей части мясом: первые ростом мелки, малолюдны... Самоеды, напротив того, ростом не малы, широкоплечи и сильны, и в таком множестве, что если бы междоусобные частые кровавые сражения между многими князьками не случались, то бы знатная восточно-северного берега часть ими населилась многолюдно"³. В 1948 году историк А. И. Андреев обнаружил в архиве Вольтера работу М. В. Ломоносова, целиком посвященную самоедам, к сожалению, не опубликованную до сих пор.

¹ Там же. — С. 272.

² Татищев В. Н. История Российская... — Т. 1. — Ч. 1. — С. 251.

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч... — Т. 6. — С. 394.

Кто же населял Припечорье до ненцев? Древние летописи донесли до нас известия о "чудских, югреч и пещеры" племенах.

На каждом шагу русские землепроходцы встречали следы исчезнувшей жизни: "чудские городища", "вековые, годов за 200 лет, чудские дворища", "на черном лесу чудские печища", многие из которых "лесом ...поросли большим, обоймы дерево по полуторе и по две, и больше"¹. В устье реки Печоры обитало загадочное племя *печера*, которое упоминается в "Повести временных лет". Финский ученый М. А. Кастрен, а вслед за ним и профессор Н. П. Барсов полагали, что "печерой" называли "часть зырян, жившую к северу от Перми по Вычегде и до реки Печоры"². Уже в XII веке этот народ платил дань Великому Новгороду. В 1187 году, как информирует нас новгородская летопись, "печерской данники и Югорьский в Печере" были убиты³. Как видно, проникновение русских землепроходцев в "полунощные страны" носило далеко не мирный характер. Ненецкий фольклор сохранил память о народе *сииртия* (*сихиртия*), который состоял из охотников на дикого оленя и морских зверобоев. Ученик и последователь Ломоносова, академик И. И. Лепехин, путешествуя по Архангельской губернии, оставил сведения о том, что "вся самоедская земля в нынешнем Мезенском округе наполнена запустевшими жилищами некоего народа... В сих пещерах обретают печи и обломки железные, медные и глиняные домашних вещей обломки"⁴. Авторитетным

¹ Богословский М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в... — Т. 1. — С. 1.

² Барсов Н. П. География начальной (несторовой) летописи... — С. 57.

³ Новгородская первая летопись... — С. 38.

⁴ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1805. — Ч. 4. — С. 203.

можно считать мнение ученого-этнографа и лингвиста Л. П. Лащука, который утверждал, что "в полосе Карской и Печорской тундры древняя культура морских зверобоев и бродячих охотников на дикого оленя сменилась культурой кочевых оленеводов уже в первой половине II тысячелетия до нашей эры"¹. В 1987 году экспедиция, организованная Ленинградским отделением Института археологии Академии наук СССР и Архангельским областным краеведческим музеем, которую возглавил доктор исторических наук О. В. Овсянников, начала археологические работы на Печоре. В урочище Ортико был раскопан древний городок Печора, предшественник Пустозерска. О. В. Овсянников считает, что обнаруженные экспедицией археологические памятники принадлежат до-ненецкому населению Печоры. Сам же народ пещера, возможно, был ассимилирован ненцами и русскими в последующие столетия².

Что привлекало русских первопроходцев в Печорском крае? Основная цель состояла в обложении народов данью, чтобы затем получить как можно больше деликатесной красной и белой "рыбицы", дорогого "моржового зуба", а, главное, пушнины. Печорская пушнина очень ценилась на внешнем и внутреннем рынках.

В 1114 году один из летописцев посетил древнюю Ладогу и записал со слов посадника Павла рассказ о том, что "мужи старии ходили за Югру и за Самоядь" и видели в "полунощных странах" несметное количество горностаев: "...опаде тучи и в той туче спаде веверица млада, аки топерва рожена, и взрости и расходится

¹ Лащук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края: Опыт историко-этнографического исследования. — Сыктывкар, 1958. — С. 55.

² Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера... — С. 245—259.

по земле, и пока бывает другая туча, и спадаюти раз-
ходятся по земли"¹.

Известно, что Господин Великий Новгород облагал ясачной меховой данью ненецкие племена и роды еще в ту пору, когда Новгородское княжество входило в состав Киевской Руси. Продолжали ненцы платить меховую дань и после образования Новгородской феодальной республики. Больше того, с XII века дань с них брали не только новгородцы, но и великие князья. Новгород, владея обширными территориями Печорского края, обязан был платить великим князьям особую дань, которая называлась печерскою². Новгородские ушкуйники забирали у ненцев не только пушнину (белых и голубых песцов, черно-бурых и красных лисиц, соболей, бобров, белок, горностаев, куниц), но и оленье меха-неблюи, пыжики, оленье шкуры, меховую одежду и обувь. С XIII и вплоть до XV века мы не находим в летописях упоминаний о самоедах. Очевидно, это "умалчивание" связано с борьбой Великого Новгорода против Москвы. Первую успешную попытку захватить Печору предпринял великий князь Иван Данилович Калита. Его последователь Дмитрий Донской уже полновластно распоряжался Печорой, отдав ее в "кормление" Андрею Фрязину, "как было за его дядею за Матвеем за Фрязином"³. В 1367 году он окончательно отобрал у Великого Новгорода Печору, Мезень, Кегролу (Кевролу)⁴. С утратой своего политического и экономического господства над северными территориями новгородцы лишились права сбора дани в виде "драгоценной рухляди" и "потько" (дичи).

¹ ПВЛ. — Т. 1. — С. 197.

² Карамзин Н. М. История государства Российского... — Кн. первая. — Т. 2. Гл. II. — С. 107.

³ Овсянников О. В. Путь встреч солнцу // Летописец Севера: Историко-краеведческий сб... — Архангельск, 1990. — С. 14.

⁴ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 115.

Златоглавая Москва и ее правители были наслышаны о самоедах и богатом Печорском крае. Замечательный русский писатель конца XIV — начала XV веков Елифаній Премудрый осветил жизнь северных народов в принадлежащем его перу житии Стефана Пермского. Наряду с югрой, печерой и вогулами он упоминает и самоедов, выделяя их в особую группу¹.

Московские цари пошли дальше новгородцев, объявив тундровые земли государственной собственностью, а самоедов, проживавших в этих местах, ясачнообязанными людьми. Первым и окончательным актом покорения Печорского края стало приведение его жителей к присяге. Кроме дани самоеды и зыряне облагались воинской повинностью. Ненцы и зыряне с Ермаком и государевой ратью ходили покорять Сибирское ханство Кучума².

В 1545 году самоеды Левко и Аницы от имени кочевников Канинской и Тиманской тундр оправились в Москву с челобитной к самому царю Ивану IV Грозному. Сохранился царский ответ — один из самых ранних документов, на основании которого можно судить о размерах ясачной дани: "А те де самоядцы своих пятидесяти луков, с того же места, дают мнеж великому князю в казну по 3 рубли в год... и чтоб им, приезжая на Лампожню торговати, было где ставится, а наддадут над старым оброком полтину". Заканчивается грамота грозным предупреждением: "А кто учинет у тех самоядцев у Канинских и Тиунских в их рыбные ловли и в звериные ухожия вступиться, или кто через сию грамоту чем их изобидит: тому от меня, от великого князя, быть в опале и в продаже"³.

¹ Житие Святого Стефана епископа Пермского, написанное Елифаном Премудрым. — СПб., 1897. — С. 9.

² История Коми АССР... — С. 46; Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр. — Архангельск, 1979. — С. 123.

³ ААЭ. — Т. 1. — С. 182.

Иван Грозный отдал в потомственное владение ненцам Канинскую и Тиманскую тундры и все рыбные и звериные угодья в них. За пользование землей устанавливалась твердая ясачная дань: по три рубля в год с пятидесяти человек, владеющих луком, плюс пятьдесят копеек за право торговли в Лампожне, что составило по семь копеек с каждого взрослого самоеда. Следует заметить, что в 1497 году на семь копеек можно было купить четырнадцать пудов ржи¹.

Московское правительство и духовенство стремились обратить самоедов в православную веру. Первые попытки христианизации ненцев относятся к XVI веку. Историк Е. Е. Замысловский, используя в качестве исторического источника записки Герберштейна, лаконично сообщает: "В 1518 году приняли крещение обитатели устьев Печоры — люди простого ума"². 31 января 1597 года царь Федор Иоаннович издал указ, которым предписывалось пустозерскому воеводе князю Василию Ухтомскому призывать самоедов и других иноверцев принять христианскую веру³. В 1643 году немецкий ученый и писатель Адам Олеарий в Польском приказе встретился с самоедами. Беседа с ними дала ему материал, на основании которого в его книге написана отдельная глава: "О качествах северных народов и о народах, называемых самоедами". В ней говорится о том, что два самоеда с Печоры ждали аудиенции у царя Михаила Федоровича, которому они привезли в подарок несколько оленей и шкуры белых медведей. Олеарий отметил, что они хорошо говорили по-русски. Ненцы рассказали немецкому ученому о том, что "приблизительно 23 года тому назад

¹ Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр... — С. 124.

² Замысловский Е. Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России... — С. 416.

³ Акты исторические. — Т. 2. — С. 466; Старцев Г. А. Самоеды... — С. 28.

(в 1620 году — В. Б.) самоеды присылали посольство к великому князю и просили его о присоединении к русской вере. Это и было сделано, и епископ Владимирский с несколькими попами и священниками были посланы туда, чтобы обучить их вере и крестить¹.

Однако миссионерская деятельность среди самоедов протекала очень вяло. В 1740 году императрица Анна Иоанновна издала высочайший указ, в котором предлагала Святейшему Синоду предпринять усилия по обращению в христианскую веру самоедов и лопарей. Для этого предлагалось привлечь просветителей-священников, владеющих родными языками этих народов. Одновременно Архангельской епархии предлагалось подобрать восемнадцать мальчиков-самоедов, чтобы обучить их и впоследствии сделать миссионерами. Однако подготовить их для этой деятельности не удалось².

В 1824 году священник Ижемского церковного прихода Истомин окрестил в тундре 115 самоедов. После создания особой духовной миссии в Архангельске во главе с архимандритом Антониево-Сийского монастыря Вениамином с 1825-го по май 1830-го года в тундрах Мезенского уезда было окрещено 3303 ненцев обоего пола³.

Большим богатством Печорского края были охотничьи птицы — соколы. Соколиная охота была исключительной привилегией русских князей и составляла их любимую забаву⁴. Первые упоминания об этом увлечении именитых

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 283—288.

² Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр... — С. 90—91.

³ Там же. — С. 92.

⁴ О соколином промысле и охоте см.: "Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения Сокольнича пути с пояснительною к нему заметкою С. Т. Аксакова. — М., 1956; Кутепов Н. Великокняжеская и царская охота на Руси в X—XVI вв. — СПб., 1896. — Т. 1—2; Дементьев Г. П. Сокола-кречеты. — М., 1951; Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока. — М., 1952 и др.

вельмож мы находим уже в "Слове о полку Игореве". Соколы Печорского края особо ценились с давних пор. По свидетельству Марко Поло, в русских землях близ Северного Ледовитого океана "ловится множество кречетов и перелетных соколов, которые развозятся оттуда во многие страны"¹. Великий князь Иван Данилович Калита в особой грамоте, адресованной двинскому посаднику и двинским боярам, повелевает не брать с "сокольников печерских" дань и приказывает платить им "корм" и давать подводы, "занеже люди ти надобны"². В этом документе "сокольники печерские" называются поименно: "Дмитрок, Власим, Микитица Иванов сын, Семенецъ, Кондрать, Чешко, Семенецъ, Григоръ, Степанецъ, Савица". Историк О. В. Овсянников высказал предположение о том, что имя сокольника Чешко "легло в основу названия Чешской губы"³. На первый взгляд неожиданная, эта версия тем не менее не вступает в противоречие ни с географическими, ни с историческими, ни с этнографическими реалиями.

В 1509 году при великом князе Василии Ивановиче упоминается должность ловчего, которая была учреждена прежде сокольничьего. Первым ловчим стал Михайло Иванович Нагой, вторым — Давыд Григорьевич Простев. С 1550 года упоминается первый сокольничий — Иван Федорович Наумов⁴.

Римский литератор Павел Иовий писал о том, что лучшие ястребы и соколы привозились из "Печорской

¹ Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России... — С. 282; Книга Марко Поло. — М., 1956. — С. 227.

² Акты социально-политической истории Северо-Восточной Руси. — М., 1964. — Т. 3. — № 2. — С. 15.

³ Овсянников О. В. Средневековые города Архангельского Севера... — С. 244.

⁴ Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избранное. — М., 1996. — С. 213.

страны", они годились для охоты не только на фазанов и уток, но даже на лебедей и журавлей. Лучшими считались белые соколы с пестрыми перьями, которых называли кречетами¹.

Близ Холмогор, на Курострове, с давних времен жили "кречатыи помыгчики", которые населяли особую Кречетинскую деревню. Эти "птичьи охотники" объединялись в ватагу, которая называлась ("записывалась") по имени вожака-ватащика. Ватащик и приписанные к нему крестьяне составляли своего рода артель, владевшую совместно имуществом, необходимым для промысла. Холмогорские "помыгчики" использовали для ловли соколов нехитрые снасти-ловушки и силки, "помоги", "тайники" (сети на двух шестиках с двумя полотнищами), "кутни" (сети на обруче), "гвозди с сильями", которые прибивались вблизи гнезд, и, наконец, "окрометы", с помощью которых ловили кречетов. Особо ценились "молодики", выпнутые прямо из гнезда, или только начинающие летать "слетки"².

"Птицы эти весьма уважаемы и дороги в России, так что получить их очень трудно, а платят за каждую по шестидесяти червонных", — с некоторой завистью пишет в 1663 году любознательный путешественник Аделунг Мейерберг³. Соколиная забава стала особенно популярной при "тишайшем" царе Алексее Михайловиче, который был страстным охотником. В Семеновской и Коломенской сокольных, составлявших его потешный двор, было собрано огромное количество птиц — около трех тысяч соколов, кречетов и ястребов, а для их

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 93—95.

² Морозов А. А. Юность Ломоносова... — С. 119.

³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 39.

"прокормления" содержалась специальная голубятня в 100 тысяч птиц¹. Соколы в неволе, даже при самом лучшем уходе, живут не более двух-трех лет. А если учесть, что царские подарки титулованным особам, особенно из стран Востока, часто состояли из лучших кречетов, то становится ясно, что "птичий двор" приходилось постоянно пополнять². В разные концы Севера и Сибири посылались особые экспедиции "помыгчиков", ловцов и дрессировщиков соколов. Сохранился любопытный документ — отписка вологодского воеводы Константина Нащекина об отпуске птиц в Москву. 24 октября 1669 года воевода сообщил, что "пришло с Колмогор на Вологду, водяным путем, твоих великого государя семьдесят семь кречетов". Сопровождал "важную птицу" холмогорский сотник Степан Холопов и два "кречатых помыгчика" Ивашка Капустин и Трофим Иванов с "товарыщи". 11 ноября этого же года "пришло на Вологду из Колмогор" еще двадцать два сокола с "помыгчиками" Осташкой Коркавцовым "с товарыщи". Кречеты и их "свита" были оставлены в Вологде до зимы, до санного пути, "потому что грязи были и воды большие". А для дорогой птицы были построены 27 саней со специальными ящиками-клетками "с покрывками", аккуратно обитыми войлоком и рогожами для их утепления³.

Царь Алексей Михайлович великолепно знал свою "армию" пернатых хищников, разделял их по стаям и разрядам. Имеется предположение, что он лично составил особое руководство по соколиной охоте. Ему принадлежат слова: "И зело потеха сия полевая утешает сердца печальные и

¹ Смирнов М. И. Переславльские соколы помыгчики. — Владимир, 1912. — С. 26—27.

² Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. — Л., 1935. — С. 59—60.

³ Дополнения к актам историческим (далее: ДАИ). — СПб., 1853. — Т. 5. — С. 435—436.

забавляет весельем радостным и веселит охотников сия птичья добыча". Умели отдыхать и развлекаться русские цари!

В 1478 году произошло окончательное присоединение к Москве Двинской земли и Печорского края. С этого времени начинается новая страница в жизни всех северных территорий Московского государства.

Для усиления своего влияния в этих землях, окончательного покорения северных народов необходим был военно-административный центр. Таким стал *Пустозерск* — первый русский заполярный городок. Предыстория его такова. В 1499 году великий московский князь Иван III послал крупную государственную экспедицию "для исследования местностей за этими горами и для покорения тамошних народов". Летопись лаконично описала это событие, назвав участников необычного похода: "послал рать в Югру лыжную, Устюжан да Вычегжан, Вымич, Сысолян, Двинян, Пинежан..."², то есть народ северный, умеющий охотиться, рыбачить, да и топоры и пилы крепко в своих руках держать. Именно они и "зарубили" в 1499 году город не на самой Печоре, а в некотором удалении, на полуостровах у Пустоозера. Это озеро было известно и ранее, и называлось оно Кормчим, так как водилось в нем много всякой рыбы, но само место было "тундряное, студеное и безлесное". Поэтому новый городок стал называться Пустоозеро (Пустоозерск), озеро, на котором он расположился, — Городецким, а рукав, соединяющий озеро с рекой Печорой, — Городецким Шаром³. После окончания похода

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 341.

² Летописец, содержащий в себе Российскую историю. — М., 1781. — С. 174.

³ Журавлева Т. Невелик городок, да далеко прославлен // Костер и светильник: Очерки об истории Пустозерска. — Тула, 1993. — С. 9.

вновь построенный заполярный городок-крепостница был заброшен, да и, видимо, большая вода во время разливов разрушала его. В 1502 году, как повествует летопись, "повеле князь Великий Иван Вымскому Федору правити на Пусте-озере волостью Печорою, а на Выме не быти ему, потому Вымское не порубежное"¹. Новая крепость была построена на одном из мысов Пустоозера.

По царскому замыслу Пустозерский городок-острог должен был играть роль военно-оборонительного и торгово-купеческого форпоста Московского государства на его северо-восточных границах: "...кораблям никаким приставать и торговать не давать, и мимо Пустозерской острог на кораблях никаких людей к Сибирской стороне отнюдь никакими мерами не пропускать..."². На острове Матвееве, что стоит на морском пути к Югорскому проливу, была открыта таможенная застава.

В одной из грамот Пустозерск охарактеризован очень образно и точно как "место пустое, постановленное для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать"³.

Пустозерск отличался от других городов края смешанным русско-зырянским населением. Согласно платежнице 1674 года, здесь, наряду с русскими дворами, стояли 52 двора, в которых жили коми — 89 человек⁴.

В эти годы английские и голландские купцы принимали активные усилия по изысканию морского пути в Сибирь и далее в Китай. Таким образом, Пу-

¹ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 28.

² Наказ воеводе Обьедову (1647 г.) // СПб., 1848. — Т. 3. — С. 82; Наказ России воеводе Василию Дикову (1664 г.) // ДАИ. — СПб., 1851. — Т. 4. — С. 342.

³ Кизеветтер А. Н. Русский Север... — С. 41.

⁴ Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми-зырян... — С. 28.

Пустозерск являлся не только промежуточным пунктом для направлявшихся в "златокипящую" Мангазею, но и своеобразными морскими воротами в Западносибирское Заполярье.

Важной задачей Пустозерского острога являлась оборона Печорского края от "немирной самоеды", волнения и выступления которой были нередки. Зимой 1662—1663 года Пустозерск был сожжен, а его гарнизон перебит восставшими пустозерскими самоедами¹. Но заполярный городок, как птица Феникс, вставал из пепла, оживал, строился, рос. По численности посадского населения Пустозерск мог сравниться с такими центрами Двинской земли, как Холмогоры, Каргополь, Соль Вычегодская, и это при том, что городок располагался за полярным кругом. Однако кочевники не оставляли Пустозерск в покое, особенно опустошительными были набеги "большой карачеевской самоеды" — приуральского племени харючи, проживавшего вблизи Карского моря. В 1669 году из Холмогор в Пустозерский острог по указу царя были посланы "500 стрельцов со всем строем, для приходу войною Карачеевской самоеды и остяков", а пока стрельцы не прибыли, воевода должен был "от воровской самоеды жить бережно... чтоб их до Пустозерского острогу не допускать"².

Ненецкий исследователь А. Д. Евсюгин обнаружил архивные документы, которые свидетельствуют о нападениях "карачеевской самоеды" на Пустозерский острог в 1662, 1688, 1712, 1714, 1720—1723 годах.

Особенно тревожными стали 1730—1731 годы, когда восстание самоедов охватило почти весь Пустозерский уезд. Известны и имена некоторых вождей восставших. В 1712 году их возглавлял ненец Падилица Мадалин,

¹ Бахрушин С. В. Самоеды // Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 6.

² ДАИ. — Т. 5. — С. 375.

в 1714 — Лейко Иглин, в 1720—1723 — Пысуй Юнеев и Тюля, имевшие в своем войске около пятидесяти вооруженных бойцов¹.

Печорский край издавна привлекал новгородцев и жителей Заволочья обилием своих природных богатств: "рыбных ловиц", "кречатьи и сокольи седбиц", пушным и морским зверем. Уже в XV веке здесь появляются промышленные поселки-села и слободы. Так возникла Ижемская слободка, стоявшая недалеко от впадения реки Ижмы в Цильму. Из немногочисленных сохранившихся документов можно узнать, как и почему было создано это поселение. Оказывается, в XV веке здесь были рыбная тоня ("кол — рыба ловити") и всякие промысловые угодья ("путики", "перевесяца" для ловли птиц, "бобровые гоны", "полешие лесы"), а затем образовалось несколько небольших поселков, состоявших их отдельных дворов с папнями и пожнями².

Народное предание считает первыми поселенцами на Ижме выходцев из новгородских земель Ануфриевых, Истоминых, Рочевых, к которым впоследствии переселилось несколько зырянских семейств из Глотовой слободы. Так на Ижме русские и коми перемешались, образовав особую этнографическую группу, известную под именем *ижмелцев*³.

Другая слободка — Усть-Цилемская — была образована благодаря жалованной грамоте царя Ивана Грозного новгородцу Ивашке Ластке на месте, где стоял "лес черный", "от людей далече, верст за 500 и больше"⁴.

¹ Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр... — С. 116—117.

² Бахрушин С. В. Научные труды... — Т. 3. — Ч. 1. — С. 78.

³ Коми-му. — 1928. — № 12. — С. 46; Ульянов Н. И. Очерки истории народа коми-зырян... — С. 28.

⁴ Максимов С. В. Год на Севере. — М., 1890. — С. 430—432.

На правом берегу реки Пинеги, на месте Ваймушского городища, были построены деревянная крепость и городок Кеврола (Кеврола). В XVI—XVII веках Кеврола становится административным центром обширного воеводского уезда. Кеврольская воеводская канцелярия располагалась в селении Лампожне. В этой слободке часто бывали кеврольские воеводы, здесь же проживал сборщик пушной ясачной дани. Великий князь Иван III передал селение Лампожню в наследство своему сыну Василию (1461—1505 гг.). Следовательно, слободка Лампожня уже существовала в начале XV века¹.

В XVI веке образовалась Окладниковская слободка. Она выросла на правом берегу Мезени, вблизи устья реки. Два новгородца, Окладников и Филатов, поселились здесь первыми. Они заручились грамотами Грозного царя и правами "копити на великого государя слободы и с песков и рыбных ловищ и соколых и кречатых садбищ давати с году на год великому князю оброки". Окладников явился на новое местожительство с пятью сыновьями и с иконой Нерукотворного Спаса, которая после его смерти долгое время передавалась по наследству, а затем досталась неизвестному отшельнику, жившему в пустыньке на морском берегу при устье реки Ховговки. Отсюда в 1633 году она была перенесена в Спасскую церковь Кузнецовской слободы. Как писал С. В. Максимов, "копились между тем годы и десятки лет на столетия, копились и обе слободки на государей, вблизи студеного моря-океана, пока не превратились в город Мезень"².

Большой знаток истории Севера, доктор исторических наук М. И. Белов считает, что город Мезень возник в результате слияния двух слободок — Окладниковой

¹ Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр... — С. 120.

² Максимов С. Год на Севере... — Т. 1. — С. 9—10.

и Кузнецовой¹. Исследователь А. П. Афанасьев на основе архивных изысканий называет и официальную дату переименования слободок в город Мезень — 1780 год².

Промышленные поселения на Печоре пользовались правом известного самоуправления. При царе Борисе Годунове в Усть-Цильме были старосты и целовальники. Затем Цильмой и Ижмой начинает управлять общий выборный "закащик", который являлся официальным представителем всех "слободчиков" в сношениях с Москвой и местной администрацией. Права Усть-Цилемской слободки были подтверждены жалованными царскими грамотами в 1598, 1610 и 1616 годах. В Пустозерске во главе посада стоял выборный сотский, обязанности которого были несколько иными, чем у закащика³.

Отрезанные лесами и болотами от остального русского мира, печорские слободки переживали трудные времена. Природные условия не благоприятствовали развитию земледелия. В Усть-Цильме, как свидетельствуют источники, "в иной год пашут, а в иной не пашут, потому что морозом побивает", не говоря уже о Пустозерске, где "зимою порою тундра с водою замерзаеца". Жители этих мест питались исключительно привозным хлебом. Единственным источником существования первых русских насельников были промыслы. "А кормитесь де вы зверем, да птицею, да рыбою, да травой", — писал

¹ Белов М. И. Город на берегу Студеного моря: Мезень // Природа. — 1980. — № 6. — С. 75—76.

² Афанасьев А. П. Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв.: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. историч. наук. — М., 1973. — С. 17; Государственный архив Архангельской области (далее: ГАОО). — Ф. 1367. — Оп. 2. — Ед. хр. 1714. — ЛЛ. 17—18.

³ Веселовский С. Б. Памятники первых лет русского старобрядчества. — СПб., 1843. — С. 10—11.

царь Борис Годунов устьицлемцам. Летом слободки пустели, а их жители "жили для хлебные дороговизны на рыбных ловлях, по лешим озерам и по речкам", кормясь "на речках и на озерах рыбою, и птицею, и борщем и ребиновым листом."¹

Суровые природные условия развивали у русского населения предприимчивость, смекалку и торговую жилку. Жители Пустозерска и приезжие промышленники совершали дальние экспедиции "на море промышлять рыбьего зуба", стрелять на побережье и островах Ледовитого океана пушного и морского зверя. Весной и летом они охотились на лебедей, гусей, уток и куропаток и получали не только деликатесное мясо, но и птичье перо, которое являлось предметом торговли². Но главным занятием пустозерцев, устьицлемцев и ижемцев являлась ловля рыбы в устье Печоры и в Болвановской губе. Продукты морских промыслов (белушье сало, моржовые лахтаки), рыбной ловли (семга, нельма, сиг, омуль, икра), а также олени и пушные шкуры доставлялись на Мезень в Лампожню, в Холмогоры, Великий Устюг и Соль Вычегодскую, где выгодно сбывались³.

Торговля процветала и в самом Пустозерске, Усть-Цильме и на Ижме. Пустозерские самоеды, зыряне и даже "карачейская самоедь" большими партиями привозили сюда добытые ими и мангазейскими самоедами меха. Жители слободок покупали или обменивали пушнину и оленину и отвозили на ярмарку в Лампожню. К началу XVII века пустозерцы держали аборигенное население в кабале, ссужали его товарами и ходили к ним

¹ Яковлева А. И. Приказ сбора ратных людей. — М., 1917. — С. 438.

² Крестинин В. В. Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой самоедами, и о их промыслах... — С. 24.

³ С. В. Бахрушин. Научные труды... — Т. 3. — Ч. 1. — С. 79.

"для своих старых долгов". Приведем характерный для того времени документ: "В прежних, государь, годех,— писал в 1641 году устюжанин Мишка Кондаков,— изстари родители мои, дед и отец и дядья, жители Пустозерского городка, и торги, государь, у них и промыслы были с той караченской и закаменной самоедью большие, и тех родов, государь, многие люди им были должны; в Пустозерске и на Обдори за них плачивали твои государевы ясаки и давали им в долги русские товары"¹. Так постепенно происходил захват тундры новопришельцами.

Печорские слободки стали своеобразными маленькими торговыми центрами. В конце XVI века их значение в деле торгового посредничества между русскими и приуральскими народностями было оценено иностранцами.

В 1611—1613 годах агенты английской компании сделали попытку обосноваться в Пустозерске и захватить в свои руки весь торговый район от Цильмы до Урала².

В 1653 году участники норвежской экспедиции закупили в Пустозерске большую партию пушнины. Было приобретено 50 пар самых лучших соболей, "совершенно черных, как смоль", отмеченных печатью великого князя, а также 2 тысячи шкурок белок; 40 горностаев, 500 лисиц, 120 шкур волков и 200 куниц серо-пепельного цвета. Эта контрабандная сделка была совершена при участии московского воеводы³. Московское правительство предвидело возможность подобных сделок. Еще ранее, в 1620 году, царь Михаил Федорович издает указ, закрывающий морской путь в "златокипящую" Мангазею

¹ Там же. — С. 80.

² Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях // Приложение к XV тому записок Императорской Академии наук. — СПб., 1869. — № 2. — С. 190—197.

³ Де Ламартиньер П. М. Путешествие в Северные страны. — Спб., 1911, — С. 55—56.

с севера. Ослушникам грозило наказание батогами. Для досмотра и контроля на острове Вайгач была поставлена стража из пятидесяти человек. Эти события не замедлили сказаться на печорских слободках, торгово-промышленное значение которых стало уменьшаться.

Пустозерск, первый русский заполярный город, оставался административным центром всего Печорского края до 1780 года. Затем эта роль перешла к городу Мезени, хотя жилье воеводы, стрельцы, военная команда содержались в Пустозерске вплоть до XIX века.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЮГРА

ОПРОС о земле *Югорской* и народе, ее населявшем, издавна занимал историков.

Область расселения югры часто называют "кладовой мягкой рухляди", "самородным зверинцем". Предприимчивые ладожане и новгородцы с незапамятных времен вывозили отсюда соболя, лисы, куньи, бобровые и другие меха, получаемые в виде дани или в обмен на привозимые русские товары. Эту "пушную" дань новгородцы называли "мягкой рухлядью" или "за Каменьским (то есть зауральским) серебром".

Какие сведения о легендарной Югре мы можем найти у отечественных историков? Наш первый историограф В. Н. Татищев сообщает: "Страленберг мнит, яко бы гуны из предела Югория произошли, но сие, видится, неосновательно, ибо по русской истории довольно известно, что сей народ издревле перми, или, по именованию северных писателей, бярми, а югры, или югдоры, русским в 11-м ст. по Христе от реки Юга именованы, как то обдоры от реки Оби, кондоры от реки Конды и пр."¹. По мнению В. Н. Татищева, Югра размещалась по реке Югу; с ним солидарен и историк И. Н. Болтин.

Н. М. Карамзин высказал иное мнение: "Доселе историки и географы наши искали Югру на берегах Юга, Двины и Мезени. Описание похода россиян в землю Югорскую около 1500 года очень доказывает, что она была за Каменным поясом"².

Историк С. М. Соловьев с еще большей категоричностью настаивал на том, что Югра всегда находилась за Уралом: "В 1193 году новгородцы пошли ратью за Урал в Югру, взяли один город, потом осадили другой и стояли под ним пять недель"³. Однако в русских летописях этого времени не говорится о том, где была расположена Югра.

А. Х. Лемберг провел специальное исследование и написал обстоятельную работу "О географическом положении и истории Югорския земли". Он полагал, что древняя Югра лежала за Уралом, по обоим берегам

¹ Татищев В. Н. История Российская... — Т. 1. — Ч. 1. — С. 431.

² Карамзин Н. М. История государства Российского... — Кн. первая. — Т. 1. — С. 81.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен... — Кн. 1. — Т. 1—2. — С. 622.

реки Оби и далее до берегов реки Аяна на восток¹.

Шведский ученый А. М. Стрингольм пишет о том, что древнее, исчезнувшее ныне имя Югрия "обнимало землю по обоим сторонам Уральского хребта". Он ссылается на Геродота, который писал о народах, известных как искусные звероловы, — *тиссагетах* и *ирках*, населявших страны по рекам Каме, Колве и Печоре, а также земли Пермии Великой или Югрии².

А что говорится об этих землях и живших там народах в русских летописях? "Повесть временных лет", рассказывая о "полунощных странах", передает важное сообщение, записанное летописцем со слов новгородца Гюряты Роговича: "Послах отрок (слугу) свой в Печору, люди, иже суть дань дающе Нову Городу. И пришедшу отроку моему к ним, и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем, а соседят с самоедью на полунощных странах"³. (Страны, упоминаемые в "Повести временных лет", делились на восточные, западные, полуденные или южные и полунощные, то есть северные). "По прямому смыслу этого известия, — замечает профессор-историк Н. П. Барсов, — Югорская земля представляется лежащею за Новгородскими владениями на Печоре, к северу от этого племени, но если верно, что эти последние занимали область между Камою и Вычегдой, то в таком случае югорско-самоедские поселения или кочевья следовало бы полагать далее на Север, за Вычегдой до

¹ Лемберг А. Х. О географическом положении и истории Югорския земли. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. — СПб., 1819. — С. 1—82.

² Стрингольм А. М. Походы викингов... — С. 236—237.

³ ПСРА. — Л., 1926. — Т. 1. — Вып. 1. — Стб. 235—236; Шахматов А. А. "Повесть временных лет" и ее источники // Труды отдела древнерус. литературы Ин-та рус. л-ры АН СССР. — М—Л., 1949. — Т. 4. — С. 92—93; ПВЛ. — М—Л., 1950. — Ч. 1. — С. 167.

тундр Поморья, по восточным притокам Двины, по Мезени и по Печоре"¹.

Другой исследователь, А. М. Мартюшков, определяет географическое положение приуральской Югры на реке Вычегде, недалеко от современного Усть-Кулома, либо около града Турея (нынешнего села Турьинского — В. Б.) на реке Выми². Известный краевед В. П. Шляпин на основе изучения пометок писцовой книги 1608 года погоста Ляли ("убили в Югре в 100 г.", "убили в Югре во 104 году", "двор пуст, Иванка Климова убит в Югре, во 105 году") делает заключение о местонахождении легендарной Югры в районе града Турея³.

Югра управлялась своими князьями и вела с данщиками упорную борьбу. Об этом свидетельствуют и новгородские летописи, повествующие о том, что в 1187 году "Печерский данник и Югорский в Печере" были убиты⁴, а в 1193 году новгородцам пришлось вести в Югре настоящие военные действия: "...и доша из Новгорода в Югру ратью с воеводою Ядреем (вероятно, Андреем — В. Б.), и придоша в Югру и взяша город, и придоша и другому городу... и стояше под городом пять недель". А запись: "Перевет держаще с князем Югорьским" — красноречиво говорит о том, что в борьбе за право сбора дани сталкивались интересы феодальной республики и, говоря современным языком, частных новгородских предпринимателей⁵.

¹ Барсов Н. П. География начальной (несторовой) летописи... — С. 61.

² Мартюшков А. М. Коми-народ в первый период его исторической известности // Коми-му. — 1928. — № 2. — С. 41.

³ Шляпин В. П. Из истории заселения нашего края // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. — 1928. — Вып. V. — С. 34—35.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... — С. 38.

⁵ Там же. — С. 40—42.

В договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем (1264 г.) Югра называется одной из новгородских волостей, располагающейся между Пермью и Печорой. Последующие грамоты (1266, 1270, 1304—1305, 1307—1308, 1326—1327, 1371, 1435 и 1456 годов) подтверждают существование этой волости во владениях Новгорода¹. Эти документы указывают на то, что у Югры были тесные контакты с соседними землями: Печорой, Великим Устюгом, Заволочьем и Двинской областью.

Возможно, имеет отношение к Югре и событие, произошедшее в 1032 году, о котором рассказывается в Никоновском летописном своде: неудачный поход новгородского князя Улеба (вероятно, Ульва — приближенного князя Ярослава, старшего сына Ренгвальда) на Железные Ворота. Топоним "Железные Ворота" нередко встречается в гористых местностях Севера, в бассейнах рек со скалистыми берегами. Так обычно называли морские проливы, ущелья или "стиснутый" скалами участок реки. Однако профессор Н. П. Барсов полагал, что в летописи идет речь о сысольских Железных Воротах (неподалеку от современного Сыктывкара — В. Б.)².

Полусказочный мир Югры, славившейся своими богатствами ("копим серебро и соболи и ина узорочья", — говорили летописные югричи новгородцам), в первые века своей истории располагался ближе к русским землям³.

Шведский офицер Р. Schönstrom, бывший в плену в России, в 1741 году записал у сибирских вогулов предание о том, что они некогда жили на реках Двине и Юге "и назывались тогда — югорские". Это еще

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 9—41.

² Барсов Н. П. География начальной (несторовой) летописи... — С. 62—63.

³ Новгородская первая летопись... — С. 40, 232.

раз подтверждает родство сибирских вогулов с заводской югрой¹. Одним названием — Югра (как в случае с Пермью) — древнерусские источники именовали и край, и народ, его населявший.

Историк П. Н. Бундинский считал, что югрой называли самоедов, живших около устья Мезени. "О местоположении этой Югры, — пишет он, — высказывались довольно различные мнения, но мы полагаем, что она там, где место ей указано в чертежной книге Сибири, составленной Ремезовым в 1701 году" (возле устья Мезени)².

В течение нескольких столетий народ югра постепенно вытеснялся славянами за Урал, на берега Оби и Иртыша, где его и застал XV век и где он был окончательно покорен уже московскими войсками. Память о таком переселении югры за Урал с берегов Двины и Юга, где этот народ когда-то жил под именем "югорски", еще в XVIII веке сохранялась у его потомков вогулов³.

Современный историк А. Н. Плигузов придерживается мнения о том, что югорские племена жили в Предуралье, вероятно, в районе Печоры, и лишь к XIV столетию югра постепенно переселилась за Урал⁴. В нашем распоряжении единственное известие о новгородском походе "за Камень", датированное 1364—1365 годом, отсутствующее в Новгородской первой летописи и впервые включенное лишь в московский митрополичий свод 1418 года: "С Югры новгороци приихиша... воеваше

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 71.

² Бундинский П. Н. Г. Мангазея и Мангазейский уезд // Записки Харьковского университета. — Харьков, 1893. — Т. 1. — С. 26—27.

³ Барсов Н. П. География начальной (несторовой) летописи... — С. 64.

⁴ Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. — М., 1993. — С. 46.

по Обе реки до моря, другая половина рати на верх Оби воеваша"¹. Историк Е. Е. Замысловский подчеркивает, что этот факт мы не имеем основания игнорировать, но "должны считать не более как смелую попыткою (новгородцев — В. Б.) проникнуть за этот рубеж"². Какими путями новгородцы достигли реки Оби, нам неизвестно, можно только предполагать, что они совершали этот поход по рекам и волокам, а затем перешли Уральский хребет.

Один из таких путей пытается проследить исследователь истории Зырянского края Г. С. Лыткин: "Из Новгорода или Ростова (русские первопроходцы — В. Б.) отправлялись сначала в Устюг, потом плыли по Северной Двине, входили в Вычегду, по которой плыли вверх до ее притока Южной Мылвы, входили в Иктыль, оттуда шли волоком, затем по Северной Мылве и Печоре; по лесным тропинкам переходили "Камень", или Уральский хребет, и входили в Югру"³.

Судя по всему, Югра простиралась до самого Ледовитого океана. И в наши дни северная часть Урала называется Югорскими горами, полуостров на границе Баренцева и Карского морей носит имя Югорского, а пролив между материком и островом Вайгач называется Югорским Шаром (от "шарья" — "пролив", "протока" в финно-угорских языках). О промысле, который вели жители Югры в "Студеном океане", пишет арабский путешественник Абу-Ахмед Андалузи: "Повествуют, что в страну Югру ввозят Булгары из страны Ислама простые клинки; их навешивают на нить таким образом,

¹ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — Вып. 1. — С. 291; Т. 5. — С. 230.

² Замысловский А. Герберштейн и его историко-географические известия о России. — СПб., 1884. — С. 138.

³ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских... — С. 1.

что при малейшем прикосновении пальцем они издают удивительные звуки. Югра покупает эти клинки по дорогой цене и бросает их в море. Тогда, мудростию всемогущего, выходит из моря рыба, величиною с верблюда. Другая, еще более огромная рыба ее преследует, побуждая выйти из моря. Преследуемая рыба устремляется к берегу и наконец не может двигаться и лежит в море. Тогда югры, бросавшие клинки в море, устремляются на кораблях и челнах и режут мясо..."¹. Налицо несколько искаженная писательским вымыслом картина охоты на китов. Арабские клинки на веревках — это китовые гарпуны, а описание дельфинов (касаток) — злейших врагов китов, которые заставляют их выбрасываться на берег, вполне соответствует реальности.

Итак, гипотезу о переселении югры за Уральский хребет разделяют многие российские и зарубежные историки, и ее можно считать общепринятой.

Какие известия о легендарной югре оставили нам иностранные путешественники — дипломаты и купцы? Очень интересные сведения о северных соседях волгокамских булгар сообщают арабские путешественники IX—X веков. В составленном Б. Н. Заходером "Каспийском своде сведений о Восточной Европе" говорится: "На север (или по направлению к полюсу) от булгар находится страна вису (или ису), за нею народ йура, товары на санях которые тащат собаки по сугробам снега; сами люди передвигаются на лыжах"².

Далее говорится о том, что "за (страною — В. Б.) йура (проживают — В. Б.) береговые люди, они плавают

¹ Савельев П. Мухаммеданская нумизматика. — СПб., 1847. — С. СХII; Веберман Э. Китобойный промысел в России... — Ч. 1. — С. 11.

² Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. — М., 1962. — Ч. 1. — С. 28—29.

без нужды и цели, а лишь для прославления самих себя, что вот, они достигли такого-то места... вот едут они на кораблях по морю и вот встретились два корабля, привязывают обоих моряки один к другому, обнажают мечи и сражаются; кто остался победителем, тому и владеть обоими кораблями"¹.

Ученые многих стран до сих пор дискутируют о географическом расположении народов (или стран) *вису*, *йура*, "береговых жителей". В том, что *йура* — это угра (югра), а "береговые жители" — викинги (варяги), вряд ли можно сомневаться. Но кто же такие *вису*?

Немецкий исследователь К. М. Френ в работе "Опыт о загадочной земле и народе Вису, помещенной в Северной России", высказывает предположение о тождественности народа *вису* чудскому племени *весь* русских летописей, которое проживало к северу от Новгорода около Белого озера и было в числе народов, пригласивших на княжение варягов². Это мнение разделяют и многие отечественные историки.

Арабский путешественник Ибн-Баттута рассказывает о торге болгарских купцов в северной земле: "Каждый из них оставляет там товары, с которыми приехал, и возвращается на свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят насупротив него (известное количество — В. Б.) соболей, белок и горностаев. Если хозяин товаров доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же недоволен им, то оставляет его. Те, то есть жители "мрака", набавляют его (своего товара — В. Б.), часто же убирают свой товар, оставляя (на месте — В. Б.) товар купцов. Так (происходит

1 Там же. — С. 68.

2 Стрингольм А. Походы викингов... — С. 231.

— В. Б.) купля и продажа их"¹. Это самые ранние сведения о "немой торговле" болгар с северными народами, представляющей собой одну из примитивнейших форм торгового обмена.

Арабские писатели с восхищением сообщали читателям о том, "что с севера из земли Веси или Югры привозили в Булгар и оттуда в Хорезм зубы неизвестного животного, которые походили на слоновую кость и покупались дорогою ценою"². Другой источник передает рассказ Абу-Хамида-Эль-Андилучи, побывавшего в стране болгар, о том, что там находят клыки, похожие на слоновые и белые как снег³. Видимо, это или "моржовый зуб", или клыки мамонтов, которые добывали и находили жители Севера.

Очень яркие и содержательные заметки о легендарной Югре оставили итальянцы Юлий Помпоний Лэт и Франческо Да-Колло. "Вблизи берегов Ледовитого океана, — пишет в восьмидесятые годы XV века Ю. П. Лэт, — живут лесные люди, называемые югры, это, несомненно, скифы, очень отдаленные от остальных людей. Они не знают ни золота, ни серебра, ни других металлов; с ближайшими народами ведут меховую торговлю, а также с жителями Заволочья... Там, где живут древние Угры и Заволочане, нет царей. Этот народ очень счастлив, хотя и терпит сильные морозы. Летом,

¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. — СПб., 1884. — Т. 1. — С. 297; Лашук Л. П. "О человеках неизвестных" // Вопросы истории. — 1971. — № 11. — С. 207—208.

² Исследование о состоянии рыболовства в России. — СПб., 1862. — Т. VI. — С. 83; Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России... — С. 267.

³ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. — СПб., 1870. — С. 193, 199—201; Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. I. — С. 32.

во время солнцестояния, у них непрерывный день"¹. Судя по всему, итальянский писатель уже отличал югру от угры и под последними понимал вогулов. Древняя Русь также знала угру — предков венгров (мадьяр). Русский летописец под 898 годом сообщает: "И доша утри мимо Киев горою еже сязовѣтъ ныне Угорьское... Пришедше от вѣстока"². Собирательным именем "утра" объединены семь мадьярских племен, которые, двигаясь из Приуралья на запад, прошли в IX веке мимо Киева и в конце концов очутились на Дунае, где их потомки живут и сейчас. Но это же имя надолго закрепилось среди пермских (коми) народов за их соседями — мансийским населением Уральской области³. В Западно-Сибирской низменности, в бассейне Оби и ее притоков, живут ханты — народность, принадлежащая к угорской ветви финно-угорской семьи языков. Они родственны манси, с которыми образуют группу обдорских угуров. Из источников не ясно, называли ли югрой только хантов (остяков) или также манси (вогулов). До XIV века письменные памятники упоминают одну югру. Затем появляются отдельные сведения о вогулах. В грамотах царя Ивана Грозного встречается слово "остяк", а название "югра" с XVII века исчезает⁴.

Обратимся к заметке об Югре итальянца Франческо Да-Колло (1519 г.) "Он (Московский царь — В. Б.), — пишет любознательный дипломат, — владеет еще двумя обширнейшими северными областями — Югрой и Корелой, которые состоят из высочайших гор, обширнейших

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 68.

² ПВЛ. — Ч. 1. — С. 21.

³ Лашук Л. П. Из этнонимии Северо-Западной Сибири // Вестник Московского университета. — 1966. — Серия IX. — № 2.

⁴ Соколова Э. П. Ханты // Вопросы истории. — 1971. — № 8. — С. 213—214.

полей, долин и лесов, простираются до ледовитого моря и населены народами, совершенно лишенными всякой культуры, образования и торговли. Они оказывают повиновение и почтение только упомянутому государю и ежегодно платят ему дань шкурами соболей, барсов и других зверей, медом и воском... Поклоняются они Солнцу, Венере, лесам и змеям, как святыням... В этом краю есть различные горы очень большой высоты, среди которых наиболее знаменитой и самой высокой является Югориша, которая среди Рифеев известна такой высотой, что хотя она и весьма доступна"¹. Описанные им Уральские горы Франческо Да-Колла отождествляет с Рифейскими горами, о которых говорил древнегреческий астроном Птолемей. Многие античные авторы искренне верили тому, что полководец Александр Македонский, как о том говорится в "Александрии", воочию видел "множество язык бессловесных и скотов дивших и зверочеловекообразных" и побывал там, где за "северными воротами" затворены "силы языческа"². Русские летописцы и землепроходцы называли Уральские горы Великим Камнем или Поясными горами.

Богатый материал о зауральской Югре оставил уже упоминавшийся нами австрийский посол Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве в 1517 и 1526 годах. В его записки была включена глава "Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби"³. Глава написана на материале подлинных русских документов, именуемых в науке "Югорским дорожником". О происхождении этого "Дорожника" высказывались различные мнения. Е. Е. Замысловский предполагал, что его составили

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 86—87.

² Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах... — С. 38.

³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии... — С. 38.

разведчики приполярного Тимана, отправившиеся с экспедицией из Москвы в Усть-Цильму 2 марта 1491 года¹. Историки А. М. Мартюшев, К. В. Базилевич и (с некоторыми оговорками) Б. А. Рыбаков считали авторами "Дорожника" участников похода 1499—1500 годов С. Ф. Курбского в Югру². Другую точку зрения, согласно которой составителями "Югорского дорожника" были купцы, торговавшие с Югрой, впервые высказали А. А. Дмитриев и Чожмор³.

Этот документ рассказывает о том, что русские купцы доставляли свои товары зимним путем в Вологду, где разгружали санный поезд и снаряжали кочи, которые спускали в реку Вологду. Затем по рекам выходили к правому берегу Печоры, где издавна было место традиционного торга между зырянами (коми) и вогулами (манси). Историк А. И. Плигузов убедительно доказывает, что "Югорский дорожник" отражает маршруты древнейших походов новгородских торговых экспедиций XIV—XV столетий⁴.

Как известно, новгородцы первыми проложили дорогу через Заволочье в Сибирь. Господин Великий Новгород снаряжал военные экспедиции для сбора дани с местного населения, порою проникавшие довольно далеко в глубь

¹ Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России... — С. 149—151.

² Мартюшев А. М. Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г. // Записки общества изучения Коми края. — Сыктывкар, 1930. — Вып. 5. — С. 66—84; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. — М., 1952. — С. 404—407; Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. — М., 1974. — С. 79.

³ Дмитриев А. А. Пермская старина... — С. 67—69; Чожмор. В поисках исторической правды // Записки общества изучения Коми края. — Сыктывкар, 1929. — Вып. 3. — С. 35.

⁴ Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах... — С. 20—21.

Югорской земли. Эти походы носили характер случайных набегов, совершавшихся под начальством "воевод новгородских" шайками добровольцев ("путников", как их называет летопись), набиравшихся из "детей боярских и удалых людей". В результате походов новгородцев за Урал Югра была номинально присоединена к новгородским волостям, в числе которых она фигурирует в документах XIII века. В договорных грамотах с князьями Великий Новгород всегда подчеркивал: "А ты волости държати мужи новгородьскими; а дар от них имати"¹. Впрочем, прочное завоевание не имело места, и зависимость "югорских князей" от Господина Великого Новгорода ограничивалась очень нерегулярной уплатой дани соболиными мехами и другими местными товарами².

В 1193 году новгородцы потерпели жестокое поражение от югорцев. Рать, возглавляемая воеводой Ядреиком (Ядрейком), сходу захватила первый югорский городок, но продолжить наступление не удалось: "стояша под городом" пять недель и были "лестьбою" небольшими партиями человек по тридцать заманены в город и там перебиты, а остальные уничтожены во время вылазки, так что "осталось их 80 мужь"³. Однако зауральская пушнина была столь большим соблазном, что никакие неудачи не могли остановить новгородцев, их вооруженные отряды постоянно устремлялись в Югру.

В 1357 году вместе со всей дружиной погиб в Югорской земле Самсон Кольванов. Видимо, в отместку за эту неудачу Великий Новгород снаряжает большой отряд под командованием двух воевод — Александра Абакуновича и Степана Ляпы. Летописи под 1364 годом сообщают, что побывавшие на Югре "боярские дети"

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — 9.

² Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 75.

³ Новгородская первая летопись... — С. 232.

нагнали страху на всю землю, а часть отряда "воеваша по Оби реке до моря"¹.

Но не только военное противостояние связывало новгородцев с Югрой. В летописи под 1364—1365 годами имеется упоминание о "Югорщине" — купеческой корпорации, специализировавшейся на торговле с Югрой².

Последний поход новгородцев на Югру датирован в летописи 1445 годом. Для своего времени это было грандиозное военное предприятие. В походе участвовала целая рать в три тысячи воинов. Этот поход готовился в Заволочье, в Двинской земле, а возглавляли его Василий Шенкурский и Михаил Яроль (возможно, Михаил Яковлев)³. В результате этой демонстрации военного превосходства новгородцев смирившиеся югричи отвечали своим завоевателям: "Мы хотим вам дань даяти, а хотим счестися, и указати вам и станы и острова, уречища", то есть указать места и ловища, которые облагаются данью⁴.

На протяжении длительного времени шла непрерывная борьба за право взимания югорской дани между Великим Новгородом и Ростово-Суздальским княжеством. Известно, что уже в XII веке (в 1149 и 1169 годах) князья Юрий Владимирович Долгорукий (основатель Москвы) и его сын Андрей Боголюбский отправляли свои вооруженные отряды на перехват новгородских ушкуйников, возвращавшихся с югорской данью. С этой целью был основан город Гледень, а позднее Устюг Великий, ставший

¹ Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. Очерки по истории и исследованиям. — М—Л., 1948. — С. 14.

² ПВЛ. — Ч. 1. — С. 197; ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — Вып. 1. — С. 291.

³ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. — СПб., 1888. — С. 426.

⁴ Новгородская первая летопись... — С. 40—41, 425.

военным форпостом Ростовского княжества. В 1218 году Ростовское княжество распалось на два — Ростовское и Ярославское, что способствовало усилению господства Новгорода в северо-восточных землях¹.

Однако, как ни странно, именно в эти годы началось противостояние двух городов, называвшихся Великими, — Новгорода и Устюга. В 1323 году устюжане перехватили новгородских молодцев, ходивших в Югру за данью, и ограбили их². В следующем году новгородцы с войском под руководством Георгия Даниловича нанесли ответный удар и "взяли на щит" Устюг, не забыв разграбить этот вольный город. Устюжане примирились, но не надолго. Уже в 1329 году они снова перебили новгородских купцов и промышленников, шедших в Югру³.

В эти же годы началось возвышение московских князей. Иван Данилович Калита, первый "собиратель" Руси, получив ярлык от хана Узбека (1313—1340 годы) на великое княжение и подчинив себе Ростовское княжество и Устюг, начал борьбу с Новгородом за владение югорской данью. В 1332 году он потребовал от бывшей северной столицы Руси "за Каменское серебро" и, получив отказ, на следующий же год опустошил новгородские волости. В 1333 году Иван Калита потребовал у новгородцев "черного бора с Вычегды и Печоры", и это право сбора налогов он получил, после чего стал распоряжаться раздачей северных земель своим приближенным так, будто это была его вотчина⁴. Его сын Симеон Иванович Гордый продолжил политику отца. Новгородцы, воспользовавшись его поездкой в Орду,

¹ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских... — С. 1—2; Новгородская первая летопись... — С. 33.

² Титов А. А. Летопись Великоустюжская... — С. 21.

³ Новгородская первая летопись... — С. 99.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 143—144.

"повоевали" Устюжну и Белозерскую волость. В 1341 году Симеон Гордый выступил против Новгорода и заставил выплатить ему "черный бор" (дань для Орды) по всей Новгородской земле¹.

Есть известие о том, что в 1364 году новгородские ушкуйники ходили в Югру за очередной данью. Половина рати шла по реке Оби до моря, а другая действовала в верховьях Оби. На обратном пути при (Вондо)-Курьи близ Устюга их встретили устюжане, но потерпели поражение². Борьба за югорскую дань, как видим, велась с переменным успехом.

Монополия новгородцев на торговлю с Югрой была значительна ограничена созданной в 1383 году Пермской епархией — восточным форпостом московского влияния в бассейне Выми и Вычегды. Затем, после заключения Яжелбицкого (1456 г.) и Коростынского (1471 г.) договоров московских князей с Новгородом и перехода Вологды под власть Ивана III (1481 г.), все основные торговые пути, связывавшие русские земли с сибирскими просторами, оказались в руках московских князей³.

Велика была роль пермского владыки в упрочении московской власти на Печоре и землях к востоку от нее. Пермский епископ был единственным защитником христианского населения на Выми от посягательств язычников — манси и хантов. Туземные князьки, вроде вымских князей Петра и Федора, при епископе Филофее находились как бы под патронатом владыки⁴. Владычня Усть-Вымского города становится исходным пунктом

¹ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских... — С. 2.

² Там же. — С. 3.

³ Плигузов А. И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. — 1987. — № 5. С. — 39.

⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 76.

мирного завоевания Зауралья. Московские политики, опираясь на авторитет владыки, использовали местных князьков для подчинения зауральского населения. Так, в походе 1465 года на Югорскую землю участвовал вместе с вымичами и вычегжанами "князь Василий Вымский Ермолич"¹.

Результатом этого похода, участников которого возглавлял устюжанин Василий Скрыба, стало то, что Югорская земля была приведена в подданство московскому князю, но это было скорее номинальное, чем фактическое овладение Югорьей.

Первые походы московских войск на Югру были предприняты вскоре после покорения Новгорода. Причины этих экспедиций следует искать во взаимоотношениях Московского великого княжества с татарскими ханствами. В 80-х годах XV века два татарских ханства — Сибирское (Тюменское) и Казанское — вели между собой ожесточенную борьбу за спорные территории по Каме. Приняв сторону Казани, Москва стала готовиться к завоевательным действиям в Югре.

В 1483 году московский царь Иван III предпринял первый военный поход за "Камень" для подчинения Югры. Летописная хроника рассказывает об основных событиях, связанных с вторжением в эту землю. Воевода Иван Иванович Салтык Травин прибыл в Вологду и "в сопровождении великокняжеских детей боярских" выступил с ратью вологжан на Устюг 25 апреля 1483 года². В Устюге рать Салтыка объединилась с отрядом князя Семена Федоровича Курбского, в который вошли устюжане и жители Вычегды, Выми и Перми Великой³. 9 мая объединенная дружина нанесла сокрушительное поражение вогулам (манси) на Пельме, а их вождь

¹ Устюжский летописный свод... — С. 86.

² ПСРА. — Т. 26. — С. 275.

³ ПСРА. Т. — 37. — С. 49.

князь Асыка бежал с поля боя¹. Экспедиционный корпус продолжал свой победоносный путь по рекам Тавре и Тоболу, оставив по правую руку Тюменское ханство. "Повоевав" Сибирскую землю, московское войско спустилось вниз по Иртышу "на великую реку Обь" в Югорскую землю, где захватила в плен князя Молдана и двух сыновей князя Екмычя, а также "добра и полону взяли многие"². 1 октября московская дружина с победой вернулась в Великий Устюг. Знатные пленники князь Молдан и сыновья Екмычя были доставлены в Москву.

14 марта 1484 года великий князь московский Иван III впервые добавляет к своему пространному титулу звание югорского, посчитав обских вогулов новыми подданными Русского государства. Сами вогулы в то время вряд ли разделяли это мнение московских правителей³.

Весной 1484 года в столицу Пермской епархии Усть-Вым прибыли послы от пельымских инородцев, которые затем были доставлены в русскую столицу. 6 мая 1484 года царь Иван III выдал князю Юмшану "опас" (охранную грамоту) "и велел ему у себя быти"⁴. Вслед за ними на поклон в златоглавую с богатыми "поминками" (дарами) приехал князь Пыткей от "князей кодских, от Лаба да от Чангила, и от вси земли Кодские и Югорские". Царь Иван III принял их радушно, а "тех князей полоненных отпустил их в свою землю"⁵.

Стараниями епископа Филофея, современника и соратника великого князя Ивана III, Югра была оконча-

¹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 276.

² Вычегодско-Вымская летопись... — С. 27.

³ Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах... — С. 145—146.

⁴ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 276.

⁵ Там же.

тельно приведена под власть московских князей. 31 декабря 1484 года возле владычного городка Усть-Вым была совершена процедура заключения мира. Как следует из подписанного документа, обе стороны клялись сохранять мир, то есть не нападать друг на друга; московские власти обещали "лиха не мыслити ни силы не чинити над пермскими людие", а югорцы согласились с тем, что "князю великому правити во всем".

В 1499 году государь всея Руси Иван III, последовательно проводя политику присоединения к Московскому княжеству северных и восточных земель, организовал новый грандиозный поход на Печору и за Урал в Югру. Сохранившиеся исторические документы сообщают, что царское войско состояло из трех отдельных отрядов. Основной отряд под командованием воеводы князя Петра Федоровича Ушатого формировался в Двинской земле, и в него вошли ярославцы, вологжане, двиняне, важане и пинежане. Его численность составляла 1920 ратников. Это войско по рекам Северной Двине и Пинеге вышло через пинежский волок на реку Кулой.

На Печоре П. Ф. Ушатый дождался прибытия еще двух царских отрядов — князя Семена Федоровича Курбского и воеводы Василия Ивановича Гаврилова по прозвищу "Бражник". Войско князя С. Ф. Курбского, насчитывавшее 1804 ратника, состояло из устюжан, вычегжан и сысоличей, а в числе трехсот участников интернационального отряда В. И. Гаврилова были вятчане, татары, удмурты и представители других народностей².

Вычегодско-Вымская летопись сообщает о ходе и

¹ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 27; Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах... — С. 150—151.

² Сухогузов П. Г. Путь московского войска на Печору и за Урал в походе 1499—1500 годов // Родники пармы: Научно-популярный сб. — Сыктывкар. — 1989. — С. 160.

результатах этой выдающейся экспедиции лаконично: "Князи Петр да Семен шедшу Щелью да Ляпины (приток Северной Сосьвы — В. Б.) на Югру, да на Куду, а Василей на князей вагульских на Пельнь. Они же шедшу пеши зиму всю, города поймаша и земли их воеваша"¹. Любопытное свидетельство об этом походе имеется в "Разрядной книге" 1501 года: "От Камени шли неделю до первого городка Ляпина... Из Ляпина встретили с Одора (Обдора — низовья реки Оби — В. Б.) на оленях Югорские князи. А от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать — на собаках". (В других источниках в качестве средства передвижения упоминаются лыжи). Оба приведенных текста свидетельствуют о том, что русские традиционно считали Югорской землей бассейн Северной Сосьвы, населенный манси, но знали также, что и Обдор, и Куду (или Коду — область на Нижней Оби между Обдоским "княжеством" и Сибирской землей в бассейне Иртыша) занимали ханты. Вот почему все перечисленные области с угроязычным населением стали обобщенно называться Югорской землей².

Из похода царские воеводы возвратились в Москву "на велик день" — в праздник Пасхи в марте 1500 года³. В ходе проведения экспедиции было захвачено сорок городков и взято в плен 58 князьков. Югра окончательно признала власть московского князя⁴. Этот военный поход помог также распространению на Руси географических и этнографических сведений об Оби и ее притоках.

При сыне Ивана III Василии в Югре для удобства сбора дани (ясака) были выделены две области —

¹ Вычегодско-Вымская летопись... — С. 28.

² Лащук Л. П. "О человецех незнаемых"... — С. 209.

³ Сухогузов П. Г. Путь московского войска на Печору и за Урал... — С. 160.

⁴ Визе В. Ю. Моря Советской Арктики... — С. 15.

Обдорья (район реки Полуя, притока Оби) и Кондорья (район реки Конды). Названия этих земель незамедлительно были включены в титул великого князя Василия Ивановича¹.

Мы располагаем сведениями не только о военно-промысловых походах в Югру, но и о крестьянских промысловых экспедициях, которые снаряжались на Русском Севере. Так, в архивных материалах Антониево-Сийского монастыря имеется упоминание "об югорском походе", предпринятом летом 1517 года состоятельными крестьянами Терентием и Григорием Цивилевыми совместно с Федором и Назаром Тимофеевыми².

Так закончились первые столетия, связывающие легендарную Югру с русскими княжествами общей историей. Это было время военных и торговых разведывательных экспедиций, составления предварительных описаний этой загадочной страны, лежащей по обе стороны Уральского хребта, и дальнейшего оформления плана московского правительства, предусматривающего включение восточных территорий в состав Русского государства. Название Югра постепенно исчезает из русских летописей и документов, а на смену ему приходит новое — Сибирь.

¹ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии... — С. 74.

² Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — М., 1956. — С. 110.

ПРАВОСЛАВНЫЕ БОГАТЫРИ СЕВЕРА

ВЯТАЯ Русь издавна славилась своими монастырями, но ни в одной из ее земель не было такого числа обителей, как на Русском Севере. К исходу XVII века здесь насчитывалось свыше ста семидесяти монастырей и пустынь, то есть примерно каждый седьмой монастырь русской православной церкви был северным. И это, конечно, не случайно. Причины этого явления кроются в исторических особенностях развития нашего края, отличающих его от других регионов России. О том, как и почему возникали монастыри на

Русском Севере, какой была их роль в жизни края и всей страны, и пойдет речь в этой главе.

Но прежде всего придется сказать о том, что до последнего времени историки слишком односторонне освещали значение православной церкви и монастырей в истории и судьбе России. Не нужно судить их строго, они были детьми своего времени: атеистическое воспитание и жесткая цензура делали свое дело. Не нужно и перечеркивать их труд. Советские ученые ввели в научный оборот много ценных исторических источников, сделали интересные наблюдения и заслуживающие внимания выводы. В последнее десятилетие появилось немало работ, в которых историки воздают должное православной церкви, отмечая ее вклад в развитие русской государственности, культуры, духовности. В распоряжении современных исследователей огромное количество исторических памятников и документов, хранящихся в архивах и опубликованных в нашей стране и за рубежом, труды историков прошлых столетий, творения отцов церкви. Все это дает возможность объективно оценить роль и место русской церкви вообще и монастырей в частности в истории Отечества.

Православные монастыри были духовно-нравственными и культурно-просветительскими центрами Русского Севера, они обладали огромными административными, военно-политическими и хозяйственными полномочиями в северном крае.

Монастыри, как сказочные богатыри, вставали на южных границах вологодских земель, северном и западном порубежье, соседствовали с полярными морями, а на востоке вплотную подходили к Уральским горам.

Вологодский историк А. В. Камкин определил контуры "системы", в которую объединялась вся совокупность монастырей Русского Севера.

Монастыри традиционно были связаны друг с другом

речными магистралями, озерами и волоками. Группа вологодских монастырей, расположенных по Сухоне, имела связь с Устюжско-Сольвычегодским кустом монастырей, а он, в свою очередь, по Северной Двине — с монастырями Нижнего Подвинья и Беломорья. Беломорские обители по реке Онеге сообщались с Каргополом, а по Выгу — с группой монастырей и пустынь Прионежья, от которых открывался путь к монастырям Приладожья и Олонецкого края; монастыри Поморья кроме того имели возможность поддерживать контакты с монастырями Кольского полуострова, а также с монастырскими обителями и пустынями Печоры и Мезени. Еще один мощный очаг православного монашества — Белозерье — был как бы связующим звеном между вологодскими и новгородскими монастырями. Таким образом возникало грандиозное кольцо монастырей, охватывавших весь Русский Север¹.

Прежде чем перейти к рассказу о жизни монастырей, упомянем о том, что представляла собой церковно-административная структура Русского Севера в XII—XV веках.

В предыдущих главах нам уже доводилось говорить о том, что Заволочье в административном отношении входило в состав Великого Новгорода, судя по всему, с XII века. Подтверждением этому служит документальное свидетельство об особой дани, которая называлась "печерской" и выплачивалась Новгородом великим князьям в 1113 году². О том, что церковное управление Заволочьем также осуществлялось из Новгорода, мы можем судить по известной благословенной грамоте новгородского архиепископа архангельскому игумену Лу-

¹ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. — Вологда, 1992. — С. 54, 70—72.

² Титов А. А. Летопись двинская... — С. 6.

ке, имя которого встречается в местных актах XIV века¹. Новгородский архиепископ не мог непосредственно управлять монастырями и приходами Заволочья, для этой цели он назначал "владычного наместника", который упоминается в благословенной грамоте Иоанна².

После похода великого московского князя Ивана III на Новгород в 1471 году часть Заволочья (земли по Пинеге и Мезени) отошла к Москве. Новгородский архиепископ Феофил послал в Москву отказную грамоту "на Пинегу, и на Кегролу, и на Чаколу, и на Пермьские, и на Мезень, и на Пильи Горы, и на Немьюгу, и на Пинешку, и на Выю, и на Суру на Поганую"³. Возможно, что именно тогда церковное управление этими местами было передано московскому митрополиту. Во второй половине XV века произошло разделение земель Заволочья и выделилась новая территория — Двинская земля⁴. В церковно-административном отношении она делилась на две части: западную (по Двине и Ваге), находившуюся под патронажем новгородского архиепископа, и восточную (по Пинеге, Мезени и до Печоры), подчинявшуюся московскому митрополиту. Заволоцкий уезд с Верховажским посадом был присоединен к Ростовской епархии. В последующие годы Двинская область дважды переходила под начало вологодского епископа (1571—1584 и 1613—1617 гг.), но затем снова отходила к Новгороду⁵. Владычный наместник свое управление

¹ Макарий. Христианство в пределах Архангельской епархии // Чтения в Общ. Ист. и Др. России. — 1878. — Кн. 3. — С. 7—8.

² Андреев В. Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. — Л., 1988. — С. 68—69.

³ Титов А. А. Летопись двинская... — С. 11; Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 154.

⁴ Молчанов К. Описание Архангельской губернии... — С. 51.

⁵ Верюжский. Афанасий, архиепископ Холмогорский... — С. 52.

осуществляла через митрополичьих десятников, а дань в пользу Новгородской Софии собиралась через "детей боярских", содержание которых было возложено на духовенство.

В 1682 году была создана Холмогорская архиепископия, ее первым владыкой стал Афанасий. Вновь открытая епархия была очень обширной: с запада на восток она простиралась от реки Онеги и Печенги до Печоры, с юга на север — от границ Вологодской и Устюжской епархий до Белого моря¹.

Вернемся к рассказу о православных обителях, возникших на этих землях. В истории монастырской колонизации Русского Севера выделяются три основных этапа.

Первый начался с IX века, когда новгородские удалыцы-ушкунники, не терпевшие над собой боярского насилия и произвола, устремились в бескрайние просторы Заволочья. Вслед за ними на поиски "безмолвного жития" отправляются отшельники, строившие свои кельи в лесной глуши. В дальнейшем, благодаря удачно выбранному месту (как правило, рядом с рекой или озером), а также в силу ряда других обстоятельств на лесной займке вырастал небольшой монастырек с 3—10 иноками. Это был "особножительный" тип монастырской обители, где каждый инок сам добывал себе пропитание, а братия в любое время могла разойтись, и монастырек надолго, а то и навсегда оставался "в пусте" и "без пения".

Как справедливо отмечает историк А. А. Савич, "монастырек на Крайнем Русском Севере по внешнему виду близко подходил к погосту, иногда возникая на месте погоста или уступая свое строение последнему... На огороженной площади находилась церковь, кладбище, двор попов, пономарская и несколько келий для нищих. В монастырьке существовали еще кельи"². В основном

¹ Там же. — С. 58.

² Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв.: Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на Крайнем Русском Севере и Древней Руси. — Пермь, 1927. — С. 31.

эти монастырские обители занимались миссионерской и богослужебной деятельностью.

Архангельский ученый С. О. Шаляпин обоснованно утверждает, что "процесс миссионерского проникновения в этот регион до середины XIV столетия шел вяло и носил эпизодический характер. Достаточно сказать, что к началу XIV века на Русском Севере появилось не более десятка монастырей, расположившихся на южных границах этой территории"¹. Добавим от себя, что Господин Великий Новгород не особо баловал льготами и землями монастыри Заволочья, и они, естественно, не могли в ту пору конкурировать с крупными боярскими вотчинами в качестве административно-хозяйственных центров.

Со второй половины XIV века положение резко меняется и начинается второй этап монастырской колонизации Севера. Ряд историков, в том числе профессор В. С. Иконников, объясняли развитие монастырей покровительством московских князей. Против такого понимания решительно восстал В. О. Ключевский, который, признавая факт быстрого роста числа монастырей с середины XIV века, объяснял его тем, что "пустынный" монастырь, игравший главную роль в монастырской колонизации, с этого времени "выходит из зависимости от покровительства мирских сил и развивается самостоятельно"².

В XIV веке на Беломорском Севере возник ряд монастырей: Лявленский на Северной Двине, Кевроло-Воскресенский на Пинеге, Муромский на Кольском полуострове, Кирилло-Челмогорская пустынь в окрест-

¹ Шаляпин С. О. Монастыри в истории Беломорского Севера // Оттар. — 1992. — № 192. — С. 9.

² Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв... — С. 27; Ключевский В. О. Курс русской истории... — Т. 2. — С. 139.

ностях Каргополя и Строкинской пустынь, на месте которой позднее вырос Каргопольский Спасский мужской монастырь.

В истории России православная церковь имела огромное политическое значение, выполняя роль духовного объединителя русского народа. На наш взгляд, очередной этап монастырской колонизации Севера неразрывно связан с эпохой рождения и становления Российского государства. Духовным пастырем целого поколения русских подвижников-миссионеров, основавших большую часть северных монастырей, стал Сергей Радонежский. Идеи отшельничества, уединенного монашеского подвига в отдаленных частях земли Русской, столь близкие Сергию, направили его учеников и последователей по всему Русскому Северу: в Заволочье, Двинскую землю, Терскую сторону. Вот их имена: Кирилл и Ферапонт Белозерские, Афанасий и Феодосий Череповецкие, Дмитрий Прилуцкий, Сергей Нуромский, Павел Комельский. Затем настало время учеников Сергиевых учеников: Александра Свирского, Александра Ошевенского, Анатолия Сийского, Зосимы Соловецкого, Стефана Пермского...¹

...На каменной скале Ладожского озера одиноко стоит Валаамский монастырь. В 1329 году его основали Сергей и Герман. С этой монастырской обителью связана легенда о шведском короле Магнусе, который вел войны с новгородцами. Легенда гласит, что король Магнус за свою гордыню навлек на себя небесный гнев и вскоре был посажен своими подданными в тюрьму. Сын освободил его, и они отплыли на корабле в Мурманскую землю. Однако начавшийся шторм забросил их корабль в полноводную реку — к монастырю св. Спаса. Здесь король Магнус написал манускрипт, в котором рассказал

¹ Зайцев В. А. Беломорский Север: Религия, Свободомыслие, Атеизм. — Архангельск, 1983. — С. 20.

о своей печальной судьбе и завещал потомкам никогда не воевать с русскими. Конечно, эта легенда — плод воображения, она отражает подъем патриотического чувства новгородцев, одержавших победу над шведами. Для нас важнее не эта красивая легенда, а то, несомненно, реальное обстоятельство, что благодаря инокам Валаамской обители на Севере возникли еще три крупных монастыря: Коневский, Свирский и Соловецкий¹.

Ставропигиальный первоклассный Соловецкий монастырь — не только самый крупный на Севере, но и один из наиболее знаменитых по всей России. "Поморская Мекка", "Русский северный Афон", "Морской Синай" — вот далеко не полный перечень образных названий, данных народом этой святой обители. Его основание связывают с именами трех человек: Савватия, Германа и Зосимы. В 1429 году Савватий пришел на Соловецкие острова из Валаамского монастыря. По дороге он познакомился с Германом, жившим отшельником близ реки Выг на Карельском берегу. На Соловках они прожили вместе шесть лет. В 1435 году старец Савватий пошел "ради причащения святых тайн" в страну Вагу, где вскоре скончался. Инок Герман вернулся на Соловки с другим монахом — Зосимой, уроженцем села Толвуя на Онежском озере, человеком энергичным и предприимчивым. Макарий, митрополит Московский и Коломенский, в своей "Истории русской церкви" отмечает, что истинным создателем Соловецкого монастыря "по всей справедливости следует считать преподобного Зосиму, который, особенно в продолжение 26-летнего игуменства своего (1452—1478), умножил в ней число братства, устроил новые и более обширные церкви, кельи и прочие монастырские службы, учредил обще-

¹ Костомаров И. И. История Новгорода, Пскова и Вятки... — С. 353—354.

житие и весь внутренний порядок, обеспечил средства для его содержания"¹.

Добавим, что на закате славы Великого Новгорода Марфа Посадница первой из "раскаявшихся" бояр пожаловала монастырю огромные земельные угодья. Вслед за этим во владения монастыря стали поступать земельные вклады от новгородских бояр Губиных, Овиновых, Есиповых, Парфильевых, Репеховых, Селезневых, а также от карельских феодалов. Всего монастырь получил 44 земельных участка на Суме, Выге, Сороке, Кемь, Онеге, Шуе, Терском берегу, на островах Белого моря и превратился в крупнейшую феодальную вотчину².

Архиепископ Великого Новгорода и Пскова владыка Иона выдал жалованную грамоту Соловецкому монастырю, по которой за святой обителью закреплялись все земли на Соловецком архипелаге, а "кто приедет на тыи острова на ловлю, или на добыток, на сало, или на кожу, ино всим тым давати в дом Св. Спаса и Св. Николы изо всего десятина"³.

Вторая половина XV столетия — начало третьего этапа монастырской колонизации Русского Севера. В 1478 году состоялось окончательное присоединение Новгородской земли к Московскому государству, сразу удвоившему свои размеры и активизировавшему процесс монастырской колонизации.

Переход Заволочья под власть Москвы сопровождался переделом главного богатства края — земельной собственности. Московские правители неоднократно конфисковывали новгородские боярские вотчины, большая часть которых перешла в разряд так называемых "черных

¹ Макарий, митрополит Московский и Коломенский // История русской церкви. — М., 1996. — Кн. 4. — Ч. 1. — С. 227.

² Ключевский В. О. Курс русской истории... — Т. 7. — С. 209.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова... — С. 153.

земель", принадлежавших великому московскому государю.

В Заволочье были в основном неплодородные земли, но это не означало, что владение ими не могло приносить гарантированных доходов. Наиболее важными статьями "дани и оброка" для Новгорода, а в дальнейшем и для московских правителей являлись продукты многочисленных промыслов: охоты и рыболовства, солеварения, лесного, морского и зверобойного дела. Экономические причины, а также особый менталитет поморов, отличавшихся независимостью и решительностью характера, способствовали тому, что на Русском Севере сложился своеобразный тип государственного феодализма, при котором самый многочисленный слой населения — крестьянство — не знал крепостной зависимости в классической ее форме.

О крестьянах Поморья говорилось, что "они владеют своими деревнями и сидят на государственной земле, но на своих ржах и распашках". Одновременно на смену распадающемуся крупному боярскому землевладению пришло и стало бурно развиваться монастырское землевладение. К примеру, Кирилло-Белозерский монастырь, возникнув на исходе XIV века к юго-востоку от Вологды, стремился приобрести земли в Поморье. Его владения появляются на реке Кемь, затем на Кольском полуострове по рекам Умбе и Варзуге, в районе Каргополя и на Онеге. Кирилло-Белозерский монастырь становится серьезным соперником Соловецкого как по величине принадлежащих ему угодий, так и по размаху своих промыслов¹.

В XV—XVII веках крупным монастырям Севера фактически принадлежала светская и духовная власть в крае: Кирилло-Белозерскому — в Белозерье, Антони-

¹ Кизеветтер А. А. Русский Север... — С. 28—35.

ево-Сийскому — в Подвинье и на Мезени, Михайло-Архангельскому и Николо-Корельскому — в устье Северной Двины и на побережье Белого моря, Соловецкому — в Беломорье и Карелии, Александро-Свирскому — в Обонежской пятине, Красногорскому — на Пинеге, Трифоно-Печенгскому — на Кольском полуострове. Многие северные монастыри находились под особым покровительством московских правителей, которые делали богатые денежные и земельные вклады, выдавали иммунитетные и тарханные грамоты, представляющие монастырям разные привилегии и права. В 1479 году Соловецкому монастырю была выдана жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича на владение всеми землями Соловецкого архипелага¹. При царе Василии III Соловецкий монастырь получил несудимую грамоту, подтвержденную всеми последующими царями вплоть до Василия Шуйского. Царь Михаил Федорович дал монастырю особое право по всем вопросам обращаться непосредственно в Приказ Большого дворца, минуя промежуточные инстанции. По особой грамоте все монастырские подворья были освобождены от казенных постоев и от платежа разных повинностей. К Соловецкому монастырю были приписаны мелкие монастыри с землями и крестьянами, непосредственно подчинявшиеся соловецкому настоятелю².

Соловецкий монастырь стал крупнейшим поставщиком соли на внутренний рынок Московского государства. Если в середине XVI века он в одной только Вологде

¹ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря 1479—1571. — Л., 1988. — С. 16.

² Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. — М., 1853. — Ч. 3. — С. 3—7.

продавал 60 тысяч пудов соли, то в середине XVII столетия — уже 130 пудов. Бытовала такая поговорка: "Москва веками соловецкой солью жила". Ежегодно монастырь выплачивал в царскую казну до четырех тысяч рублей оброка и других государственных сборов. Сумма по тому времени огромная. В критические для России времена монастырь всегда оказывал финансовую помощь государству. Так, при царе Алексее Михайловиче было выслано в Москву на жалование ратным людям 41 414 рублей и 200 золотых¹.

По своему политическому и экономическому положению Ставропигиальный первоклассный Соловецкий монастырь стал "политическим центром поморских волостей и всей северной Карелии, а главой политической власти в северной Карелии был фактически соловецкий игумен"².

Антониево-Сийский монастырь был основан преподобным Антонием. Его отец Никифор был родом из Великого Новгорода, а мать Агафья — из двинской деревни Кехты. Родители будущего инокa были зажиточными землевладельцами. В 1477 году у них появился первенец, названный Андреем. Ребенок рос сильным, красивым юношей, обученным грамоте и "изуграфству" — инокописанию³. В 25 лет Андрей, лишившись родителей, оставляет все домашнее хозяйство своим братьям и сестрам и отправляется в Великий Новгород. В течение пяти лет он живет у своего дальнего родственника-боярина, женится на его дочери. Однако через год умирают жена и тесть. Убитый горем, Андрей продает все свое

¹ Кизеветтер А. А. Русский Север... — С. 43.

² Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. — Л., 1977. — С. 17; Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. — М., 1955. — С. 634.

³ Протоиерей Кириллов А. Преподобный Антоний, Сийский чудотворец. — Архангельск, 1912. — С. 11—12.

хозяйство, деньги раздает бедным и нищим, а сам удаляется в пустынь Каргопольского предела на озеро Кена. Здесь, в обители преподобного Пахомия, Андрей принимает постриг и становится монахом Антонием. В 1520 году в Холмогорском уезде на реке Сии близ озера Михайлова Антоний основывает святую обитель¹. В 1544 году в монастырь прибыл двинской сотский Василий Алексеев сын Бачурин и, по велению великого князя московского Ивана Васильевича, отвел Сийской обители "круг его по лесу, и пашен, и лугов и озер всяких угодий на три стороны от монастыря, к Емце, да к Сие, да к Ваймуге по 3 версты в длину, а на четвертую сторону к Каргополю всяких угодий, и лесу, и пашен, и пожен, и озер на пять верст"². Несколько раньше Антониево-Сийский монастырь специальной царской грамотой получает земли и соляные источники на Юре и у Смердьего озера³. В 1579 году, всего через двадцать три года после смерти Антония Сийского, православная церковь канонизировала его. Старший сын Ивана Грозного царевич Иван Иванович литературно обработал житие Антония, составленное сийским иеромонахом Ионой. Авторитет обители сразу же вырос⁴. Политическое и экономическое значение монастыря значительно усилилось после 1619 года, когда его бывший узник Федор Романов, отец основателя династии Романовых Михаила Федоровича, проживший в монастыре

¹ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви... — С. 228.

² Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. — Архангельск, 1902. — С. 86.

³ Макарий. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре. — М., 1878. — С. 27—28.

⁴ Тупилов Н. М. Литературная деятельность царевича Ивана Ивановича // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1894. — дек. — С. 358—374; Морозов А. А. Юность Ломоносова... — С. 30.

с 1599 по 1606 годы, стал патриархом Филаретом.

Игумены Антониево-Сийского монастыря Иона и Феодосий стали доверенными лицами московского патриарха и новгородского митрополита, получив от них и от московского царя огромные административные права по надзору за местным краем: контроль над сбором патриаршей "десятины" и государственных налогов, право следить за благочестием и жизнью духовенства и прихожан, организовывать выполнение различных повинностей и призыв на военную службу, производить суд по духовным делам.

К Сийскому монастырю были приписаны более мелкие монастыри: Емецкий (Покровский) мужской, Емецкий (Ивановский) женский, Кривецкий мужской, Клоновский на реке Ваеньге, Лявленский женский и Чирцова пустынь на Мезени¹. На Русском Севере взаимоотношения монастырей строились по неписаному закону: "старший" опекал, а при необходимости защищал своего "младшего собрата" и помогал ему.

В Белозерье ведущая роль принадлежала Кирилло-Белозерскому монастырю. Здесь на богомольях бывали московские великие князья с великими княгинями, а позднее — цари с царицами. Кирилловский игумен Трифон в разгар княжеской междоусобицы середины XV века решился на смелый шаг: снял со свергнутого и ослепленного московского князя Василия II Темного крестоцеловальную клятву "не искать более престола московского" и благословил его на возобновление борьбы за великое княжение².

¹ Козмин Н. Д. К истории Антониево-Сийского монастыря и причисленного к нему в 1632 году (ныне упраздненного) Лявленского Богородичного монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. — 1906. — № 5. — С. 167—169.

² Камкин А. В. Православная церковь на Севере России... — С. 65.

Велико военно-оборонительное значение монастырей Русского Севера. Им не раз приходилось отражать нападения шведов, поляков, англичан. Многие монастыри в ходе сражений были сожжены и разграблены иностранными захватчиками.

В 1571 году на Беломорском Севере появились шведы. Царь Иван Васильевич Грозный направил в Соловецкую обитель воеводу Михаила Озерова с четырьмя пушкарями и десятью стрельцами, с огнестрельным оружием и "зелием" (порохом). Из крестьян и монахов было создано монастырское войско в сто человек. В 1579 году "каянские немцы" большим отрядом напали на Кемскую волость и произвели "великое опустошение", а немногочисленное воинство воеводы М. Озерова было разгромлено.

Летом 1579 года русские войска возглавил энергичный воевода Киприян Оничков. В короткое время он построил острог на шведской границе, обучил северян военному делу и разбил трехтысячный шведский отряд на подступах к Белому морю¹.

Эта победа не осталась незамеченной, и царь Иван Грозный шлет К. Оничкову похвальную грамоту: "...многих людей побили, и языки поимали, и щиты и самопалы у немецких (шведских — В. Б.) людей многие поимали, и острог от немецких людей отстоял и наши волости и монастырские от войны немецких людей все уберег, а тебя на тех делах ранили дважды"². Нужны были более решительные меры по усилению безопасности монастыря и Поморья. Игумен Иаков и монах-строитель

¹ Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. — Л., 1990. — С. 130—140; Любимов В. А. 1579 г. Оборона Поморья // Календарь знаменательных дат на 1994 год. — Архангельск, 1994. — С. 60—64.

² ААЭ. — Т. 1. — С. 368; Любимов В. А. Поморье в системе Российского государства во второй половине XVI в. // История и культура Важского края. — Вельск, 1992. — С. 10.

Трифон организовали сооружение каменной крепости. В короткое время была возведена величественная и неприступная стена длиною по окружности более версты из огромных валунов и камней, собранных по всему Соловецкому острову. Вес некоторых камней достигал семи тонн. Эти стены являются изумительным памятником инженерного искусства, а по мощи сопротивления любому огнестрельному оружию им нет равных в Европе¹. В 1592 году соловецкие стрельцы одержали убедительную победу над карельскими воеводами Магнусом и Иверстоном, выступавшими в союзе "с заморскими немцами". В ходе сражений "воеводку большого убили", а многих "иных ранили и языки у них поймали". В годы "смутного времени" соловецкий игумен Антоний вступил в дипломатические переговоры со шведским королем Карлом IX и его военачальниками. Своими благоразумными и умелыми действиями он не дал возможности шведам отторгнуть северные территории России². К этому времени Соловецкий монастырь уже имел свое войско, насчитывавшее 1040 ополченцев, размещенных в трех опорных пунктах: на Соловецких островах, в Суме и в Кеми. С 1637 года оборона Поморья полностью была возложена на Соловецкую обитель. Для сокращения расходов на содержание гарнизонов монастырь военизировал свою братию (145 человек), аттестовав по-военному каждого инокa и распределив боевые посты на случай вражеского нападения³. Соответственно настоятель Соловецкого монастыря сосредоточил в своих руках всю полноту не только духовной и гражданской, но и военной власти.

¹ Лихачев Д., Янин В. Русский Север... — С. 117.

² Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии... — С. 22—28.

³ Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI — XIX вв. — Архангельск, 1963. — С. 60—61.

Следует подчеркнуть и роль других монастырей в обороне Отечества. В 1612 году Кирилло-Белозерский монастырь-крепость выдержал осаду и штурм польских интервентов, что ускорило наступление перелома в ходе войны и завершение "смуты". Свою лепту в разгром врага внес и Антониево-Сийский монастырь.

В 1609 году Соловецкий монастырь оказал финансовую поддержку делу обороны России, направив Михаилу Скопину-Шуйскому 2000 рублей, а в следующем году (уже царю Василию Ивановичу Шуйскому) — еще 3150 рублей "на наем войск и жалованье служивым людям"¹.

Административная роль монастырей Севера заключалась также в исполнении "государственного заказа" по отношению к неудобным правительству лицам: политическим, религиозным и уголовным преступникам и опальным. Одним из первых сосланных "в места, не столь отдаленные", стал Даниил Заточник. Мы располагаем немногими фактами из жизни этого "заключенного". Большой интерес представляет "Моление" Даниила Заточника — челобитная, направленная неким Даниилом, заточенным на озере Лаче Каргопольской провинции (отсюда — "Заточник"), князю Ярославу Владимировичу около 1197 года. Это блестящее литературное произведение, стиль которого представляет собой сплав фольклорных и книжных традиций, раскрывает различные стороны русской жизни XII века. Здесь и обличение княжеских тиунов и рядовичей, притесняющих мелких феодалов, и недовольство богатыми, но глупыми людьми, которых слушают только из-за их положения, и насмешки над гонцами и послами, которые вместо исполнения возложенных на них дел проводят время в "дому пировном"².

¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. — М., 1995. — С. 252.

² Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории... — С. 365.

"Моление" Даниила Заточника стоит того, чтобы его процитировать: "...Кому Боголюбово, а мне горе лютее; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Ново Город, а у меня в доме углы завалились, так как не расцвело счастье мое... Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной. Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей"¹. Каким удивительно ярким и образным языком написано это произведение, принадлежащее перу одного из первых ссыльных на Север...

Монастырская ссылка на Руси появилась раньше государственных тюрем, и к XVI веку ее механизм был отлажен: существовало разделение ссыльных по характеру преступлений и проступков, велась регулярная переписка между властями и настоятелями обителей, были разработаны методы розыска бежавших узников. Печально знаменитым в этом отношении стал Соловецкий монастырь, а его островное положение как нельзя лучше соответствовало роли "узилища". Одним из первых узников Соловецкой обители стал игумен Троицкого монастыря Артемий (1554 г.), а затем в разное время сюда были сосланы последний кошевой Сечи Запорожской П. И. Кальнишевский, видный деятель "смутного времени" Авраамий Палицын, "царь всея Руси" Симеон Бекбулатович, "птенцы гнезда Петрова" П. А. Толстой и В. Л. Долгорукий, раскольничий проповедник Афанасий Белокопытков, старообрядец Григорий Дружин и многие другие².

¹ Литература Древней Руси /— Хрестоматия. М., — 1990. — С. 169—170.

² Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. — Архангельск, 1980. — С. 38—100.

В XVI веке в Кирилло-Белозерский монастырь под присмотр братии Иван Грозный ссылает многих знатных узников: бояр Шереметьевых, князей Воротынских и Шуйских, московского митрополита Иоасафа¹.

Как уже говорилось выше, узником Антониево-Сийского монастыря был постриженный в монахи по приказу Бориса Годунова Филарет (в миру — Федор) Романов, ставший впоследствии патриархом всея Руси. В Красногорском монастыре нашел свою могилу фаворит царицы Софьи, один из влиятельнейших вельмож и образованнейших людей Московской Руси князь-боярин Василий Васильевич Голицын². Николаевский Корельский третьеклассный монастырь "приютил" на тридцать пять лет представителя знатного княжеского рода Дмитрия Хованского. (По другому источнику, в Николаевский Корельский монастырь был сослан "за ябедничество и произнесение дерзких слов о царице Елизавете Петровне" князь Никита Андреевич Хованский, проживший там с 1754 по 1761 годы). Здесь коротали ссылку лишенный архиепископского сана непокорный вице-президент Синода Феодосий Яновский, бывший ростовский митрополит Арсений Мациевич. Царь Борис Годунов насильно постриг в монахи своего непримиримого врага князя Ивана Сицкого и сослал его в Кожозерский монастырь³.

¹ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России... — С. 65—66.

² Молчанов К. Описание Архангельской губернии... — С. 203.

³ Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии... — С. 296—299; Шаляпин С. О. Тюрьма Николо-Корельского монастыря и Соловки в XVII—XVIII вв. // Культура и политика в современном мире / Тезисы докладов II Соловецкого общественно-политического форума 9—13 сентября 1990 года. — Архангельск — Соловки, 1990. — С. 108—111; Чулков Н. П. Княгиня Татьяна Васильевна Хованская и ее дети. — М., 1911. — С. 9; ГААО. — Ф. 191. — Оп. 2. — Д. 355. — Л. 148—152 об.

Был лишен сана и заточен в далекий Пустозерский острог идеолог старообрядцев протопоп Аввакум Петров. В 1682 году по велению царя Федора Алексеевича пустозерские узники по главе с Аввакумом Петровым были сожжены в срубе "за великие на царский дом хулы"¹. Протопоп Аввакум и будущий реформатор церкви Никон — бывшие друзья по религиозному кружку "древнего благочестия". Судьба Никона тесно связана с северными монастырями, здесь начался его небывалый взлет, они стали и свидетелями его падения. В тридцатилетнем возрасте на Соловках, в Анзерском скиту, он принял монашество. В 1639 году Никон отправился с Соловков к устью Онеги "и во время то от великого морского волнения едва не потопихомся; но, уповающе на силу Божественного Животворящего Креста, спасение получихом перед Онежским устьем, к пристанищу, к Кию острову... Будуще же тогда на том острове, на воспоминание того своего спасения водрузихом на том месте Святый и Животворящий Крест", — так писал об этом сам будущий патриарх. В дальнейшем он основал на Кий-острове Крестный монастырь². Его восхождение началось в Кожозерском монастыре, где он был игуменом, затем Никон стал новгородским митрополитом, а в 1652 году был избран шестым патриархом Московским и всея Руси. Последние пятнадцать лет жизни попавший в опалу патриарх-реформатор Никон провел в заточении сначала в Ферапонтовом, а затем в Кирилло-Белозерском монастырях.

Познали северное "гостеприимство" и представители высшей государственной власти. Глубокой осенью 1744 года в Холмогоры на имя архиепископа Варсонофия пришло письмо от самой императрицы с уведомлением

¹ Литература и культура Древней Руси. — М., 1994. — С. 6.

² Гунн Г. П. Каргополье — Онега. — М., 1974. — С. 130.

о том, что архиерейский дом отныне поступает в казенное ведомство. Через несколько дней "под великим секретом" сюда были доставлены бывшая правительница государства Анна Леопольдовна и ее супруг принц Брауншвенгский Антон Ульрих. Более 36 лет провели в Холмогорской "гостинице" несчастные узники¹.

Тема административной роли монастырей в жизни Севера и России требует дальнейшей разработки, свободной от идеологизированного подхода. И прав работающий в Поморском университете историк С. О. Шаляпин, утверждающий, что "первый этап изучения темы истории монастырской ссылки в России окончился господством в историографии и массовом сознании совершенно неадекватной историческим реальностям модернизаторской концепции"².

В условиях, когда большая часть населения необозримых пространств Севера была языческой, миссионерство являлось основным направлением монашеского служения. Начало просвещению саамов-лопарей было положено еще в первой половине XIV века преподобным Лазарем Мурманским, пострижником Константинопольской Ново-Римской Высокогорной обители³. К сожалению, мы располагаем немногими сведениями о его деятельности.

Лопари в штыки встретили первого христианского проповедника, несколько раз прогоняли его с острова, сожгли келью, покушались на жизнь старца. Однажды

¹ Левин А. Холмогорская секретная комиссия. — Архангельск, 1983.

² Шаляпин С. О. Проблемы истории монастырской ссылки в русской историографии XIX — начала XX в. // Слово о людях и земле Поморской. — Архангельск, 1995. — Вып. 2. — С. 161—162.

³ Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии... — С. 443.

преподобный Лазарь исцелил от слепоты сына лопарского старшины, жившего на Рондоозере. И перелом наступил: первым крестился со всем семейством отец ребенка, а затем и другие лопари, проживавшие на побережье Онежского озера. При поддержке новгородского архиепископа Моисея были построены две церкви и основан Мурманский монастырь, в котором и был впоследствии захоронен преподобный Лазарь, скончавшийся в возрасте 105 лет (1391 г.)¹.

Мы мало знаем о монахах-проповедниках, которые селились среди саамов, изучали их язык, занимались просвещением народа. В 1526 году приняли христианство саамы, жившие близ Кандалакши. Для них в селении была построена церковь, а позднее здесь возник монастырь. Царь Иван IV пожаловал "для монастырского строения и для лопского крещения" обширные земельные угодья².

Гораздо труднее оказалось обратить в христианство тех саамов-лопарей, которые жили в отдаленных местах Кольского полуострова. Во многих документах того времени их называли "*дикий лопью*". Здесь открывалось широкое поле деятельности для наиболее способных и энергичных проповедников, среди которых был соловецкий монах Феодорит. Сохранить для истории важные сведения о христианском просвещении кольских лопарей Феодоритом суждено было герою Казанского похода Андрею Михайловичу Курбскому, рассказавшему об этом в XIII главе своей "Истории Иоанна Грозного"³.

Просветительскую деятельность своего духовного на-

¹ Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей: исторический очерк. — Архангельск, 1900. С. 7—9.

² Ушаков И. Ф. Кольская Земля... — С. 51.

³ Курбский А. М. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. — М., 1986. — С. 377—393.

ставника А. М. Курбский описывает так: "Разжегся (Феодорит — В. Б.) желанием пустынного безмолвного жительства, отходит в далечайшую пустыню, в язык глубоких варваров, лопарей диких, пловуще великою Колою рекою, яже впадает своим устьем в Ледовитое море... Тогда наученых от него и оглашенных лопян единого дня крестишася, яко две тысячи со женами и детьми"¹. После крещения саамов проповеднику было необходимо увенчать свое праведное дело созданием монастыря, и он отправляется за поддержкой и помощью в Новгород. Новгородские власти и бояре не пожалели денег на основание обители, и вскоре в устье реки Колы был открыт монастырь. Проповедник Феодорит относился к числу монахов-нестяжателей, которые полагали, что их сила — в высокой духовности, и были противниками накопительства и владения монастырями большой недвижимой собственностью. Когда к новому монастырю стеклись из разных мест монахи, Феодорит составил для своей братии устав, который предписывал жить "обще и отнюдь не стяжательно". Очень скоро монахи стали роптать на суровость устава, говорить, что "тяжек и нестерпим установлен им путь", что нельзя "жити без имений, своими руками хлеб добывающе". Закончилось тем, что монахи "нещадно" побили своего настоятеля и изгнали его "из той страны, аки врага некоего"².

История распространения христианства в Кольской земле неразрывно связана с Трифоном Печенгским (1495—1583 гг.), заслужившим прозвание первоапостола лопарей. Шестьдесят лет жизни отдал поповский сын из города Торжка Новгородского края миссионерской

¹ Яхонтов Ив. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. — Казань, 1881. — С. 122—123.

² Ушаков И. Ф. Кольская земля... — С. 52.

деятельности среди саамов. Его энергия и воля поразительны: он удачно торгует, наблюдает жизнь и обычаи лопарей, изучает их язык и при этом неустанно проповедует Евангелие. В конце 1520 года Трифон предпринимает далекий и трудный путь в Новгород, получает у архиепископа Макария благословенную грамоту на строительство храма, нанимает плотников и строит церковь на Печенге. При этом проповедник своим трудом подает пример мастерам: "днем за три поприща на раменах своих на церковное строение бревна, тес и иное потребное ношаше, ночь в непрестанных молитвах пребывая"¹. Но возведением храма Трифон не ограничивается. Он совершает длительное путешествие в Москву, встречается с царем Иваном Грозным, у которого получает благословение, охранные грамоты и материальную поддержку. Созданный им Печенгский монастырь становится к 1560-м годам крупнейшим хозяйственным и культурным центром округи².

Монахи Печенгского монастыря занимались морским рыбным и зверобойным промыслами, ловлей устриц, торговлей, скотоводством, оленеводством, соляным делом³. "Архангельские губернские ведомости" поместили любопытные заметки священника-историка Г. Терентьева, в которых, в частности, говорится: "За избытком на свою потребу рыбного промысла, для сбыта остатков оного монастырь скоро свел знакомство с гамбургскими купцами. К монастырю каждое лето приходил купеческий

¹ Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии... — С. 448; Корольков Н. Сказание о преподобном Трифоне Печенгском чудотворце, просветителе лопарей и об основанной им обители. — СПб., 1896. — С. 7.

² Камкин А. В. Православная церковь на Севере России... — С. 54.

³ Случевский К. К. По Северо-Западу России. — СПб., 1897. — С. 60.

корабль, который получал от монастыря преимущественно красную рыбу семгу и сало, и доставлял ему, в замен оных, соль, крупчатку, вино и другие припасы с приплатою на нужды монастыря несколько десятков золотой монеты, или ефимков¹. Из "Жития преподобного Трифона Печенгского чудотворца, лопарский народ просветившего святым крещением", мы узнаем о внешнем виде проповедника ("возрастом святой не мал, нагиб, плотию крепок, мало плешив, брадою сед") и о его личных качествах: в тяжелые для обители годы он, "яко кокош, собирая семена, птенцов своих окормляше, все целые осмь лет"; на своих плечах он однажды принес из Колы ручные жернова для монастыря. 15 декабря 1583 года на 89-м году жизни монах-труженик, просветитель саамов Трифон скончался². В 1590 году шведы напали на Печенгский монастырь и разрушили его до основания, 51 монах и 65 послушников были убиты. В другом документе, обнаруженном в Норвегии русским консулом Д. И. Островским, можно прочесть: "Всех их (монахов и послушников — В. Б.) шведы сожгли вместе с монастырем. Сожгли они также все постройки, церковь, большую часть имущества, скотный двор и мельницу. Сожгли также поселок под названием Викид, где была монастырская гавань, все карбасы и лодки, и оставшиеся в гавани суда изрубили на части"³. Так печально закончилась история Трифоно-Печенгского монастыря — форпоста России на берегах Ледовитого океана. Новый монастырь был построен уже вблизи города Колы, за рекою Колою.

¹ Терентьев Г. Начало и развитие рыбных промыслов на Мурманском берегу // Архангельские губернские ведомости. — 1876. — № 28. — С. 2—3.

² Яхонтов Ив. Жития св. севернорусских подвижников... — С. 129—133.

³ Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии... — С. 450—451.

Волны православной веры разливались по всему Русскому Северу. В XVI—XVII веках в "стране лопарей" возникли Кукуевский, Кандалакшский, Муезерский монастыри, а также несколько православных храмов: в Кольской волости — во имя Чудотворца Николая, в Сумском остроге и Кемском городке — в честь Успения Пресвятой Богородицы, появились церкви и в других поселениях саамов¹.

В XIV—XVI веках бассейн рек Вычегды и Выми назывался по-прежнему Пермью. Вычегда, по выражению составителя жития Стефана Пермского Елифания, "исходяща из земля Пермьския и шествующи к северной стране и своим устьем впаде в Двину (ниже) гради Устюга за 40 поприщъ (верст — В. Б.), а река Вымь, обходяща всю землю Пермскую, и вниде в Вычегду"². В XV веке народ коми заселял также верховья Мезени и Вашки (Удоры).

Интересные сведения о верованиях народа коми сообщает историк Матвей Меховский. Его трактат "Об областях Скифии — Пермь, Башкирия, Югра и Корела, покоренных московским князем", относится к 1517 году. Автор пишет о том, что пермь, наряду с другими северными народами, подвластна московскому князю, но сохраняет языческую веру, поклоняясь "солнцу, луне, звездам, лесным зверям и чему придется". Он указывает также, что "жители имеют собственные языки и наречия"³. Московский князь Дмитрий Донской поддерживал проповедников христианства среди коми. Стефан Пермский, вступивший около 1379 года на миссионерское поприще

¹ Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей... — С. 29—30.

² Житие Святого Стефана епископа Пермского, написанное Елифаном Премудрым. — СПб., 1897. — С. 19.

³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников... — Т. 1. — С. 79.

с благословения церковных властей Москвы, являлся не только "апостолом" зырян, но и проводником московской политики среди коренного населения бассейна Вычегды. На Выми им была основана Пермская епархия, имевшая большое политическое значение. Отсюда христианство распространялось на Печору и далее за Урал¹. Первый проповедник среди зырян учредил в Пермском крае монастыри-пустыни: Спасскую Ульяновскую, Стефановскую, Архангельскую Усть-Вымскую и Архангельскую Яренскую².

Стефан Пермский был, несомненно, незаурядным человеком. Уроженец Великого Устюга, сын церковнослужителя местного собора, он вел проповедь Евангелия на родном языке зырян, являлся автором азбуки коми народа и добился огромных успехов в деле христианизации Пермского края³.

Что касается ненцев-самоедов, то их христианизация происходила в более поздние времена.

В конце XVIII века Архангельскую епархию возглавлял епископ Вениамин (Василий Федорович Румовский-Краснопевков), который был крупным церковным и общественным деятелем, писателем, историком и педагогом. Он организовал подготовку кадров священнослужителей и миссионеров из среды ненцев. Для этой цели было отобрано восемнадцать ненецких детей-сирот, которые получали начальное образование в Мезени. Во время обучения трое умерли, а шестеро были отчислены по болезни и другим причинам. Только шесть ненцев,

¹ История Коми АССР... — С. 33.

² Камкин А. В. Православная церковь на Севере России... — С. 52; Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2. (Вторая половина XIV—XVI в.). — Ч. 2. — Л., 1989. — С. 413.

³ Сербина К. К. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. — Л., 1985. — С. 41.

мезенских выпускников, поступили в Архангельскую семинарию. Четверо из них умерли, а двое оставшихся в живых не захотели возвращаться в родную тундру. Так печально закончился этот эксперимент, который продолжался семь лет¹. В 1824 году архимандрит Сийского монастыря Вениамин (в миру — Василий Смирнов), выпускник Архангельской семинарии, был назначен главой православной миссии, целью которой было христианское просвещение самоедов. В течение пяти лет Вениамин с другими миссионерами путешествовал по Канинской, Малоземельской и Большеземельской тундрам. Помимо миссионерской деятельности, он занимался изучением языка, быта и верований ненцев. Проповедник Вениамин перевел на ненецкий язык несколько религиозных книг, составил первую грамматику ненецкого языка, опубликовал ряд работ. Одна из них — "Самоеды мезенские" — стала важным источником по истории, религии и быту ненцев².

Политическое, административное, военное и миссионерское значение православных монастырей Севера основывалось на их мощной экономической базе. Святые обители стали не только организаторами новых отраслей хозяйства, но и проводниками самых современных технологических идей в Поморском крае. Чтобы убедиться в этом, обратимся к истории Соловецкого монастыря. Известного церковного деятеля XVI века митрополита Московского и всея Руси Филиппа именуют еще и

¹ Раменский О. Е. Архангельский духовный пастырь, писатель и просветитель XVIII века // Ломоносов и российская культура. — Северодвинск, 1996. — С. 129.

² Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии... — С. 184—185; Хомич Л. В. Ненцы... — С. 9; Шаляпин С. О. Миссионерская деятельность православной церкви среди саамов и ненцев в первой половине XIX в. // Россия и Норвегия: история и культура. — Архангельск, 1992. — С. 14—15.

великим игуменом Соловецкого монастыря, так как он восемнадцать лет (1548—1566 гг.) возглавлял святую обитель. "Во всей истории русского монашества,— отмечает историк Н. Костомаров,— нет другого лица, которое бы при обычном благочестии столько же помнило обязанность заботиться о счастье и благосостоянии ближних и умело соединять с примерною набожностью практические цели в пользу других. Филипп был образцовый хозяин, не было, ему равного, в русской земле в его крае"¹. Приведу еще один панегирик в адрес игумена Филиппа Кольчечева из "Соловецкого летописца", где он характеризуется не только как "добрый пастырь словесных овец", но и как "мудрый эконо и механик обители своей"². Размах и результаты хозяйственной деятельности Филиппа поражают и сегодня. На свои средства игумен соорудил каменную пристань на Заяцком острове и два пруда на морском берегу, получивших название "Филипповских садков" и предназначавшихся для содержания и разведения рыбы. В самом монастыре были выстроены мельницы, и к ним по специально вырытым каналам поступала вода из пятидесяти двух озер. В святой обители действовали больница, судостроительная верфь с морским наливным доком, множество мастерских. Иноки делали шапки, пояса из тюленьей кожи, обтесывали каменные глыбы, расписывали деревянные ложки, изготавливали канаты, веревки, ковали якоря... За монастырем был сооружен двор и кирпичные "печи и амбары", затем последовали усовершенствования технологии кирпичного производства, а строительный материал доставлялся с помощью специ-

¹ Костомаров Н. Русская история в жизнеописании главнейших деятелей. — СПб., 1873. — С. 477—478.

² Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. — М., 1847. — С. 22.

ального блока, приводимого в движение впряженными в ворот лошадьми. Монастырский изобретатель усовершенствовал процесс квасоварения: если раньше квас варили и сливали в "тщаны" несколько человек, то теперь по системе специальных труб квас поступал из всех "тщанов" в погреб и разливался в бочки. Постоянно накапливался бесценный инженерно-технический опыт: в мукомольном деле была "наряжена" особая телега, которая "сама насыпается, да и привезетца, да и сама высыплет рожь на сушило". Раньше братия сеяла рожь ручным способом, а Филипп "доспел севальню", значительно ускорившую процесс работы: "десятью решеты один старец сеет". Были усовершенствованы и способы просеивания муки и крупы¹.

Инженер-самоучка изобрел приспособление, с помощью которого "нарядил ветер мехами в мельнице веять рожь"². В монастыре был установлен деревянный водопровод, а созданная система отопления и дымоходов оказалась столь совершенной, что поражает даже современных ученых.

Бурная строительная и хозяйственная деятельность поставила вопрос об отношении к уникальной природе Соловецких островов. Все порубки леса велись под строгим наблюдением игумена Филиппа и производились так, чтобы обеспечить его воспроизводство. Были прорублены просеки и вымощены дороги. Озера Большого Соловецкого острова были с помощью каналов объединены в единую гидротехническую систему, позволившую сохранить и умножить рыбные запасы и иметь в изобилии пресную воду. Гидротехническая система, как отмечалось выше, позволила механизировать часть работ

¹ Савич А. А. Соловецкая вотчина... — С. 50.

² Кузаков В. К. Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси в X—XVII в. — М., 1976. — С. 185.

на большой кузнице, кирпичном и канатном заводах, мукомольне, хлебопекарне, устроить быстро наполнявшийся водой док для ремонта кораблей. Этот уникальный комплекс инженерных сооружений опровергает бытующие представления о технической отсталости Древней Руси¹.

Каждый монастырь являлся духовным и культурным центром своей провинции. Особую ценность представляли монастырские книжные собрания, которые были самыми крупными именно в святых обителях Севера. Исследовательница монастырских библиотек М. В. Кукушкина считает, что наиболее распространенным типом монастырской библиотеки были книжные собрания, насчитывавшие от 100 до 350 книг. В Соловецкой святой обители было 1500 книг, и эту библиотеку по числу томов можно сравнить с библиотеками Троице-Сергиевского, Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей².

Книги покупались, "вкладывались" (дарились, жертвовались) и переписывались. "Вкладчиками" в монастырские библиотеки Севера были цари и князья, митрополиты и епископы, купцы и бояре и даже северные крестьяне. Важно и то, что во многих северных обителях книги переписывались, и для этого создавались книгописные мастерские. Монастырские писцы и ремесленники украшали книги рисунками, особо выделяли заглавные буквы в тексте, изготавливали красочные переплеты, тем самым превращая книги в подлинные произведения искусства.

Можно говорить и о высоком уровне развития деловой письменности на Архангельском Севере, о повсеместном

¹ Лихачев Д., Янин В. Русский Север... — С. 117.

² Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера... — С. 11.

ее употреблении и разнообразии частных актов, начиная с опубликованных академиком А. А. Шахматовым Двинских грамот XIV и XV веков и кончая огромными делопроизводственными архивами монастырей XVI—XVII веков. Установлено, что многие акты при подряде на землю, купле-продаже и других сделках составлялись в двух экземплярах, что служит ярким свидетельством бытования актов в крестьянской среде. Этнографические наблюдения В. И. Даля о сплошной грамотности уральских казаков-староверов, сделанные в 30-е годы прошлого века, с полным основанием можно распространить и на Русский Север. Крестьянские библиотеки, описанные филологом В. И. Малышевым, — старообрядческие.

В XVI—XVII веках в Холмогорах и других населенных пунктах Поморья жило много профессиональных писцов, образованных и просто грамотных людей. Список только профессиональных писцов, по данным архивов, содержит свыше пятисот имен. Как справедливо отмечает большой патриот Севера доктор филологических наук В. Я. Дерягин, "подготовка списка холмогорских, и шире — двинских грамотеев XV—XVII веков — одна из важных задач историков книжно-письменной культуры Русского Севера"¹.

Трепетное отношение к книге в монастырях передавалось и пастве — купцам, крестьянам, морякам и рыбакам. В библиотеке московского коллекционера Павла Васильевича Цапова несколько лет назад было обнаружено Евангелие, не имеющее выходных данных, страницы которого украшала следующая запись: "Лета 7071 (т. е. 1563 г. — В. Б.) сию книгу новопечатное Евангелие положили на Лампожне страстотерпцу Христову Георгию в дом Кирило Михайлов сын Офутина з братею, а

¹ Дерягин В. Я. Книжно-письменная культура Русского Севера // Архангельскому Евангелию 1092 года 900 лет: Материалы науч. конф. — М., 1995. — С. 71—77.

подписал Кирило сам своей рукою апреля в 23 день"¹. Значит, за год до выхода в свет первой книги Ивана Федорова — московского "Апостола" 1565 года — Кирилл Михайлович Офутин уже держал в руках недавно напечатанное Евангелие. А было это в Лампожне — слободке на Мезени, крупном торговом пункте Русского Севера.

Но самой знаменитой книжной находкой стало Евангелие 1092 года, которому недавно исполнилось девятьсот лет. Эта редкая книга была куплена у архангельского крестьянина 4 декабря 1876 году купцом 2-й гильдии С. Т. Большаковым и получила название "Архангельского Евангелия"².

В архиве пинежан-черногорцев Поповых сохранилось пятьдесят хозяйственных документов, среди которых купчие крепости, долговые тетради, расписки, дарственные, прошения на владение пашенными и сенокосными землями, материалы о земельных тяжбах. Библиотека Поповых содержит сорок восемь книг и рукописей XIV—XIX веков. Старшим в роде был священник Иван Попов, о профессии которого говорит и фамилия.

Особо следует отметить интерес пинежан Поповых к истории как России, так и своего края. В числе произведений, хранившихся в библиотеке Поповых, — отрывок из "Казанской истории" и единственный дошедший до нас список Пинежского летописца, в котором наряду с событиями общерусской истории отражены местные события XVII века³.

¹ Немировский Е. Л. Путешествие к истокам русского книгопечатания. — М., 1991. — С. 113—114.

² Жуковская Л. П. Архангельскому Евангелию — 900 лет! // Русский вестник. — 1992. — № 39. — С. 13; Жуковская Л. П. "Писал Мичька": Архангельскому Евангелию 1092 года исполнилось девятьсот лет // Правда Севера. — 1992. — 8 дек.

³ Копанев А. И. Пинежский летописец XVII века // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского дома. — Л., 1972. — С. 57.

Книги на Пинеге переписывались уже с XVI века. Пинежская традиция, одна из самых древних на Русском Севере, способствовала распространению культуры рукописания и в других районах края¹.

Пинега известна не только древностью своей традиции, но и тем патриархальным отношением к ней, которое до сих пор отличает Пинежье от других северорусских районов. По-видимому, развитие ранней рукописной традиции можно в какой-то степени объяснить тем, что в Кевроле был один из самых древних северорусских монастырей — Кевроло-Воскресенский, ставший впоследствии приходом, и что здесь находился знаменитый Кеврольский стан — общий для Пинеги и Мезени административный центр².

Особое внимание уделяли монастыри воспитанию юношей и подростков. В северных губерниях у крестьян, мещан и купцов издавна существовал обычай посылать своих сыновей на год в Соловецкую обитель "потрудиться угодникам Зосиме и Савватию". Молодые трудники обучались в училище чтению, письму (в младшем классе), Закону Божьему, отечественной истории, географии и арифметике (в старшем классе), а также живописи, столярному и сапожному делу³. Такие училища и школы создавались и в других северных монастырях.

Наличие книжных собраний во всех монастырях, существование частных библиотек, открытие школ и училищ позволяют судить об уровне грамотности населения Русского Севера. Еще в конце прошлого века

¹ Мальшев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. — Сыктывкар, 1960. — С. 9.

² Савельева Н. В. Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси. XII век. Разные аспекты исследования. — СПб., 1994. — С. 285—286.

³ Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии... — С. 57—58.

на основе изучения сведений, содержащихся в житиях основателей северных монастырей, А. И. Соболевский сделал вывод о том, что "не только под Москвою, но даже в таких глухих местностях, как поселения далекого Севера, не было недостатка в училищах"¹. Антоний Сийский, например, обучался грамоте в двинской деревне Кехте. Александр Свирский — в родной деревне в Обонежье. В том же селе еще ранее научился грамоте и Зосима Соловецкий. Александр Ошевенский учился в деревне близ Белого моря. А если учесть, что население Поморского Севера приняло эстафету большой грамотности и книжности от Великого Новгорода, помноженную на необходимость владеть навыками письма и чтения в связи с многочисленными торговыми операциями северян как на внутреннем, так и на внешнем рынках, то станет ясно, что люди, проживавшие здесь, составляли одну из самых образованных частей населения России. В "Истории Академии наук СССР" отмечается, что в первой половине XVI века среди землевладельцев Европейского Севера было более 80 процентов грамотных людей². И, видимо, не случайно наш Ломоносов "по своей и Божьей воле стал разумен и велик".

Чтобы получить более полную и точную картину, необходимо специальное научное исследование, посвященное истории образования и письменной культуры Русского Севера, основой для которого должны стать документы, которые хранятся в центральных и местных архивах.

¹ Соболевский А. И. Образованность Московской Руси в XV—XVII веках. — СПб., 1894. — С. 16; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера... — С. 11.

² История Академии Наук СССР. — М—Л., 1958. — Т. 1. — С. 15; Павлова Г. Е., Федоров А. С. Михаил Васильевич Ломоносов: 1711—1765. — М., 1988. — С. 12; Соболевский А. И. Образованность Московской Руси... — С. 9—12.

Многие святые обители содержали иконописные мастерские. К примеру, в Соловецком монастыре действовала школа живописи, в которой молодые люди из числа послушников и богомольцев под руководством опытных мастеров занимались рисованием и иконописанием. Многие из питомцев этой школы стали известными мастерами живописи и иконописи. К числу их относится и выдающийся художник, "певец вечных льдов" Александр Александрович Борисов, который получил свои первые уроки рисования в Соловецкой школе¹.

Во многих монастырях имелись свои ювелиры, резчики по дереву, искусные швеи и вышивальщицы, в том числе и мастерицы шитья золотом, серебром, жемчугом. Николо-Корельский, Соловецкий и Трифоно-Печенгский монастыри не только организовали добычу речного жемчуга, но и украшали им изготавливавшуюся в монастырских мастерских церковную одежду и утварь.

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что значение северных монастырей трудно переоценить. В течение нескольких веков они были важными духовными, политическими, административными, военными центрами края, внесли неоценимый вклад во все сферы материальной и духовной культуры Русского Севера.

¹ Борисов Н. П. Художник вечных льдов. — Л., 1983. — С. 24.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К. ТИАНДЕРЪ.

ПОЪЗДКИ СКАНДИНАВОВЪ

ВЪ

БѢЛОЕ МОРЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1906.

VI.

Путешествіе Отера.

Суровое обращеніе короля Гаральда Прекрасноволосаго съ норвежскими герсами-родоначальниками, которые ни за что не хотѣли покориться его власти, заставило ихъ искать себѣ новыхъ пристанищъ. Большое количество ихъ переселилось на Оркадскіе, Шетландскіе и Гебридскіе острова;

часть ихъ затѣмъ перешла въ Шотландію и Ирландію. Въ 860 году послѣдовало открытіе съ ихъ стороны Исландіи, а съ 874 года началось ея знаменитое заселеніе. Отсюда уже въ 877 году была открыта Гренландія. Не безъ повода же и наша лѣтопись относитъ пріѣздъ Рюрика къ 862 году. Въ томъ же году, по свидѣтельству арабскаго лѣтописца Якуби, норманны совершили набѣгъ на испанскіе берега и опустошили Севилью. Слѣдовательно, вся вторая половина IX вѣка ознаменована многочисленными движеніями покладавшихъ свою родину нормановъ и смѣлыми открытіями новыхъ земель. Не удивительно, что къ этому же времени относится и первая поѣздка нормановъ въ Бѣлое море.

Объ этой поѣздкѣ у насъ имѣется строго историческое свидѣтельство. Оно находится въ англосаксонскомъ переводѣ всемірной исторіи Оросія, предпринятомъ королемъ Альфредомъ Великимъ. Это сочиненіе носитъ названіе «*De misceria mundi*» и написано Оросіемъ по внушенію блаженнаго Августина, его друга, съ цѣлью противодѣйствовать мнѣнію, будто христіанство причина всевозможныхъ бѣдствій и распрей. Заимствуя факты изъ Геродота, Полибія, Ливія, Тацита и другихъ историковъ, Оросій доказываетъ, что въ древнемъ языческомъ мірѣ человѣчеству жилось вѣзуть не лучше, чѣмъ послѣ распространенія христіанства. Его сочиненіе въ послѣдующіе вѣка пользовалось большою популярностію, которая и объясняетъ выборъ короля Альфреда. Но король увлекался, вѣроятно, не столько тенденціей Оросія, сколько желаніемъ дать своимъ соотечественникамъ, если можно такъ выразиться, удобное руководство по исторіи. Это намѣреніе выразилось и въ томъ, что король отъ себя вставилъ въ переводъ три самостоятельныхъ отрывка, касающихся географіи современной ему Европы. Они неоцѣнны, какъ единственныя этнографическія записки, сознательно составленныя для поученія въ такую раннюю пору, какъ IX вѣкъ. Въ 887 году король впервые сталъ заниматься латинскимъ языкомъ; битва при Гастингсѣ въ 893 году нарушила миръ въ его странѣ на много лѣтъ, такъ что съ большою вѣроятностію можно полагать, что

его переводъ относится къ данному промежутку времени ¹⁾).

Изъ вышеупомянутыхъ самостоятельныхъ статей одна трактуетъ о географіи средней Европы, другая—о прибрежьи Балтійскаго моря, а третья—о крайнемъ сѣверѣ. Последние двѣ записаны со словъ отважныхъ въ то время мореплавателей: Wulfstán и Ohthere. Король называетъ ихъ прямо по именамъ, не распространяясь объ ихъ личности, изъ чего можно заключить, что они были извѣстны тѣмъ, для которыхъ предназначался трудъ короля. То и дѣло встрѣчаются выраженія: Ohthere sæde..., hé swað..., hé sæde..., hé nyste..., которыя указываютъ на то, что король лично бесѣдовалъ съ ними. Они, вѣроятно, гостили нѣкоторое время при его дворѣ. Это явствуетъ изъ словъ: dá hé þone suninge sohte. Отеръ состоялъ даже на службѣ короля. Это можно заключить изъ того, что Альфредъ считалъ себя «его» королемъ: Ohthere sæde «his» hláforde, Ælfréde Kyninge... Понятно, сообщенія короля отличаются замѣчательною достоверностью. Его записка такъ и нестритъ цифрами. Финскій ученый Портацъ первый обратилъ вниманіе на важность этихъ свидѣтельствъ для исторіи сѣвера и напечаталъ ихъ отдѣльно въ запискахъ стокольмской академіи ²⁾.

Мы позволимъ себѣ привести въ переводѣ отрывокъ, касающійся поѣдки Отера въ Біармаландъ:

«Отеръ разсказывалъ своему государю, королю Альфреду ³⁾, что онъ живеть сѣвернѣе всѣхъ нормановъ ⁴⁾. Онъ прибавилъ, что живеть въ странѣ, расположенной на сѣверѣ отъ Западнаго моря ⁵⁾. Онъ, однако, говорилъ, что

¹⁾ См. Bosworth, King Alfreds anglosaxon version of the compendious history of the world by Orosius.

²⁾ Kongl. Vitterhetens Historie och Antikvitets Academiens Handlingar 1800 г., VI т.

³⁾ Король говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

⁴⁾ Впослѣдствіи норманы жили и далѣе на сѣверѣ, но въ то время колонизація ихъ очевидно не простиралась за 65° с. широты. Полагають что Отеръ жилъ около острова Himloe.

⁵⁾ Westsæ=наше Сѣверное море.

эта страна оттуда еще простирается очень далеко на сѣверъ, но она вся пустынная, и только на немногихъ мѣстахъ поселились здѣсь и тамъ финны ¹⁾, занимаясь зимою охотою, а лѣтомъ рыбнымъ промысломъ на морѣ.

«Онъ рассказывалъ, что однажды хотѣлъ испытать, далеко ли эта земля простирается на сѣверъ и живетъ ли кто на сѣверѣ отъ этой пустыни ²⁾. Тогда онъ поѣхалъ на сѣверъ вдоль берега: все время въ теченіе трехъ дней по правой сторонѣ у него оставалась пустынная страна, а открытое море по лѣвой. Тогда онъ достигъ сѣверной высоты, дальше которой китоловы никогда не ѣздить ³⁾. Онъ же продолжалъ путь на сѣверъ, на сколько еще могъ проѣхать въ другіе три дня ⁴⁾. Тутъ берегъ сворачивалъ на востокъ или же море врѣзывалось въ страну ⁵⁾; извѣстно ему было только то, что ему пришлось тамъ ждать попутнаго вѣтра съ запада и отчасти съ сѣвера ⁶⁾, а потомъ онъ поплылъ вдоль берега на востокъ, сколько могъ проѣхать въ четыре дня ⁷⁾».

¹⁾ Напомню, что и Отеръ подлѣ финны разумѣетъ лапландцевъ согласно сохранившейся и до нашихъ дней терминологіи порвежцевъ.

²⁾ Отсюда видно, что Отеръ дѣйствительно первый открылъ морской путь въ Бѣлое море; какъ замѣтно изъ дальнѣйшаго изложенія, ему было совершенно ново все, что онъ видѣлъ и узнавалъ.

³⁾ Около острововъ Лофодена, которые лежатъ около 69° т. е. на полѣ пути отъ 65° до Нордкана.

⁴⁾ Отеръ достигъ Нордкана (72°), совершивши путь въ 420 морскихъ миль или 70 миль въ сутки,—исполнѣ возможности скорости, тѣмъ болѣе, что Отеръ шелъ только подлѣ попутнымъ вѣтромъ. Петерсенъ (стр. 281), считая географическими милями, полагаютъ, что Отеръ совершилъ 15 миль въ сутки. Высшая скорость скандинавскихъ судовъ по мнѣнію того же Петерсена (стр. 136) доходила до 24 и даже 30 миль.

⁵⁾ Не Отеръ интересовался этой точностью въ географическомъ опредѣленіи, но ученый король; Отеръ же не могъ удовлетворить любопытству короля: *hæ pusta hweereg*. Вообще, король даетъ намъ не столько связанный рассказъ, составленный на основаніи заранее добытыхъ матеріаловъ, сколько непосредственные отвѣты Отера на отдѣльные вопросы короля; отсюда и повтореніе типичнаго: „онъ говорилъ“.

⁶⁾ Вѣроятно, недалеко отъ Варангерфюрда. Ср. Weinhold, *Polargegenden*, стр. 287.

⁷⁾ Въ четыре дня Отеръ свободно могъ доѣхать до Святого мыса на Колѣ (на картѣ Олаа Магнуса: *Sventinoz=sacrum promontorium*).

«Тогда онъ принужденъ былъ ждать прямого сѣвернаго вѣтра ¹⁾), потому что берегъ здѣсь сворачивалъ на югъ или же море врѣзывалось въ страну, — этого онъ не зналъ ²⁾). Тогда онъ поплылъ отсюда къ югу вдоль берега, сколько могъ проѣхать въ пять дней ³⁾). Тамъ большая рѣка вела во внутрь страны. Тогда они уже въ самой рѣкѣ ⁴⁾ повернули обратно, потому что не смѣли подняться вверхъ по самой рѣкѣ, боясь враждебнаго нападенія; эта страна была заселена по одной сторонѣ рѣки ⁵⁾). Это была первая населенная страна, какую они нашли съ тѣхъ поръ, какъ оставили свои собственные дома. Все же время по правой рукѣ ихъ была пустынная страна, исключая поселеній рыбаковъ, птицелововъ и охотниковъ, которые всё были финны; по лѣвой же ихъ рукѣ было открытое море. Страна биармійцевъ ⁶⁾ была весьма хорошо населена,

¹⁾ Около Святого носы. Хотя я и склоненъ понимать это названіе такъ, что на этомъ носу находилось святилище или просто мѣсто для жертвоприношеній, тѣмъ не менѣе долженъ привести любопытное замѣчаніе Норденшельда (I т., стр. 380), что „Святой носъ“ назывался такой мысъ, который трудно было огибать.

²⁾ См. прихѣчаніе выше.

³⁾ Этотъ путь требовалъ не больше 60 морскихъ миль въ сутки; все путешествіе продолжалось 15 дней, не считая остановокъ, и въ это время Отеръ проѣхалъ около 1000 миль.

⁴⁾ Т. е. въ некоторомъ разстояніи отъ устья. Такая же подробность встрѣтится и въ Орваръ-Оддсатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подразумѣвается рѣка Двина.

⁵⁾ Мы съ большой вѣроятностью можемъ догадываться, что биармійцы жили на правомъ берегу Двины. Дѣло въ томъ, что переселеніе уало-алтайскихъ народовъ вообще шло съ востока на западъ, и та народность, которую норманы застали у низовьевъ Двины, пришла сюда съ востока или юго-востока, но отнюдь не съ запада. Слѣдовательно, они достигли раньше восточнаго берега Двины, нежели западнаго, и во время пріѣзда сюда Отера еще не заняла лѣваго берега рѣки. У русскихъ сибирскихъ рѣкъ правый берегъ такъ и называется горнымъ, а лѣвый луговымъ (См. Кастрень, II т., стр. 47). Поэтому, такъ какъ лѣвый берегъ подверженъ опасности наводненія, то поселки и города чаще всего строятся на правомъ берегу. На Волгѣ по правой сторонѣ насчитываютъ свыше 30 городовъ, а на лѣвой всего четыре. Подробно объ этомъ явленіи писалъ академикъ Бэръ (Reden, II т., стр. 107—170).

⁶⁾ Король вводитъ биармійцевъ безъ всякихъ объясненій, предпола-

но они не посмѣли поѣхать туда. Но земля терфиновъ ¹⁾ была совсѣмъ пустыня, кромѣ отдѣльныхъ мѣстечекъ, гдѣ жили охотники, рыбаки и птицеловы ²⁾.

«Много вещей ему рассказывали біармійцы, какъ объ ихъ собственной странѣ, такъ и о странахъ, лежащихъ кругомъ; но онъ не могъ провѣрить ихъ достовѣрность, потому что самъ онъ ихъ не видалъ ³⁾. Финны, казалось ему, и біармійцы говорятъ почти на одномъ и томъ же языкѣ ⁴⁾. Вскорѣ онъ опять поѣхалъ туда, интересуясь природой этой страны, а также и изъ за моржей, потому что ихъ зубы представляли собою весьма драгоценную вещь — нѣсколько такихъ зубовъ онъ преподнесъ королю, а ихъ кожа была въ высшей степени пригодна для корабельныхъ канатовъ ⁵⁾. Киты же тамъ гораздо меньше обыкновенныхъ; они въ длину не больше семи локтей. Въ его собственной странѣ, правда, наилучшая ловля китовъ; тамъ они длиною въ 48 локтей, самые большіе же въ 50...» ⁶⁾.

гя это этническое названіе слонмъ читателямъ извѣстнымъ; такъ быстро распространилась молва о Біармаладѣ.

¹⁾ Еще понятнѣ восточный и юго-восточный берегъ Колы называется Терскимъ. Первая часть *ter* ставитъ въ связь со скандинавскимъ словомъ *træ* = дерево и отсюда понимаютъ наименованіе народа терфиновъ какъ „дѣсовъ“. Финновъ, но это толкованіе врядъ ли правильно.

²⁾ Читая конецъ данного отрывка, получаешь впечатлѣніе, что король подвергалъ Отера перекрестному вопросу: обстоятельства, которыя и такъ уже выяснились изъ предыдущаго изложенія, провѣряются, повторяются въ другой снѣнѣ или же формулируются по-иному точнѣе.

³⁾ Король требовалъ, чтобы Отеръ обо всемъ говорилъ лишь по собственному опыту, и оставлялъ безъ вниманія рассказы біармійцевъ на основаніи того, что Отеръ лично не могъ удостовѣриться относительно ихъ правдивости. Смѣло же король говорить о цѣнности моржовыхъ зубовъ, такъ какъ Отеръ привезъ ему нѣсколько экземпляровъ.

⁴⁾ Отеръ, которому финны (т. е. лапландцы) платили дань, очевидно владѣлъ ихъ языкомъ и вѣроятно на немъ же объяснялся съ біармійцами, но при этомъ встрѣтились діалектическія разногласія, такъ что Отеръ не считалъ себя въ правѣ отождествить оба нарѣчія.

⁵⁾ Такіе канаты вилѣлъ еще Норденшельдъ въ 1878 году (I т., стр. 68).

⁶⁾ Текстъ переведеннаго отрывка отпечатанъ и у Kluge, *Angelsächsisches Lesebuch*, стр. 20.

Что Отеръ дѣйствительно открылъ морской путь въ Бѣлое море, нѣтъ никакого сомнѣнія. Изъ нормановъ онъ былъ крайнимъ постояннымъ обитателемъ сѣвера. Только китоловы ѣздили еще до острововъ Лофодена. Отеру же хотѣлось узнать, что лежитъ дальше этихъ острововъ. И вотъ онъ первый изъ скандинавовъ огибаешь Нордкапъ. Одно для него даже еще теперь осталось неяснымъ: попалъ ли онъ только въ обширный заливъ или достигъ крайняго предѣла земли, омываемаго мiровымъ океаномъ.

Точно опредѣлить время поѣздки Отера невозможно. Во всякомъ случаѣ, онъ бесѣдовалъ съ королемъ послѣ побѣды Гаральда Прекрасноволосаго, потому что Галогаландъ для него только «shite» = провинція, что было бы нелѣпо при отсутствіи понятія общаго государства. Далѣе, слово *nordvegr* до установленія единовластія могло бы означать лишь «путь на сѣверъ»; Отеръ же употребляетъ выраженіе *Nordvegr* въ смыслѣ государства Норвегіи. Въ сообщеніи Отера, вѣроятно, также упоминалась Исландія, такъ что бесѣда съ королемъ, во всякомъ случаѣ, не происходила раньше 870 годовъ. Такими соображеніями Ессенъ ¹⁾ пытался установить хронологію бесѣды *a quo*. Мнѣ кажется, что можно идти еще дальше. Изъ записки короля явствуется, что онъ форменно допрашивалъ Отера съ опредѣленнымъ уже намѣреніемъ воспользоваться его отвѣтами для научной статьи. Всѣ эти цифры и подробности не могли быть сохранены на память, а были записаны во время бесѣды. Слѣдовательно, бесѣда эта происходила тогда, когда уже король задумалъ свой переводческій трудъ, когда онъ уже зналъ, съ какой цѣлью разспрашивалъ Отера объ его поѣздкѣ. Въ 887 году Альфредъ только сталъ заниматься латинскимъ языкомъ. Поэтому не слишкомъ поздно будетъ отнести его бесѣду съ Отеромъ ко времени около 890 года ²⁾.

Бесѣда нисколько не опредѣляетъ года путешествія. Последнее несомнѣнно находится въ связи съ массовыми

¹⁾ *Historische Zeitschrift* Сибеля, т. XXVIII, стр. 79.

²⁾ См. мнѣніе Петерсена, стр. 277.

выселеніями изъ Норвегіи подъ давленіемъ жестокой политики Гаральда. Вѣроятно, Отеру пришла мысль, что въ крайнемъ случаѣ можно будетъ переселиться и дальше на сѣверъ. Онъ вѣрно угадалъ: вскорѣ дѣйствительно норвежская колонизація двинулась много сѣвернѣе. Но такая предусмотрительность не могла явиться у Отера раньше 870 годовъ. Вотъ этими то годами обозначается тотъ промежутокъ времени, въ который Отеръ дважды успѣлъ стѣздить въ Біармаландъ.

УСТАВНАЯ ГРАМОТА НОВГОРОДСКОГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ОЛЬГОВИЧА ЦЕРКВИ СВ. СОФИИ В НОВГОРОДЕ С ДАТОЙ 1136/37 г., НОВГОРОД, О ПОСТУПЛЕНИЯХ ЕПИСКОПИИ ИЗ «ОНЕГА» И С ЗАВОЛОЧСКИХ ВЛАДЕНИЙ НОВГОРОДА С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ УСТАНОВЛЕНИЯМИ XIII в. О ДЕСЯТИНЕ С ПРИЛАДОЖСКИХ И ПРИВОЛЖСКИХ ЗЕМЕЛЬ

(Из книги "Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв." — М., 1976).

Публикуется по двум спискам.

Основной список: 1*. ГИМ, Син. 132, втор. пол. XIV в., лл. 630—631, в лист, устав, в два столбца, пергамен, вслед за Уставом Владимира, в приложении к Синодальной кормчей 1280-х годов. Публ.: "Русские достопамятности", ч. 1, М., 1815, стр. 82—85; Карамзин. История, т. II, прим. 267; "Хрестоматия по русской истории". Сост. Н. Я. Аристов. Изд. 2. Варшава, 1888, № 238; "Хрестоматия". Сост. М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 1 (различные издания); "Памятники истории Великого Новгорода и Пскова". Подг. к печати Г. Е. Кочин. М.—Л., 1936, стр. 47; М. Н. Тихомиров и М. В. Щелкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 19—21 (на стр. 28—30 опубликована фотокопия списка); ПРП, 2, стр. 117—118.

В вариантах: 2. (ЕА)* ГБЛ, Егор. 472, кон. XV—нач. XVI в., лл. 472—473, в лист, также вслед за Уставом Владимира, в кормчей. Публ.: Я. Н. Щапов. Новый список новгородского устава князя Святослава Ольговича (из собрания Е. Е. Егорова). — "Записки Отдела рукописей ГБЛ", вып. 26. М., 1963, стр. 397—398.

Не использован список — ГИМ, Син., Сборники, № 11, кон. XVII — нач. XVIII в., лл. 11—17, копия с Син. 132.

Первая статья Устава ("Устав бывших прежде нас... в князь двор всего") переписывалась после текста Устава Владимира в Крестининском и Фроловском изводах Синодальной редакции и в Румянцевской редакции, восходящей к Синодальной (см., например: ВС, Лв, и перечисленные ниже). Приводятся варианты из следующих списков (расшифровку условных обозначений см. в легендах к соответствующим текстам Устава Владимира): СН, НС, ОФ, Тг, П, КЕ, Сд, ЯТ, РЕ.

[1] *Оуставъ ¹, бывъшии ² | преже насъ ³ въ Роусѣ ⁴ | ѿмъ ⁵ л. 630
прадѣдъ ⁶ и ѿмъ дѣдъ ⁷ нашихъ, ⁸ ямаѣти пискѣпомъ ⁹ де[сати]-стб. 2
ноу ¹⁰ ѿмъ данѣи ¹¹ | и ѿмъ вирѣ ¹², и продаѣи ¹³, | что входитъ
въ ¹⁴ кнѣжъ дворъ ¹⁵ всего ¹⁶. |

¹ СН далее в Русь ² НС бывших ³⁻⁴ СН, КЕ, Сд нет ⁵ СН
Русь ⁶⁻⁷ ОФ нет ⁸ РЕ митрополиту ⁹ ОФ нет ¹⁰ П дати
¹¹ П мѣрь; Тг пѣры ¹² Крестин далее и от лова княжа; КЕ, Сд да-
лее и от лова княжих, и от виноград, и от исого ¹³⁻¹⁵ КЕ, Сд дом княж;
Крестин, РЕ двор княж от ¹⁶ КЕ, Сд, ЯТ нет

[2] *А здѣ, в Повѣгородѣ, | что ієсть десати|на ѡт данин
обрѣтохъ ѡражено пре|же мене бѣвшы|ми князи. Толико ѡт
вирь и продажъ | десатины зырѣлъ, | ѡлико дини въ роу|цѣ
кнажиин въ клѣтъ | ієго.

[3] Ноужа же баше | пискоупоу, иѡжа * же | князю въ томъ,
въ де|сatoi части б(о)ж(и)и. То|го дѣла оуставиль іє|смь с(в)а|той
Софьи, а тѣ іє|млетъ пискоупъ за | десатиною ѡт вирь и | про-
а.630 дажъ р гривень || новыхъ коунъ, иже вѣ|даваєть домажири|чь
об. изъ Онѣга. Аче не | боудеть полна ста оу | домажирича, а ¹⁵
осмь|десать выдасть, а до|полнокъ вѣзмотъ к | гривен оу княза
исъ | клѣти.

[4] Оурадилъ іє|смь азъ с(в)я|тѣи Софьи | и написалъ Нпкола
кназь новгородскы|и Святославъ: въ Онѣ|гѣ на Волдоутовѣ
пого|стѣ два сорочка, на Ту|доровѣ ¹⁶ погостѣ два со|рочька,
на Ивани по|гостѣ с даромъ г соро|чькы ¹⁷, на Ракоулѣ г, | на
Спирковѣ ¹⁸ два, оу Ви|хтоуа сорочекъ, въ Пи|незѣ г, въ Кег-
стб.2 релѣ г, | оустѣе Юмѣцѣ два, | оустѣе Вагъ два, оу || Поуите
сорочекъ, оу Чю|дина полъ сорочѣка, | оу Лигоуа с ¹⁹ даромъ
два, | оу Вавдита с даромъ два, | оу Вѣли два, оу Вѣкше|нзѣ
два, на Боркоу со|рочекъ, в Сѣтминѣ ²⁰ со|рочекъ, въ Топмѣ
соро|чекъ, оу Помѣ полъ со|рочка, оу Топшмѣ со|рочекъ, оу
Пененича | сорочекъ, оу Порогопу|стѣцѣ полъ сорочка, | оу Вал-
дита два соро|чка, на Волоцѣ въ Мо|ши два, оу Юмѣ ско|ра,
а на мори ѡт чрена | и ѡт салгы оу поузоу, | оу Тудора
сорочекъ.

*В лѣт(о) ~~ѣ~~схмѣ, инди|кта сї.

[5] Сѡже ли кто | въ котороѣ врѣмѣ | а то рюшнѣ или ѡт|
а.631 иметъ, что на оура|дилъ кназь Никола | С(в)я|тославъ съ вл(а)-
д(ы)кою Нифонтомъ, кназь ли, или инъ кто сидѣ|нхъхъ нового-
родецѣ, | а боудеть б(о)г(о)у противѣ|нъ и с(в)л|тѣи Софьи. |

[6] *А се ѡбонѣзскыи радѣ: | во Олонци г гривны, | на
Сѣвѣри гриѣ(на), на Юсколѣ | г ²¹ гриѣ(ны), в Тервиничѣ | г гриѣ-
(ны), оу Вьюницѣ | гриѣ(на), оустѣе Паши гриѣ(на), | оу Пахитка
на Паши полъ гриѣ(ны), на Коукуевѣ горѣ гриѣ(на), у Пермина
гриѣ(на), | оу Кокорка полъ гриѣ(ны), на | Маснегѣ низъ Саси |
полъ гриѣ(ны), въ поѣздѣ | ѡт всеѣ земли влад(ы)дѣ | г гриѣ(ен),
а попоу двѣ гриѣ(ны), | оу Липсоуевичѣ полъ | гривны, оу Тои-
вота | гриѣ(на), въ Липиѣ полъ гриѣ(ны). ||

стб.2 [7] *А се бѣжичьскыи радѣ: | въ Бѣжичихъ ²² гриѣ(ен) | и
и кунѣ, Городецкѣ | полъпаты гриѣ(ны), въ | Змени ²³ гриѣ(ен),
Ієзв|скѣ ²⁴ гриѣ(ны) и и кунѣ, | Рыбаньскѣ гриѣ(на) волжская,
в Ыизьскѣ полъ гриѣ(ны) волжская ²⁵.

* в рукоп. ножа с о исправленным в 8 более светлыми чернилами

¹⁵ ЕА нет ¹⁶ ЕА Туровѣ ¹⁷ ЕА сорочѣкѣ ¹⁸ ЕА Спировѣ
¹⁹ ЕА а ²⁰ ЕА Обинѣ ²¹ ЕА г ²² ЕА нет

ПРАВИТЕЛИ АРХАНГЕЛЬСКОГО КРАЯ*

Списки должностных лиц всегда несли важную дополнительную информацию о времени и о людях, помогая процессу персонификации истории. Хотя общество развивается по определенным законам, историю делают конкретные люди.

В северной историографии не раз публиковались списки воевод, губернаторов, других должностных лиц: в XVIII в. — нашим первым историографом Василием Васильевичем Крестининым, в 1852 г. — Мамантом Григорьевичем Заринским, в 1902 г. — Валентином Васильевичем Усковым, в 1906 г. — Владимиром Ивановичем Бородиным.

Двинские посадники (XII в. — 1478 г.)

1) Боярин Василий Матвеевич Своеземцев	1315
2) Боярин Лука Варфоломеевич	1342
3) Боярин Иван Никитич	1397, 1398
4) Боярин Есип Филиппович	1401
5) Боярин Наум Игнатьевич	1401
6) Боярин Василий Никифорович	1464

Двинские земские сотские (1478 г. — кон. XV в. и в 40-х гг. XVI в.)

1) Васюк Бачурин	1540
------------------	------

Двинские тиуны (конец XV в. — 1534 г.)

1) Падерин Обрезок	1500
2) Григорий Бентиев	1530

* Находились в Матигорах и Ухтострове, с конца XIV в. — в Холмогорах, с 1702 г. — в Архангельске.

Двинские наместники
(1534—1553, 1554—1556 гг.)

1) Князь Иван Васильевич Шуйский	(1534-1540)
2) Боярин Василий Михайлович Воронцов	(1543-?)
3) Боярин Иван Васильевич Полев	(1543-?)
4) Князь Иван Курбский	(1549-?)
5) Князь Дмитрий Михайлович Жижемский	(1547-1551)
6) Князь Микулинский-Пунков	
Семен Иванович	(? -1553, 1554-1556)

Двинские земские головы
(1553—1554, 1556—1583 или 1587 гг.)

1) Филипп Родионов	1553
2) Феофан (Фофан, Иван) Макарьев	1553
3) Семен Аникиев Дуда	1557

Двинские восводы*
(1583 или 1587—1708 гг.)

1) Петр Афанасьевич Нашекин	(1583-1584)
2) Алексей Никифорович Волохов	(1583-1584)
(Залешанин)	
3) Князь Василий Андреевич	(1587-?)
Звенигородский	
4) Князь Борис Иванович Мезецкий	(1587-?)
(в Кевроли)	
5) Князь Афанасий Иванович Вяземский	(1590-?)
6) Иван Михайлович Ласкарев	(1593-?)
7) Князь Дмитрий Михайлович Борятинский	(1593-?)
8) Розгильдей Григорьевич Любочанинов	(1597-?)
9) Князь Дмитрий Федорович Бельский	(1597-?)
10) Иван Васильевич Милюков-Гусь	(? - ?)
11) Кир Афанасьев	(? - ?)
12) Осип Савельевич Супонев	(1600-?)
13) Родион Васильевич Всеволожский	(1601-?)

* С 1583 г. — как городовые воеводы, с 1587 г. — как администраторы края.

- 14) Тимофей Матвеевич Лазарев (1601-1605)
- 15) Иван Никифорович Чепчугов (1606- ?)
- 16) Иван Васильевич Милуков-Гусь (1608-1609)
(вторично)
- 17) Князь Александр Данилович
Ростовский-Приимков (1609-1610)
- 18) Князь Григорий Борисович
Долгорукий (1611-1612)
- 19) Князь Федор Андреевич Татев (1612- ?)
- 20) Князь Иван Долгорукий (1612- ?)
- 21) Никита Михайлович Пушкин (1613-1614)
- 22) Князь Петр Иванович Пронский (1614-1616)
- 23) Моисей Федорович Глебов (1614-1616)
- 24) Князь Андрей Васильевич Хилков (1618-1621)
- 25) Богдан Борисович Воейков (1618-1621)
- 26) Князь Дмитрий Петрович
Пожарский-Лопата (1621-1623)
- 27) Никита Дмитриевич Вельяминов (1623- ?)
- 28) Федор Васильевич Вольнский (1626- ?)
- 29) Дементий Семенович Погожий (1629- ?)
- 30) Князь Василий Петрович
Ахимашуков-Черкасский (1630-1632)
- 31) Григорий Андреевич Плещеев (1633-1636)
- 32) Стольник князь Василий Петрович Львов (1636- ?)
- 33) Борис Петрович Шереметев (1638-1641)
- 34) Стольник князь Иван Никитич
Хованский (1642-1643)
- 35) Князь Иван Иванович Ромодановский (1643-1645)
- 36) Князь Иван Ярославович Черкасский (1645-1646)
- 37) Илья Кузмич Безобразов (1646- ?)
- 38) Ратный воевода боярин князь
Юрий Петрович Буйносов-Ростовский (1646-1648)
- 39) Окольный князь Василий Григорьевич
Ромодановский (1648-1650)
- 40) Окольный Федор Васильевич
Бутурлин (1650-1652)
- 41) Окольный Борис Иванович Пушкин (1652-1656)

- 42) Стольник князь Петр Семенович
Прозоровский (1656-1659)
- 43) Стольник Иван Богданович
Милославский (1659-1663)
- 44) Окольный князь Осип Иванович
Щербатов (1663-1666)
- 45) Думный дворянин Иван Иванович
Чаадаев (1666-1670)
- 46) Думный дворянин Афанасий Иванович
Нестеров (1670-1673)
- 47) Боярин князь Дмитрий Алексеевич
Долгорукий (1673)
- 48) Думный дворянин Федор Полуэктович
Нарышкин (1673-1675)
- 49) Думный дворянин Афанасий Иванович
Матюшкин (1676- ?)
- 50) Боярин князь Иван Андреевич
Хованский (1676-1678)
- 51) Боярин князь Петр Иванович
Хованский (1678-1680)
- 52) Думный дворянин Богдан Иванович
Ордин-Нащекин (1680-1681)
- 53) Боярин князь Никита Семенович
Урусов (1681-1683)
- 54) Боярин Никита Константинович
Стрешнев (1683-1685)
- 55) Стольник Кондратий Фомич
Нарышкин (1685-1688)
- 56) Окольный Михаил Юрьевич
Татищев (1688-1691)
- 57) Стольник Даниил Михайлович
Татищев (1688-1691)
- 58) Ближний стольник и ближний
окольный Андрей Артамонович Матвеев (1691-1693)
- 59) Комнатный стольник Федор Матвеевич
Апраксин (1693-1696)
- 60) Боярин князь Михаил Иванович
Лыков (1697-1700)

- 61) Боярин князь Алексей Петрович
Прозоровский (1700-1702)
- 62) Стольник Василий Андреевич
Ржевский (1702-1705)
- 63) Ближний стольник князь
Даниил Григорьевич Черкасский (1705-1706)
- 64) Ближний комнатный стольник князь
Петр Алексеевич Голицын, с декабря 1708 г. —
первый архангелогородский губернатор (1707-1708)

В. А. ВОЛЫНСКАЯ, Н. А. ШУМИЛОВ

научные сотрудники
Государственного архива
Архангельской области.

Перечень важских воевод (1617—1705 гг.)

- 1617—18. Сытного Дворца Путный Ключник первый
Елатовский сын малой.
1619. Стольник Иван Благово.
- 1620—23. Прикащик Дружина Пустоборков.
- 1624—25. Воевода Семен Федорович Глебов.
- 1626—27. Борис Иванович Полтев.
- 1628—30. Иван Филиппович Стрешнев.
- 1631—33. Стольник Степан Федорович Стрешнев.
1634. Стольник Иван Григорьевич Ромодановский.
- 1635—37. Афанасий Осипович Прончищев.
- 1638—39. Стольник Петр Григорьевич Очин-Плещев.
- 1640—41. Степан Андреевич Татъянин.
- 1642—43. Василий Иванович Толстой.
- 1644—45. Андрей Иванович Борецкой.
1646. Стольник Данило Яковлев.
- 1647—59. По четвертям земские судейки.
- 1660—64. Стольник князь Иван Михайлович Юркодинов.
1665. Степан Федорович Жданов.
- 1666—68. Стольник Парфений Яковлевич Сомов.

- 1669—71. Князь Савелий Иванович Козловский.
 1672—74. Стольник Петр Севастьянович Хитрой.
 1675—76. Стольник Григорий Филиппович Нарышкин.
 1677—79. Богдан Васильевич Яковлев.
 1680—81. Стольник Калинин Григорьевич Благой.
 1682. Думной дворянин Григорий Степанович Караулов.
 1683—84. Стольник Василий Петрович Измайлов.
 1685—87. Стольник Павел Федорович Леонтьев.
 1688—89. Стольник Степан Афанасьевич Собакин.
 1690—91. Стольник Александр Петрович Скуратов.
 1692—93. Стольник Петр Иванович Взаимков.
 1694—96. Стольник Яков Ефимович Мышецкий.
 1697. Стольники князя Яков Иванович и Федор Яков-
 левич Вяземские.
 1698—99. Стольник Петр Васильевич Кикин.
 1700—1704. По четвертям земские бурмистры.

ПРИМЕЧАНИЕ. Воеводы на Вагу определялись из Приказа Большого Дворца. С 1705 по 1712 год Важеский уезд состоял под ведомством Ижорской канцелярии. С 1712 по 1723 год под ведомством Архангелогородской губернии. С 1723 по 1780 года под ведомством Дворцовым. В 1780 году, по открытии Архангельской области, Важеский уезд по имени города переименован Шенкурским.

(ЗАРИНСКИЙ М.

Архангельские губернские ведомости.—
 1848.— № 2.— С. 15—16.)

Двинские владычные наместники периода независимости новгородской земли

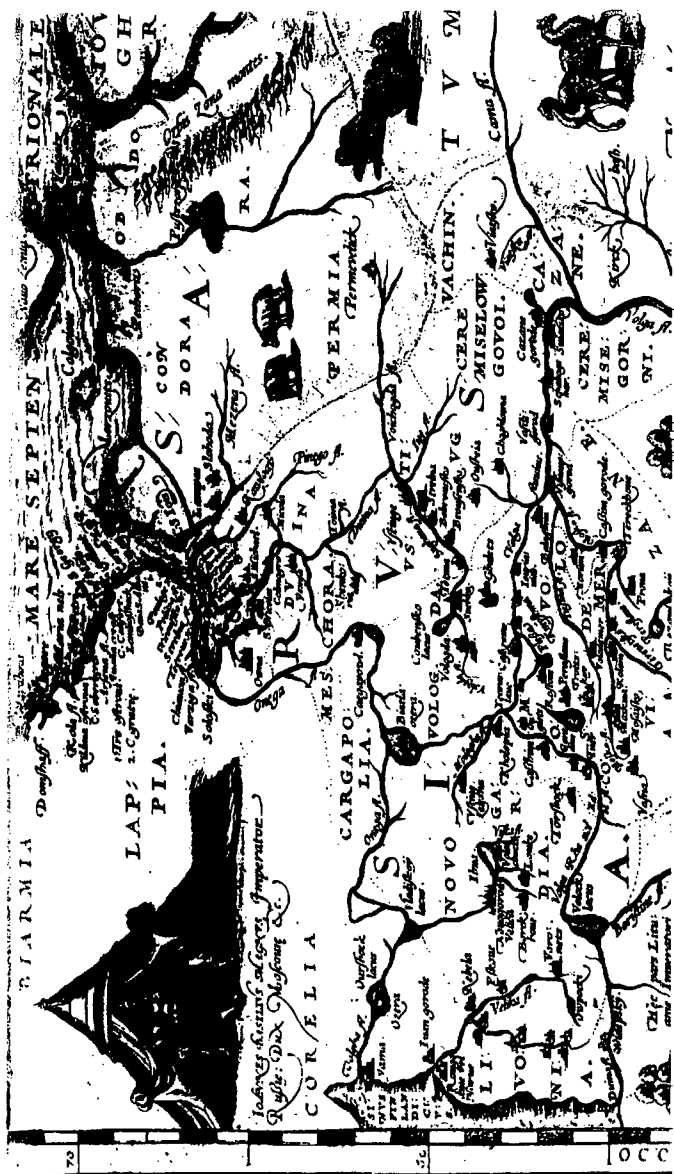
Тимошка	1-я четв. XV в.
Михаил	20—30-е годы XV в.
Григорий	20—30-е годы XV в.
Софоний	20—30-е годы XV в.
Филипп Семенович	2-я четв. XV в.
Остафий Яковлевич	2-я четв. XV в.

Геннадий	40-е годы XV в.
Иона	сер. XV в.
Дементий Алексеевич	50-е годы XV в.
Ермола Алексеевич	50-е годы XV в.
Федор Васильевич,	
Остафий Денисьевич,	
Микула Максимович	50—60-е годы XV в.
Яков Иванович	60-е годы XV в.
Прокопий Филиппович,	
Фома Есифович,	
Григорий Яковлевич,	
Мина Иванович,	
Дементий Кононович, Иван,	
Есиф Фоминич, Иван Петрович	60—70-е годы XV в.

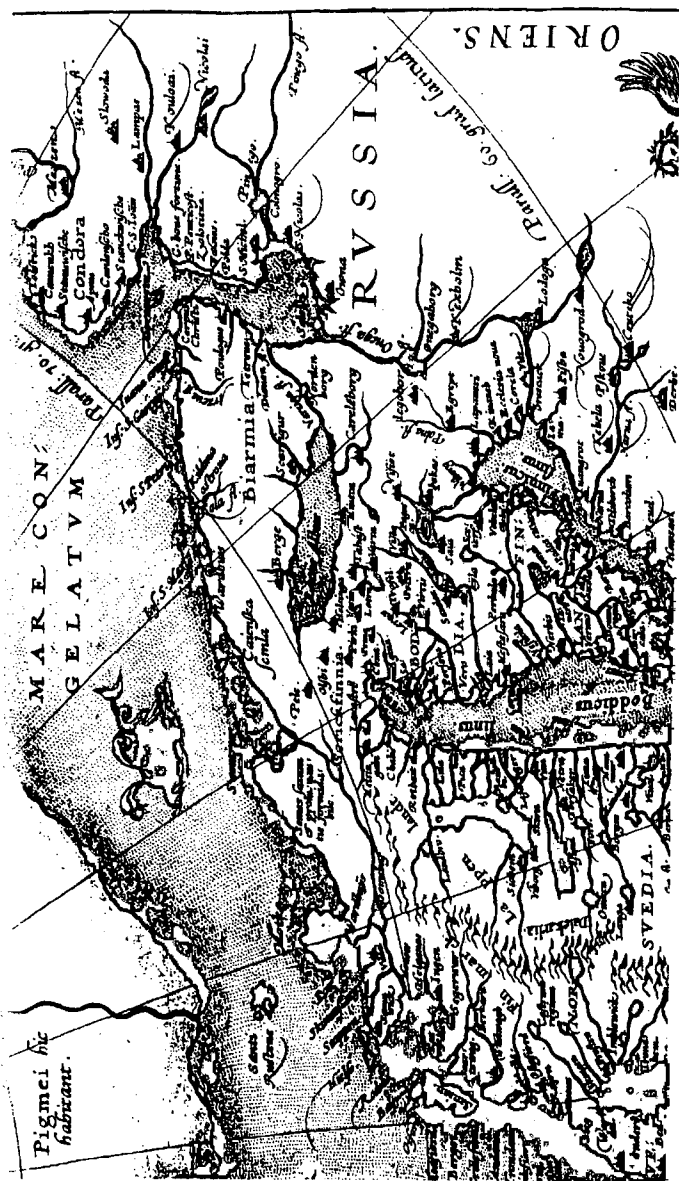
Список составлен В. Л. Яниным на основе датировки сохранившихся актов, скрепленных печатями владычных наместников. Более точно указать даты их правления не представляется возможным.

(В. Л. Янин. Новгородские акты XII—XV вв. — М.: Наука, 1991. — С. 351).

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАРТЫ РУССКОГО СЕВЕРА

Фрагмент карты английского путешественника Антонио Дженнингсона. 1562 г.

Северная Европа и Север России на средневековой европейской карте.

ВЫЧЕГОДСКО-ВЫМСКАЯ (МИСАИЛО-ЕВТИХИЕВСКАЯ) ЛЕТОПИСЬ (фрагмент)¹

Благословением владыко Антония вологодкова и великопермсково се аз Мисаил грешный счини о деяниях на Перме происшедшие от времен создвижения града Устюга Великова да от времен пришествия с Руси святово Стефана от поганства идолопоклонный ко святей вере пермские люди приведоша. А счинил сее бес хитрости и лукавства, что было что есть по царевым государевым князей великих грамотам, которые в ларцех Устьвымские Архангельские пустыни, да житием святых отцов наших Стефана, Герасима, Питирима, Ионы, святителии Пермские земли, а иные грамоты искони времен на Вологде на приказе владыки вологодкова и великопермскова роспытал.

1178 г. Лета 6636 князь великий Всеволод заложил на усти Юга реки град Гледени.

1212 г. князь ростовский Костентин Всеволодыч заложил град Устюг Великий за четыре стадии от Гледены и детинец и церкви устроив в нем. А тот град от Костентина примыслил брат ево Юрии и своею властию отимал земли по Двине и по Вычегде и по Сухоне и по Юге и пермские дани к собе-ж взял. Из града тово Устюга Великия святыи Стефан пермский людие просветил святым крещением.

1333 г. Лета 6841 князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, по что устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди.

1364 г. Лета 6872 князь великий Дмитрий Иванович взверже гнев на князе на ростовского Костентина и взял от тово Ростов и Устюг и пермские места устюгские.

¹ Печатается по: "Родники пармы" / Научно-попул. сб. — Сыктывкар, 1989. — С. 23—33.

1364 г. Лета 6875 князь великий Дмитрей Иванович заратился на Новгород, а новгородцы смирились. Взял князь Дмитрей по тому розмирю к себе Печеру, Мезень и Кегролские. Люди пермские за князя за Дмитрия крест целовали, а новгородцом не норовили.

1379 г. Лета 6887 иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде в землю Пермскую на Вычегду на проповедь слова божия среди нечестивые племени пермян. Того лета начал Стефан у пермян на Пыросе и на Виляде и крести их святей вере.

1380 г. Лета 6888 приде Стефан на место, глаголемое Усть-вымь и тамо ему во всем по обычаю паче иных мест тогда бысть лесно и нача жити при древес и келью и дом молитвенный устроих себе и людем не бысть бо тогда близ того места за полпоприща. Бысть же близ того места их, пермян, нечестивая кумирница. К ней же пермяны часто приходяху места деюще, еже что хощет и почитающе его яко бога. Стефан видя их приходящих к той кумирнице и благословляюще словом Божиим и учаще их и обращающе от прелести идольской ко святей вере христианской. Они же никакo повинующе ко святей вере христианской и крепяхуся. Не бысть бо в том месте много людей. Во един убо от дней приоучися от тех людей, неколих бысть доброве на работе далече для земляного поделия лес и пребывающи тамо яко и до десяти дней живущим. По малу времени един пермин поиде помраченные веры отступивша и приде благоразумие и крестьящися, яко по ним десять мужей. Из дубравы пермины придоша и познаша, что сия от них обратишася во святую веру, начаша о том тужити и гневаться на Стефана, сетоваху, како бы Степана от места того изгнати. И весть даша неверным людем по реке Вычегда, на место именуемом Вишера, и по реке Выме, тамо живяху старый Пансотник. Пан-сотник же, созвав многи люди, яко до тысящех и боле, собравшися в ладьи, приплывшие на Устьвымь и начаша о том зело сетовати, како бы Стефана оттиду изгнати, дабы и вера в безбожная кумирница не разорена будет.

И поиде Пан-сотник оным многими людьми пермстии, хотяху келью разбити и Стефана отогнати или смерти предати,

несяху собою всяк дреколие и лук и стрелы. Стефан, видя их ярящихся, силою всевышнего запрети им, и вси бо един час ослепоша, кто и где бысть и не возмогоша Стефану делати зла. И начаша они, Пан-сотник и с ним пермяне-идолопоклонники молити Стефана, дабы господу богу помолился о прозрении, и дары обещающе и посулы и поделяя на них полагаша, глаголяху: не гоним тебя отсюда. Стефан по их прошению даде им подение, еже близу того места от келии под горой на луге сещи лес и место тово чисто делати, бысть на том месте луг, а лес яко и двум человекам едва обяти. Идолопоклонники сие с радостию обещахуся сделати и в предел такому поделию возьмше. Стефан помолився богу, и вси во едином часе прозреша и в радости начаша на том лузе лес сещи и по три дня толиком трудом, множество пришедшим пермяне, яко тысящи и боле мужей, секуще и чистиша. Они пермяне путаются в той час на берег, раскаяшася, яко много Стефану без мзды зделаша, сами же утруждашеся и начаша о найме сетовать, зело бо встужима и поденное и наятие, у Пама-сотника просяще и крамоляще на Пам-сотника, яко ты поработил еси ново-пришедшу старцу. Пам-сотник же с ними многии идолопоклонники пермстии со берега поидоша к Стефану, несяху собою луки и стрелы и драколия, и на келью возлезоша, хотяще его разломати, а инии в стену ударяше, а инии луки напрягающе, хотяще Стефана изгонити и с ним новопросветившиеся всем купно смертно претяху и глаголяху: не можете ни един из вас живы избежати. Стефан ни мало убояся и не стужи с такового нашествия идолопоклонников и всякого прещенья, паки помолился богу, и вси идолопоклонники во един час ослепоша, кто где бысть. Пермяне паки приступиши и начаша Стефана молити и прощения просяще и о призрении, обещающе поделяя на них полагающе или что угоден. Но Стефан, ни что не требуя еже взяти, точию работу даде им: еже гору ону, на ней же келья его и окопати, и назорных мест рвы делати, и строити его, яко же угодно Стефану. Они же пермяне с радостию вси обещавшиеся по Стефана заповеди делати, и вси в един час прозревши, начаше гору того устроить, осыпати делающе и три рвы ископаша и устроиша гору того вельмы красну,

якоже угодно Стефану. И крестил Стефан той час ко святей вере восемьсот идолопоклонници пермстии: Пан-сотник с остатком возяращеся и претяху новопросветившиися Стефана слушатися, а его Пана слушати, но зла Стефану не могуще делати, понеже их малоллюдно и вшедши восвояси.

1383 г. Лета 6891 приде Стефан до митрополита до Москвы для новокрещеннии пермяки епискупа просити. Пимен митрополит с князем великим с Дмитрием сразсудив, поставилъ его Стефана епискупом Пермскую землю. Князю великому наипаче зело за честь поставление его, ибо знамо зело Стефана и любяще издавна.

1384 г. Лета 6892 приде Стефан от Москвы благословением митрополита и жалованием князя великого Дмитрия Ивановича и бояр его почал строити святыя церкви и монастыри. Создана бысть обитель его болшая, потом епискупия на Устьвыми на владычном горотке. Владыко Стефан на Устьвыме создвиг большой соборный храм Благовещения пересвятыя Богородицы и другой меньшей храм монастырской архистратига Михаила, да монастырские-ж и на Вотче и на Еренском горотке, поставил игумены, и попы и дяконы в оных. Да владыко-ж Стефан пермския азбука счинил, грамоту и книги с русийских на пермский язык переложил. Разъярился владыко Стефан на кумирници пермский поганые, истуканные, изваянные, издолбленные боги их в конец сокрушил, раскопал, огнем пожег, топором посекал, сокрушал обухом, испепелил без остатку и по лесом, и п погостом, и на межах, и на перепутьех. Паки зело разгневан бысть старый Пан-сотник, и лукавством, и козни, и угрозы начаша претит ему Стефану, но сам посрамлен бысть и изгнан из Пермские земли из роду племени. А непохотел кто к святей вере быти, отиде теи на Удору и на Пенегу с жоны и детьми свои.

1385 г. Лета 6893 владыко новгородский разгневан бысть зело, како посмел пимен митрополит дати епархия в Перме, в вотчине святей Софии и прислал дружинники воевати пермскую епархию. Позвал владыко Стефан устюжан, им бы беречи Пермскую землю от разорения. Устюжане побили новгородцев под Чорной рекой под Солдором.

1386 г. Лета 6894 новгородцы со двиняны воевали на Волге, а идучи оттуды великого князя волости и вычегодские,

и устюжские воевали-ж, и князь великий Дмитрей ослушеников побил, волости вернул себе и с новгородцев и с двинцов окуп взял. Того же лета поиде епискуп Стефан в Новгород, потому с Новгородом размирье. Стефан поклонился владыке и боярам новгородским, дабы дружинником новгородским не разорити впредь Пермскую земли и епархия Вычегоцкие земли беречи. Отпущен владыко Стефан от Новгорода с милостию и с дарами.

1389 г. Лета 6897 пришедшу с Удоры и с Пенегу пермяни идолопоклонники на Еренский городок, монастырское Пречистые Богородицы пожгли, пограбили, людей монастырских посекали.

1392 г. Лета 6900 пришедшу на владычный город на Устьвым погаными вогуличи, а с ним Пан-сотник окаянной. Стояли вогуличи станом на Юруме на месте завемый Асыкою неделю, к горотку не приступали, а погосты около тех мест разорили. Узнав те вогуличи из слухов устюжский полк идет на вогуличов, сели в ладьи и утекли вверх Вычегодоу-рекою.

1396 г. Лета 6904 преставился епискуп пермский Стефан на Москве. Како весть дошла до Пермские земли апостола, учителя, вожа, наставника не стало, разрыдался людие пермские, предался скорби вся Пермская сторона.

1398 г. Лета 6906 епискупу Пермские епархия поставлен бысть Исакий.

1418 г. Лета 6926 поставлен бысть в епископы Пермские епархии владыко Герасим. Того же лета ходили ратью устюжаны, вычегжаны, вятчаны Двинскую землю за князя великого воевати и пожгли у двинян Бороку, Емцу, Холмогорцы. Вышли супротив устюжан, вычегжан, вятчан двинские бояры с новгородцы и сугнали-до Устюгу, а город пограбили.

1425 г. Лета 6933 воевали устюжаны и вычегжаны Двинскую землю, а новгородцы шли на них ратью на Устюг и взяли на откуп 6 сороков соболей да 8000 белок.

1432 г. Лета 6940 начался распря великая на земле русской меж детьми великих князей Василия Дмитриевича и Юрия Дмитриевича, меж Васильем Васильевичем и Васильем Юрьевичем. Много крови христианской пролилося безвинно покуда распря была.

1438 г. Лета 6946 пришедши вятчаны с ратью, волости по Лузе и по Нижние Вычегды пожгли и приступиша к городу Устюгу. Город пожгли, а люди сокрылись по лесом.

1443 г. Лета 6951 убиен бысть епискуп пермский Герасим за неколико стадий от владычного горотка, месте зовемый Мыс земскими подъяки за нечто, а то нечто суть земляные поделия на владычном горотке на строение храма ружново, да роспря угодейная.

1444 г. Лета 6952 поставлен бысть в епискупы Пермские епархия архимандрит Питирим Чудова монастыря. Владыко Питирим привел к святей вере пермяков удоренов на Вашке реке, игуменов и попов им дал, святей храмы тамо создвиг.

1447 г. Лета 6955 владыко Питерим с другими владыки российский писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от церкви святей.

1450 г. Лета 6958 повелел князь Дмитрий Юрьевич Шемяка вятчанам идти к себе, а сам поиде от Новоторода в ладьях земли Устюжские разоряти. Призвали устюжана от Шемякины пособляти вычегжаны и вымичи, а сами щита супротив Шемяки не держали. Казнил князь Шемяки перских сотников Емельку Лузькова да Ефимия Эжвина да десятников их. Того же лета звал Шемяка вогуличей и вятчан волости великого князя Василья Васильевича грабити. Вогулечи не шли, а наущением того Шемяки пришедшу вятчане на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожогли, храмы святей грабили, церковное все поимали. Приступали вятчане к владычному горотку Устьвымь, а взять не взяли, постояв на месте Копанец, зовемый Вятский луг, повернули вспять на Вятку.

1451 г. Лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегодскою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегодские по грамоте наказной по уставной.

1452 г. Лета 6960 поймал окаянный Шемяко владыко Питерима, шедшу на Москву, приведе на Устюг, темницу метнув, и мучал ево тамо, а владыка не убоялся тово Шемяки, проклятое слово не взял.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Биармия: легенда или реальность?	14
Норманны, викинги, варяги...	34
Чудь заволочская и чудь белоглазая	56
Господин Великий Новгород	76
Заволочье	102
Страна Вага	134
Двинская земля	155
Заонежье	184
Терский наволок	199
Пермь Вычегодская	218
Печорский край	243
Легендарная Югра	268
Православные богатыри Севера	290
Приложения	326
Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. — СПб., 1906.— Гл. VI. Путешествие Отера	326
Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича	334
Правители Архангельского края	336
Средневековые карты Русского Севера	343
Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евфимиевская) летопись	345

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

БУЛАТОВ
Владимир Николаевич

РУССКИЙ СЕВЕР

книга первая

ЗАВОЛОЧЬЕ (IX—XVI вв.)

Ответственный за выпуск *В. П. Базаркина*
Редактор *Е. Ш. Галимова*
Художник *Р. С. Климов*

Лицензия № 020050 от 23.12.96.

Сдано в набор 22.07.97. Подписано в печать 27.10.97.
Формат 84 х 108/32. Бумага писчая. Гарнитура академическая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 14,34.
Тираж 5000 экз. Заказ № 1151.

Издательство Поморского государственного университета
имени М. В. Ломоносова.
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56.

Издательско-полиграфическое предприятие "Правда Севера".
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

